

СОДЕРЖАНИЕ

О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы. Доклад тов. В. М. Молотова в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 года	3
Законы, принятые Верховным Советом СССР (X сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва)	11
Под знаменем Ленина—Сталина советский народ идёт к победе. Доклад тов. А. С. Щербакова 21 января 1944 года на торжественно-траурном заседании, посвященном XX годовщине со дня смерти В. И. Ленина	13
О государственном гимне Советского Союза	23
СТАТЬИ	
Суточкин С.—Из истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в годы царизма	24
Лихтер Б.—Колхоз в Великой отечественной войне	30
Шекун О.—Изгнание немецких захватчиков из Белоруссии в 1918 году	39
Петровский Н., проф. — Присоединение Украины к России в 1654 году	47
Тарле Е., действ. чл. АН СССР — Первый общий штурм Севастополя и русская победа 18 июня 1855 года	55
Нотович Ф., проф. — Военный разгром и капитуляция Германии в 1918 году	64
Мишулин А., проф. Моск. ун-та — С. А. Жебелев в русской науке по древней истории.	73
СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ	
Эйнгорн В. — В. И. Ленин и Румянцевская библиотека	78
Звявич И., проф. Моск. ун-та — Вероломство Пруссии в отношении России в 1812 году	81
Петрушевский И. — Из истории Ширвана (конец XV века)	87
Лебедев Н. — Византия и монголы в XIII веке	91
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Критические статьи и обзоры	
Крачковский И., действ. чл. АН СССР — К переизданию трудов В. В. Бартольда. Лихтер Б. — «Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков». Бернштам А. Материалы по истории Киргизии в дни Отечественной войны. Зутис Я. — «Средние века». Креморат Б. — Храбровицкий А. Замечательные места Пензенской области	95
Шубников А. — Библиографические заметки	103
ХРОНИКА	
Историческая наука в СССР.	
Асташкевич С. — Конференция по историческому роману. Казиев М. — Работа отдела Отечественной войны Азербайджанского филиала ИМЭЛ. Гелах Т., доц. — Охрана архитектурно-археологических памятников в Бухаре. Лунин Б. — Сурхан-Дарьинский областной музей в Термезе, Узбекской ССР	106
С. И. Черномордик	111

Ем. Ярославский.

Редакционная коллегия:

Б. М. Волин.
И. А. Кудрявцев.
И. И. Минц.
А. М. Панкратова.
С. И. Гопнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А5102. Изд. № 141. Зак. № 6. Тираж 20.000.

Подписано к печати 25 II 1944 г. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ И НАРКОМИНДЕЛА ИЗ ОБЩЕСОЮЗНЫХ В СОЮЗНО-РЕСПУБЛИКАНСКИЕ НАРКОМАТЫ

Доклад тов. В. М. Молотова в Верховном Совете СССР
1 февраля 1944 года.

Товарищи депутаты!

Перед Верховным Советом поставлен вопрос о преобразовании двух наркоматов, Наркомата Оборона и Наркоминдела, из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы. Совет Народных Комиссаров считает этот вопрос вполне назревшим.

Дело идёт не об обычном преобразовании двух наркоматов. Дело идёт, прежде всего, о постановке новых ответственных задач перед союзными республиками. Поставлен вопрос о новых задачах и правах союзных республик, во-первых, в деле обороны нашей страны, и, во-вторых, в области внешних сношений с иностранными государствами и, в связи с этим, о важных преобразованиях в нашем союзном государстве.

До сих пор союзные республики участвовали в общем деле создания, организации и вооружения Красной Армии. Наша армия создавалась, как общесоюзная армия, а отдельных войсковых формирований республик не существовало. Теперь предлагается ввести войсковые формирования республик, которые должны быть составными частями Красной Армии. В связи с этим возникает потребность в создании Наркоматов Оборона в союзных республиках, а также необходимость преобразования общесоюзного Наркомата Оборона в союзно-республиканский наркомат.

После создания Союза Советских Республик в 1922 году внешние политические сношения были сосредоточены целиком в общесоюзном Народном Комиссариате Иностранных Дел, причём отдельные республики передали полномочия по внешним сношениям этому наркомату. Ныне правительство Союза предлагает предоставить союзным республикам полномочия вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения. Естественно, что предоставление республикам полномочий в области внешних сношений вызывает необходимость создания Наркоминделов в союзных республиках и необходимость преобразования общесоюзного Наркоминдела в союзно-республиканский наркомат.

Смысл предлагаемого преобразования совершенно ясен. Это преобразование означает большое расширение деятельности союзных республик, которое стало возможным в результате их политического, экономического и культурного роста, иначе говоря — в результате их национального развития. В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей Ленинско-

Сталинской национальной политики. (А п л о д и с м е н т ы). Однако, это преобразование стало возможным не просто в результате укрепления наших республик. Оно стало возможным в результате достигнутого укрепления нашего общесоюзного государства в целом.

Происшедшее укрепление Советского Союза всего убедительнее доказывается тем, как наша Красная Армия, несущая всю тяжесть борьбы с главными силами опаснейшего врага, бьёт немецко-фашистскую армию и успешно приближает момент полного изгнания врага с советской территории и его полный разгром. (А п л о д и с м е н т ы). Теперь уже более чем очевидно, как скандально провалились расчёты врага на поражение Красной Армии, и насколько близоруки были гитлеровские расчёты на разъединение народов Советского Союза. Наша армия, в которую влились миллионы людей от всех народов Советского Союза, и которой такую неоценимую помощь оказывают наши партизаны в тылу врага, с каждым днём всё более успешно доказывает, как окрепла наша страна, как могуч советский строй, как велика дружба советских народов. (А п л о д и с м е н т ы).

Настоящее предложение о преобразованиях в области организации обороны и внешних сношений, с большим расширением функций союзных республик, должно служить новым подтверждением нашей уверенности в крепости и росте сил Советского Союза. Эта уверенность демонстрируется тем сильнее, что мы предлагаем провести эти преобразования в разгар Отечественной войны, когда так велико напряжение сил наших народов, и когда не каждое государство решилось бы на такие крупные преобразования.

I

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ

Перехожу к вопросу о преобразовании Наркомата Оборона.

Проектом Закона предлагается установить, что союзные республики организуют войсковые формирования республик и что Народный Комиссариат Оборона преобразуется из общесоюзного в союзно-республиканский. Соответственно этому предлагается внести необходимые дополнения в общесоюзную Конституцию.

У нас и в настоящее время существуют национальные войсковые формирования в Красной Армии. В нашей армии имеются войсковые формирования: литовские, латышские, эстонские, грузинские, азербайджанские, армянские, казахские и некоторые другие. Некоторые из этих войсковых частей были созданы уже во время Отечественной войны. Теперь, когда все народы Советского Союза стремятся занять своё место в рядах Красной Армии, для нас имеет важное значение образование войсковых формирований республик.

Как известно, в царской России на военную службу не призывались некоторые национальности и народности. Не призывались, например, узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы, большинство народностей Северного Кавказа, а также народности Севера. Царизм, естественно, не доверял народам, которых он держал в колониальном или полуколониальном положении. Царская власть ничего и не делала для того, чтобы подготовить эти народы к постепенному вовлечению в армию.

В советское время положение коренным образом изменилось.

В нашем законодательстве, разумеется, нет правовых ограничений по призыву в армию для тех или других национальностей. Но должно было пройти известное время, чтобы сделать возможным фактическое осуществление призывов в Красную Армию во всех частях Советского Союза. Частичные призывы в Красную Армию проводились за прошлые годы и в тех районах СССР, где в старое время не производилось военных призывов. Создавались и национальные войсковые части в Красной Армии, но эти формирования до настоящего времени не могли получить своего настоящего развития.

Теперь положение изменилось к лучшему. Создались достаточные возможности для войсковых формирований в союзных республиках. Во всех республиках имеются не только кадры рядовых бойцов, но и известные кадры командного состава, могущего руководить соответствующими войсковыми частями. Таким образом, теперь образование войсковых формирований в союзных республиках может быть поставлено на твёрдые ноги. Но для осуществления этой задачи нужно иметь республиканские Наркоматы Обороны, а, следовательно, возникает необходимость преобразования общесоюзного Наркомата Обороны в союзно-республиканский наркомат. Надо думать, что это усилит внимание республик также к постановке военного обучения в школах и в высших учебных заведениях, что нам необходимо. При таком положении образование войсковых формирований в республиках, как составных частей Красной Армии, сыграет свою немаловажную положительную роль.

Как это отразится на нашей Красной Армии? Будет ли это содействовать её укреплению, росту её мощи? Да, в этом не может быть сомнения. Наша армия всегда была близка и дорога народам Советского Союза. В ходе Отечественной войны ещё больше усилилась любовь народов СССР к своей армии, и ещё более сильной и всеобщей стала гордость советских людей успехами и героизмом Красной Армии. (Аплодисменты). В самом деле. Кто не видит, какую славную борьбу ведёт наша армия за освобождение Украины, за освобождение Белоруссии? Кто не ценит всей душой того, что делает Красная Армия для подготовки близкого освобождения Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Карело-Финской республики? (Продолжительные аплодисменты). Кто не помнит о том, что советские войска спасли Азербайджан, Грузию и Армению от нашествия германского фашизма? (Аплодисменты). Кто не прославляет в советском народе нашу армию за то, что она отстояла нашу столицу — Москву, учинила разгром немцев под Сталинградом, перейдя в наступление по всему фронту, защитила Ленинград, полностью сняла с него блокаду и гонит сейчас полчища врага с родной земли, не давая ему передышки? (Бурные, продолжительные аплодисменты). Кто, кроме зачумлённых фашизмом, не понял теперь, что Красная Армия выполняет освободительную миссию не только в отношении своей Родины, но и в отношении всех демократических стран, которые борются за свою честь, свободу и независимость против смертельной опасности со стороны фашизма? (Аплодисменты). Кто, дальше, не знает о том, что рабочие и работ-

ницы наших заводов и фабрик, что крестьяне и крестьянки в колхозах, что наша интеллигенция, что все советские люди готовы отдать для укрепления мощи Красной Армии все свои силы, что своим самоотверженным трудом они на деле выполняют свой долг перед родиной, перед героической Красной Армией? (Продолжительные аплодисменты).

Образование войсковых частей республик должно послужить дальнейшему укреплению нашей армии, как защитницы нашей родины, как надёжной опоры Советского Союза. Враги Советского Союза могут не сомневаться, что в результате этих новых войсковых формирований силы нашего государства ещё более окрепнут. Это заставит их впредь быть поосторожнее. Это новое воплощение крепнущей дружбы народов Советского Союза будет содействовать дальнейшему росту авторитета нашей страны в глазах народов Востока и Запада. (Аплодисменты).

II

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАРКОМИНДЕЛА

Не меньшее значение имеет преобразование общесоюзного Наркоминдела в союзно-республиканский наркомат.

До образования Советского Союза, наряду с Наркоминделом РСФСР, существовали Наркоминделы на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджане, которые в определённых случаях поддерживали внешние сношения с другими государствами. В первый период, когда наше государство ещё не было собрано в одно общесоюзное государство, а состояло из разрозненных частей,— между отдельными советскими республиками и иностранными государствами был заключён ряд договоров и соглашений. В некоторых случаях представители РСФСР получали специальные полномочия от других советских республик для участия в международных совещаниях и для заключения договоров с другими государствами от имени всех или нескольких советских республик. Тов. Сталин говорил на I-ом общесоюзном Съезде Советов, что тогда «советские республики, хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования». На первой стадии это было неизбежно.

При образовании СССР, в соответствии с общей волей союзных республик, было решено объединить в одном центре дело внешних сношений с иностранными государствами. Тогда был создан общесоюзный Наркомат Иностранных Дел, получивший права Наркоминделов отдельных советских республик. С тех пор и до наших дней советское государство было представлено за границей через общесоюзных дипломатических представителей. Договоры и соглашения с иностранными государствами заключались также только от имени Союза. Это было необходимо для определённого этапа развития нашего государства и дало свои положительные результаты, укрепив государство и высоко подняв его роль в международных делах. (Аплодисменты).

Что и тогда, ещё на партийном съезде в 1923 году, тов. Сталин говорил:

«Национальный вопрос мы будем ставить ещё не раз, ибо условия национальные и международные меняются и ещё могут измениться. Я не зарекаюсь от того, что, быть может, нам придётся некоторые комиссариаты, которые мы сливаем в состав Союза Республик, потом разъединить...»

Как лучший знаток национального вопроса, не только в нашей партии и не только в нашей стране, тов. Сталин,— который вместе с великим Лениным заложили основы Советского Союза,— уже тогда указывал, что изменения в международной обстановке и национальное развитие будут не раз вызывать организационные перестройки в аппарате советского государства. Иным и нельзя представить себе положение дел, особенно в таком молодом и быстро крепнущем организме, как Советский Союз.

Теперь вопрос о внешних сношениях союзных республик стоит иначе, чем два десятилетия тому назад, когда создавался Советский Союз. Он вырос из жизненных потребностей республик и его разрешение диктуется интересами Союза, как целого.

Давно прошло время, когда некоторые иностранные государства старались не замечать существования рождённой Октябрьской революцией Советской Республики. Теперь, напротив, среди иностранных государств растёт тяга к установлению и развитию дипломатических отношений с нашим государством. Конечно, в условиях мировой войны для этого имеются свои особые немалые трудности, но всё же и за годы войны международные связи СССР неуклонно расширялись. Можно даже сказать, что именно за годы войны международные связи Советского Союза поднялись на новую, более высокую ступень. Факты общеизвестны. Впервые за время существования советской власти мы установили не только дружественные, но и союзные отношения с Великобританией. (Продолжительные аплодисменты). Такие же хорошие отношения у нас установились с Соединёнными Штатами Америки. (Продолжительные аплодисменты). Создалась мощная антигитлеровская коалиция, возглавляемая Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами Америки, военное и политическое значение которой для всего круга демократических государств трудно переоценить. (Аплодисменты). Примером укрепляющихся дружественных отношений Советского Союза с европейскими государствами может служить недавно заключённый Советско-Чехословацкий договор. Заложены основы для сотрудничества великих и малых демократических стран не только во время войны против общего врага, но и для послевоенного периода во имя охраны мира от новых покушений со стороны агрессивных держав. Как известно, Московская и Тегеранская конференции заняли виднейшее место в развитии и укреплении антигитлеровской коалиции. И как никогда велика уверенность народов антигитлеровского лагеря в близкой и полной победе, в недалёких уже совместных сокрушительных ударах союзников по общему врагу, а также уверенность в том, что в этой совместной борьбе закалится союз и дружба антифашистских стран. (Аплодисменты).

И всё же нельзя сказать, чтобы этот общий, положительный ход развития международных связей Советского Союза мог полностью охватить не только общесоюзные нужды, но и многообразные и растущие

потребности союзных республик во внешних делах. Имеется, например, немало специфических хозяйственных и культурных нужд у союзных республик, которые не могут быть в полной мере охвачены общесоюзным представительством за границей, а также договорами и соглашениями Союза с другими государствами. Эти национальные запросы республик могут быть лучше удовлетворены посредством прямых сношений республик с соответствующими государствами. Разумеется, требуется специальная конкретная разработка вопросов этого рода в общесоюзных и республиканских органах. Нельзя также отрицать, что потребуются некоторое время, чтобы наладить эту внешнюю деятельность республик. Такие вопросы решаются не по шаблону. Бесспорно, однако, то, что вопрос о выходе на внешнюю арену деятельности приобрёл уже для ряда республик жизненное значение. Следует, наконец, признать, что это не только в интересах тех или иных отдельных союзных республик, но и в интересах всего дела расширения международных связей и укрепления сотрудничества СССР с другими государствами, что так важно во время войны и что даст свои плоды также в послевоенный период.

Вот основания, по которым следует признать необходимым преобразование Наркоминдела из общесоюзного в союзно-республиканский наркомат. Если в первый период существовали только республиканские Наркоминделы, а во второй только общесоюзный Наркоминдел, то теперь Народный Комиссариат Иностранных Дел должен превратиться в более сложную и разветвленную организацию — в союзно-республиканский наркомат.

Мне остаётся немного добавить о нашей дипломатической практике. Приходится констатировать, что отсутствие специальных указаний в Советской Конституции в отношении права союзных республик на обмен представительствами с другими государствами и на внешние сношения иногда истолковывается в прямой ущерб интересам советских республик и Советского Союза в целом. Предлагаемое дополнение послужит к ликвидации такого рода фактов.

III

НОВЫЙ ШАГ ВПЕРЕД В РАЗРЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Предлагаемое преобразование Наркоминдела и Наркомата Обороны является новым шагом вперед в разрешении национального вопроса в Советском Союзе. Это преобразование находится в прямом соответствии с принципами нашей Ленинско-Сталинской национальной политики. Проведение такого рода мероприятий в настоящее время означает, что советское государство достигло новой ступени своего развития, превращаясь в более сложный и полнокровный организм. В этом нельзя не видеть новое свидетельство великого значения социалистических принципов организации Советского Союза.

В докладе на съезде Советов, утверждавшем Конституцию СССР в 1936 году, тов. Сталин так охарактеризовал победу национальной политики советской власти, обеспечившую успех образования многонационального государства на базе социализма:

«Отсутствие эксплуататорских классов, являющихся основными организаторами межнациональной драки; отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию,— все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства.

В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света». (Продолжительные аплодисменты).

С тех пор прошло ещё 7 лет,— и каких лет! Скоро три года, как мы ведём Великую Отечественную войну с германским фашизмом и его союзниками, использующими в борьбе с Советским Союзом материальные и людские ресурсы почти всей Европы. Это было новым и притом самым серьёзным испытанием для нашего многонационального государства. Но и это испытание с честью выдержал Советский Союз.

В 26-ю годовщину Октябрьской революции тов. Сталин в таких словах подвёл итог последнему периоду:

«Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчёты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков». (Аплодисменты).

В этом,— по словам тов. Сталина,— один из решающих источников силы Советского Союза.

Подведём итоги.

Проводя в настоящих условиях крупные государственные преобразования, мы должны, конечно, поставить вопрос о том, как это отзовется на Красной Армии и на её глубоком тыле в стране. Иначе говоря, делаем ли мы шаг к укреплению или к ослаблению СССР?

Всё сказанное выше даёт возможность дать на этот вопрос определённый ответ.

Преобразование Наркоминдела и Наркомата Оборона, вытекающее из расширения задач и функций союзных республик внутри страны и за её пределами, не только не противоречит интересам укрепления нашего Союза, а напротив, проводится во имя и для дальнейшего укрепления нашего великого государства. (Продолжительные аплодисменты). С момента образования Советского Союза Конституция обеспечила союзным республикам такое высшее выражение их суверенных прав, как право свободного выхода из СССР. Но чем дальше, тем больше народы Советского Союза проникаются стремлением жить в тесной дружбе между собою, помогать друг другу и идти вместе через все испытания под руководством советской власти. (Аплодисменты). Признание со стороны Союза факта возросших

потребностей республик в их государственном строительстве, включая и внешнюю деятельность, и законодательное обеспечение этих нужд республик, лишь укрепляет братские отношения народов нашей страны и ещё полнее раскрывает исторический смысл существования Советского Союза в глазах народов Востока и Запада.

Следует, дальше, признать, что новый шаг вперёд в разрешении национального вопроса в СССР имеет большое значение с точки зрения всего прогрессивного человечества. В период, когда германский фашизм — это худшее детище империализма! — поднял голову и развязал мировую войну, чтобы душить соседей, уничтожать свободные государства и навязывать свою разбойничью империалистическую политику другим народам Европы, а затем и народам всего мира, — новый успех в проведении Ленинско-Сталинской национальной политики в советском государстве будет иметь особенно важное международное значение. Этот шаг советской власти будет новым морально-политическим ударом по фашизму и его человеконенавистнической политике, насквозь враждебной интересам свободного национального развития народов. Советский Союз и его союзники уже успешно бьют фашизм, навязавший эту войну, приближая сроки его полного военного разгрома. Но мы знаем, что военным разгромом фашистских сил нельзя ограничиться. Нужно, чтобы морально-политический разгром фашизма также был доведён до конца. (Продолжительные аплодисменты). Этому, мы уверены, будут с успехом содействовать те государственные преобразования в Советском Союзе, которые сейчас представляются на ваше утверждение:

Я выражаю уверенность, что Верховный Совет продемонстрирует единодушие советских людей в решении вопроса о предлагаемых государственных преобразованиях. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).

ЗАКОН

о создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Оборона из общесоюзного в союзно- республиканский Народный Комиссариат

В целях усиления оборонной мощи Союза Советских Социалистических Республик Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет;

1. Установить, что союзные республики организуют войсковые формирования республик.

2. Внести в Конституцию СССР следующие дополнения:

а) дополнить статью 14 пункт «ж» Конституции СССР после слов «организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР» словами — «установление руководящих основ организации войсковых формирований союзных республик», изложив этот пункт следующим образом:

«ж) организация обороны СССР, руководство всеми вооруженными силами СССР, установление руководящих основ организации войсковых формирований союзных республик;»

б) дополнить Конституцию СССР статьей 18-б следующего содержания:

«СТАТЬЯ 18-б. Каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования;»

в) дополнить статью 60 Конституции СССР пунктом «е» следующего содержания:

«е) устанавливает порядок образования республиканских войсковых формирований;»

3. Преобразовать Народный Комиссариат Оборона из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 1 февраля 1944 г.

ЗАКОН**о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат**

В целях расширения международных связей и укрепления сотрудничества Союза Советских Социалистических Республик с другими государствами и учитывая возросшую потребность союзных республик в установлении непосредственных отношений с иностранными государствами, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Установить, что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения.

2. Внести в Конституцию СССР следующие дополнения:

а) дополнить статью 14 пункт «а» Конституции СССР после слов «представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров» словами — «установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами», изложив этот пункт следующим образом:

«а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами, установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами;»

б) дополнить Конституцию СССР статьей 18-а следующего содержания:

«СТАТЬЯ 18-а. Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями;»

в) дополнить статью 60 Конституции СССР пунктом «д» следующего содержания:

«д) устанавливает представительство союзной республики в международных сношениях».

3. Преобразовать Народный Комиссариат Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 1 февраля 1944 г.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА — СТАЛИНА СОВЕТСКИЙ НАРОД ИДЕТ К ПОБЕДЕ

Доклад тов. А. С. ЩЕРБАКОВА 21 января 1944 года на торжественно-траурном заседании, посвящённом XX годовщине со дня смерти
В. И. Ленина

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Товарищи! Вот уже 20 лет народы Советского Союза работают и борются без Ленина, вдохновляемые его великими, немеркнущими идеями. Каждый прожитый год давал всё новое и новое подтверждение верности и жизненности идей создателя нашей партии и советского государства.

Двадцатую годовщину со дня смерти Ленина наша страна отмечает в дни наступления Красной Армии против немецко-фашистских войск. В этих славных боях наш народ, наша армия одерживают победы под знаменем Ленина—Сталина.

Теперь, когда наше государство в войне против объединённых вооружённых сил фашистских государств выдержало суровые испытания, — ещё более ярким встаёт перед нами образ великого Ленина.

История старой России состояла, между прочим, в том, что её били за отсталость военную, за отсталость хозяйственную, за отсталость культурную, за отсталость государственную.

Ленин и Сталин указали пути и средства ликвидации вековой отсталости нашей страны и укрепления независимости нашего государства. Известно, что царская Россия всё более отставала в своём развитии от передовых в экономическом отношении стран мира и ввиду этого всё более впадала в кабалу иностранных государств. Страна шла путём, который неизбежно привёл бы её к потере государственной самостоятельности. От такого позора нашу страну спасла большевистская партия. Учитывая опыт первой мировой войны, в ходе которой отсталая царская Россия оказалась перед катастрофой, Ленин, незадолго до Октябрьской революции, говорил: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически... Погибнуть или на всех парах устремиться вперёд». (Ленин, т. 21, стр. 191).

В результате Великой Октябрьской Социалистической революции и последовательного осуществления ленинско-сталинской политики, Советская страна стала могучей индустриальной и колхозной державой. История не знает примеров такого бурного экономического и культурного развития, какой явила миру наша страна за годы советской власти.

Все силы советского народа направлены были на создание в кратчайший срок мощной современной промышленности. Медлить в этом деле было нельзя. На огромном пространстве от Балтики до Тихого океана, от Ледовитого океана до Черного моря развернулось гигантское строительство предприятий, выросли новые города и промышленные центры.

В стране были созданы такие отрасли промышленности, имеющие важнейшее значение для обороны страны, как станкостроение, самолётостроение, автомобильная, тракторная, химическая промышленность. Во много раз возросло производство электроэнергии, нефтепродуктов и угля. Огромное развитие получила чёрная металлургия. Создана была новая мощная угольно-металлургическая база на Востоке.

Известно, что царская Россия в прошлой мировой войне ввиду экономической отсталости оказалась перед угрозой военного разгрома. Промышленность не могла снабжать армию не только таким новым вооружением, как самолёты и танки, но и обычной для того времени боевой техникой. В русской армии почти не было тяжёлой артиллерии, не хватало лёгкой артиллерии, пулемётов и даже винтовок. В периоды напряжённых боёв армия оставалась без снарядов и патронов.

В нынешней войне наша армия не испытывает недостатка в вооружении и боеприпасах, боевая техника Красной Армии всё более совершенствуется. Это является результатом осуществления великих предначертаний Ленина и Сталина о ликвидации вековой технической отсталости России.

При этом нельзя забывать, что в войну 1914—1917 г.г. на русско-германском фронте стояло не более 127 дивизий немцев и их союзников. Теперь, во вторую мировую войну, Германия и её вассалы выставили против СССР не менее 260 дивизий. Стало быть, на советско-германском фронте немцы и их вассалы имеют сейчас армию в два раза больше, чем это было в первой мировой войне.

Без мощной индустрии, созданной в сталинские пятилетки, невозможно было бы ведение такой войны, какой не видел прежде мир — ни по масштабам сражений, ни по характеру вражеских армий, ни по количеству самой новейшей техники, участвующей в войне. Тем более невозможны были бы победы в такой войне.

Могучая промышленность Советского Союза является материально-технической базой боевых успехов Красной Армии.

Мобилизовав все силы народа на создание современной промышленности, партия, вместе с тем, приступила, как только для этого созрели условия, к коренному преобразованию сельского хозяйства. В результате осуществления политики коллективизации были созданы новые, решающие условия, необходимые для построения социалистического общества. Преобразована была самая отсталая область народного хозяйства. Вместо распылённых крестьянских хозяйств с их допотопной техникой и консервативным укладом жизни страна стала иметь крупное социалистическое сельское хозяйство, оснащённое передовой техникой. Тем самым, социализм победил и в деревне.

Осуществились великие предначертания Ленина и Сталина о социалистической перестройке сельского хозяйства. Для каждого очевидно, что вести войну такого масштаба, как нынешняя война, имея в тылу отсталое, раздробленное, индивидуальное крестьянское хозяйство, — было бы просто невозможно.

Колхозы, обеспечивающие ныне в трудных военных условиях снабжение армии и страны продовольствием, а промышленность — сырьём, являются крепкой опорой фронта и боевых успехов Красной Армии.

Под руководством большевистской партии в нашей стране не только была создана новая, социалистическая экономика, но и выращены кадры, способные двигать вперёд технику, пускать её в ход.

Подготовка кадров развернулась столь же быстрыми темпами, как и хозяйственное строительство. Прошло всего несколько лет, и в нашей стране появились многочисленные кадры инженеров, техников, квалифицированных рабочих в промышленности и на транспорте, трактористов, комбайнеров, агрономов в сельском хозяйстве. Наличие этих технически грамотных кадров позволило в свою очередь создать многочисленные военные кадры — артиллеристов, танкистов, лётчиков, связистов и сапёров. Такие кадры в большом числе могут появиться только в стране технически и экономически передовой.

Таким образом, осуществились указания Ленина и Сталина о подготовке из рабочих и крестьян интеллигенции, преданной интересам Родины. Без интеллигенции, без технически грамотных кадров вести современную войну было бы невозможно. Наличие таких кадров дало возможность нашей партии в условиях войны разрешить труднейшую задачу — быстро перевести промышленность на производство вооружения и в короткий срок развернуть многомиллионную армию.

Начиная свою преступную войну против СССР, гитлеровцы думали найти щели и трещины в советском обществе, рассчитывали нарушить его единство. Они рассчитывали вбить клин между рабочими и колхозниками, поссорить их между собой. Однако для кого теперь не очевидно, что эта ставка гитлеровцев оказалась битой. Союз рабочих и крестьян закалился на полях сражений, окреп в самоотверженной работе в тылу и ныне является прочным, как никогда.

Ленинско-сталинская политика партии сплотила воедино всех трудящихся, создала и укрепила союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, ликвидировала былую национальную рознь между народами. Наше свободное отечество стало надёжным оплотом дружбы народов. Ныне все народы нашей страны, во главе с великим русским народом, с оружием в руках самоотверженно участвуют в войне за свободу и независимость всей Родины. В этом сказалась сила и жизненность ленинско-сталинской национальной политики, обеспечившей братское сотрудничество всех народов Советского Союза.

Таким образом, осуществлены великие предначертания Ленина и Сталина об укреплении дружбы между народами Советского государства, об упрочении союза рабочих, крестьян и интеллигенции.

Более двух с половиной лет прошло со времени разбойничьего нападения фашистских орд на нашу страну. Советское государство, созданное Лениным и превращённое под руководством товарища Сталина в несокрушимую крепость, не только устояло против натиска фашистских полчищ, но и отбил этот натиск ударами такой силы, под тяжестью которых рушится гитлеровская коалиция, трещит здание фашистского «нового порядка в Европе». Если в нынешней войне, решающей судьбы поколений, советский народ одерживает великие победы, то этим мы обязаны тому, что наша партия под водительством товарища Сталина шла по

ленинскому пути и неуклонно осуществляла ленинские заветы. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

ВЕЛИКИЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Прошедший после девятнадцатой годовщины со дня смерти Владимира Ильича Ленина год явился переломным в ходе Отечественной войны. Этот год прошёл под знаком военных успехов Красной Армии и крупных поражений армии немецких захватчиков. Этот год с новой силой подтвердил великую правду, заключённую в словах Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своём узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда». (Ленин, соч., т. 24, стр. 258—259).

Немецко-фашистские захватчики на всём протяжении войны предпринимали отчаянные усилия, бросали в бой все свои силы, чтобы разбить Красную Армию и поработить нашу Родину. Однако один за другим рушились авантюристические планы гитлеровцев, рассчитанные на завоевание Советского Союза.

В первые месяцы войны не только гитлеровцы, но, не будет преувеличением сказать, что большинство политических и государственных деятелей в союзных странах, расценивали временные неудачи Красной Армии как проявление военной и экономической слабости Советского государства. Они полагали, что на советско-германском фронте гитлеровские орды одержат столь же лёгкую и молниеносную победу, как и на западе — в Польше, Бельгии, Франции и т. д.

В подтверждение своих слов я сошлюсь только на два свидетельства, хотя их можно привести сколько угодно.

Американский журналист Кэссиди в своей книге «Московские записи» сообщает, что эксперты по русским делам, из лагеря союзников в начале войны предрекали быструю гибель Советского Союза: «Общее мнение всех экспертов, — пишет Кэссиди, — было таково, что война в России продлится от трёх недель до трёх месяцев. Они были бы очень удивлены, если бы им тогда сказали, что наступит третий год войны и Красная Армия будет наносить тяжёлые удары вооружённым силам Германии».

Подобное же свидетельство содержится и в книге известного американского государственного деятеля — Стеттиниуса: «Я вспоминаю, — пишет он, — много дискуссий, во время которых говорилось о том, что война в России закончится к 1 августа (речь, разумеется, идёт о 1 августа 1941 г. А. Щ.). Сторонники этой точки зрения считали, что всё вооружение, которое мы отправим в Россию, вероятно, попадёт в руки Гитлера. Единство советского народа и сила Красной Армии недооценивались в те дни не только в Берлине, но также и в Вашингтоне и Лондоне».

Что касается советского народа, то он в самые трудные дни борьбы ни на минуту не терял уверенности в победе, ибо он знал, что преобразованная под руководством Ленина и Сталина наша социалистическая страна сильна и могуча, что немецко-фашистским захватчикам и их союзникам не расшатать крепость Советского государства.

Руководствуясь непреложным правилом — всегда говорить народу правду и только правду, наша партия, товарищ Сталин уже в самом начале войны во весь голос сказали трудящимся о той огромной опасности, которая нависла над Родиной со стороны фашистских разбойников. И вместе с тем, уже тогда, в первые дни войны, гений нашего вождя, товарища Сталина осветил перспективы войны и мобилизовал армию и народ на преодоление смертельной опасности, нависшей над страной. Товарищ Сталин говорил тогда, что успехи немцев на советско-германском фронте имеют временный характер, что гитлеровская армия будет отброшена и разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма. Теперь уже всем очевидно, как сбываются слова товарища Сталина.

Прошедший год в военном отношении был годом крупнейших побед Красной Армии. В ходе Отечественной войны произошёл коренной перелом. Сталинградская битва ознаменовала начало этого коренного перелома. Гитлеровцы ещё тешили себя надеждой выйти из тяжёлого кризиса, и эта надежда связывалась ими с летним наступлением. Однако летом истекшего года немцы не смогли уже достичь даже временных успехов.

Начав своё запоздалое летнее наступление, гитлеровцы возвестили, что это будет решающий поход, который принесёт Германии полную победу. Однако летнее наступление немцев было ликвидировано Красной Армией. Под Курском Красная Армия устроила немецко-фашистским войскам новое побоище. Брошенные в наступление на Курск немецкие войска были разгромлены, и гитлеровцы уже не смогли сдержать напор наших войск, которые успешно развернули своё летнее наступление: «Если битва под Сталинградом,— говорил товарищ Сталин,— предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

В течение всего лета и осени истекшего года наши войска беспрестанно гнали немцев на запад, взламывали долговременные оборонительные сооружения противника, форсировали крупнейшие водные преграды, ломали ожесточённое сопротивление врага и шаг за шагом очищали советскую землю от заклятых врагов нашей Родины.

Германское командование старалось во что бы то ни стало удержать линию Днепра. В конце сентября гитлеровское командование обратилось к своей армии с приказом не отдавать больше ни одной пяди земли. Гитлер уверял немцев, что Днепр будет рубежом, отделяющим две армии друг от друга, что зимние позиции на Днепре хорошо укреплены и их можно считать неприступными. Берлинское радио расписывало ширину и глубину Днепра, высоту его западного берега, выгодность и неприступность командных позиций немцев на высотах днепровских берегов. На днепровских позициях гитлеровцы намеревались прочно держаться. Но, как говорят, держалась кобыла за оглобли, да упала. (Смех и оживление в зале).

Уже в начале октября советские войска форсировали Днепр и создали несколько плацдармов на его правом берегу. А спустя месяц советское знамя взвилось над освобождённой столицей Украины. После изгнания немцев из Киева окончательно рухнули германские планы

удержаться на линии Днепра. Больше того — со взятием нашими войсками Киева началась битва за правобережную Украину.

Уроки истекшего переломного года войны неопровержимо говорят о том, что, несмотря на все «тотальные» мобилизации, немецкая армия всё более слабеет, а силы Красной Армии возрастают. Это видно из того, что уже более года наши войска держат инициативу военных действий в своих руках. Это видно также из того, что все попытки немцев вырвать инициативу из рук Красной Армии кончаются провалом. Контратаки немцев даже на узких участках фронта не дают для них желаемых результатов и успешно отбиваются нашими войсками. Не случайно Красная Армия за истекший год отбросила немецкие войска на запад местами до 1.500 километров. Не по своей доброй воле немцы оставили важнейшие сельскохозяйственные районы Кубани, Дона, левобережной Украины, крупнейшие промышленные центры — Донбасс, Запорожье, Днепропетровск, Кировоград и другие. Их вышибла отсюда наша Красная Армия. Теперь Красная Армия одерживает славные победы под Ленинградом.

Вконец запутавшиеся в собственном вранье гитлеровские дурачки дают, нужно прямо сказать, нелепые объяснения причин отступления немецкой армии. После разгрома немецких войск под Сталинградом гитлеровцы говорили: «Потеря Сталинграда не имеет важного значения. Вот если бы советские войска захватили районы Дона или Кубани, — тогда другое дело». После изгнания немецких войск из районов Дона и Кубани немцы ещё пегушились и приговаривали: «Потеря Дона и Кубани ничего не значит. Вот если бы советские войска захватили Донбасс, — тогда другое дело». После разгрома немецких войск в Донбассе гитлеровцы бормотали: «В Донбассе были невыгодные позиции. Вот если бы советские войска перешли за Днепр, — тогда другое дело».

Под ударами Красной Армии немцы «сокращали» линию фронта в зиму 1941 года, продолжали укорачивать фронт зимой 1942 года, летом 1943 года и этим же делом занимаются сейчас — зимой 1944 года. Но, как говорит народная пословица, — «укоротишь — не воротишь». Пусть себе «сокращают» и «укорачивают». Наша армия и наш народ уверены, что гитлеровцы досокращаются до того, что самая короткая линия фронта для немецкой армии будет проходить по реке Шпрее, на которой стоит Берлин. (Шумные аплодисменты).

Превосходство советской стратегии и тактики, воинского умения и морального духа наших войск неопровержимо доказано всем ходом войны. В осуществлении крупнейших операций на советско-германском фронте, разработанных Верховным Главнокомандованием Красной Армии, наши генералы и офицеры показали выдающиеся образцы оперативного искусства, а солдаты Красной Армии — героизм и боевую выучку.

Советская страна гордится славными сталинскими генералами, военачальниками советских армий.

Советская страна гордится боевыми офицерами Красной Армии, прошедшими замечательную сталинскую школу военного искусства.

Советская страна гордится солдатами своей армии, умножившими вековую славу русских воинов.

Теперь всё дело в том, чтобы не успокаиваться на достигнутом. Надо всегда помнить о том, что враг тоже не стоит на месте, что немецкое командование, стремясь отсрочить окончательную гибель фашистской армии, старается изобрести новые приёмы и способы борьбы. Вот почему **непреклонным законом для советских военачальников является неукоснительное выполнение приказов Верховного Главнокомандующего товарища Сталина о постоянном совершенствовании военного мастерства, выполнение его требования — день за днём подниматься на ступеньку выше в деле совершенствования в военном искусстве.**

И нет сомнения, что Красная Армия и её командиры будут неуклонно выполнять сталинские приказы, непрерывно, неустанно учиться, совершенствовать своё боевое мастерство, не успокаиваться на достигнутом.

Победы Красной Армии — это победы советского строя над кровавым режимом фашизма. В Красной Армии, в её организации, в её стратегической доктрине, гибкой тактике, замечательном вооружении, высоком моральном духе отражается совершенство советской государственной системы, превосходство Советского Союза над гитлеровской Германией.

Товарищи! Руководство военными действиями Верховным Главнокомандованием Красной Армии опрокинуло все расчёты врага и повернуло ход войны в нашу пользу. История войн не знает таких примеров, когда течение войны, в начале столь неблагоприятное для одной стороны, было бы с таким искусством переломлено, а армия, направляемая твёрдой рукой военного гения, одерживала бы такие победы. Великая Отечественная война советского народа против немецких извергов, направляемая и вдохновляемая товарищем Сталиным, войдёт в историю войн как изумительный образец руководства войсками, высшего искусства ведения войны. (Бурные аплодисменты).

НАШИ СИЛЫ РАСТУТ И КРЕПНУТ

Товарищ Сталин учит нас, что в войне побеждают те государства и армии, силы которых в ходе войны возрастают, а терпят поражение те государства и армии, силы которых в ходе войны иссякают, уменьшаются. Уже в начале войны с гитлеровскими захватчиками товарищ Сталин предвидел, что наши силы в ходе этой войны, несмотря на временные потери ряда областей и городов, будут расти и победа будет на нашей стороне. Это предвидение целиком оправдалось всем ходом войны.

В начале войны перед нашим народом и в первую очередь перед рабочим классом, инженерно-техническими работниками промышленности встала задача — развернуть выпуск вооружения и ликвидировать превосходство немцев в количестве танков, самолётов, миномётов, автоматов. Это была труднейшая задача. Вопрос стоял так: сможет ли Советское государство, в трудных условиях военного времени, обеспечить рост сил народного хозяйства, быстрое развитие военной индустрии. Такого рода задачу, к тому же в неизмеримо меньших масштабах, не смогли разрешить ни царская Россия, ни вильгельмовская Германия в годы первой мировой войны. Их экономика в ходе войны деградировала, разваливалась. Ту же судьбу гитлеровцы предсказывали и нашей советской эконо-

мике. Однако предсказания их оказались вздорными. Советское хозяйство и в условиях тяжёлой войны продолжало развиваться и наращивать свою мощь.

Наш героический народ и в первую очередь наши рабочие промышленности и транспорта, вместе с инженерно-техническими работниками, успешно решили эту задачу.

Боевой задачей рабочего класса, инженеров и техников является теперь дальнейшее увеличение выпуска вооружения, боеприпасов, снаряжения, выплавки металла, добычи угля, производства электроэнергии, а задачей работников транспорта — быстро продвигать снаряжение фронту.

Для обеспечения Красной Армии и населения страны продовольствием, а промышленности сырьём нужно было преодолеть невиданные трудности в сельском хозяйстве, возникшие в связи с временной потерей сельскохозяйственных районов Украины, Дона и Кубани, восполнить хотя бы частично эти потери за счёт развития сельского хозяйства восточных районов.

Советское колхозное крестьянство сумело разрешить эту труднейшую задачу военного времени и обеспечить снабжение Красной Армии и страны продовольствием и сырьём.

Боевой задачей наших колхозников и колхозниц, работников совхозов и МТС ныне является увеличение продукции сельского хозяйства для фронта и страны.

На третьем году войны мы имеем слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Таким образом, советское хозяйство оказалось способным увеличить свои силы в ходе войны и тем самым доказало своё превосходство над немецко-фашистской рабско-крепостнической экономикой.

Новым дополнительным источником укрепления нашего хозяйства является созидательная работа, развернувшаяся в освобождённых от оккупантов районах.

Немцы разграбили и разрушили цветущие промышленные и сельскохозяйственные районы, временно бывшие под пятой оккупантов. Жизнь пришла в эти районы вместе с Красной Армией. Прошло всего несколько месяцев после освобождения Донбасса, и донецкий уголь уже пошёл на железные дороги, на фабрики и заводы. Широким фронтом ведутся работы по восстановлению шахт, металлургических и других заводов. И это лишь начало восстановительных работ, в которых участвует вся страна.

Партия и Правительство уже теперь, в условиях войны, проявляют постоянную заботу о том, чтобы освобождённое от немецкой оккупации население имело все необходимые условия для нормальной человеческой жизни. Партия и Правительство проявляют особую заботу о семьях наших фронтовиков.

В прошлых войнах семьи солдат бросались на произвол судьбы, разорялись и впадали в нищету.

Воины Красной Армии видят, что Советское государство не оставляет их семьи в беде. Они знают, что советская власть — это их, своя, родная власть, что она поможет их жёнам и детям, отцам и матерям восстановить хозяйство, разрушенное немецкими извергами. В этом один из источников высокого морально-боевого духа наших войск.

Немецкие изверги пытались сломить волю и стойкость нашего народа диким разгулом кровавых злодеяний, террором, виселицами и «душегубками». С каждым днём наступления Красной Армии всё более раскрывается картина чудовищных злодеяний фашистских разбойников. С холодной расчётливостью людоедов немецкие разбойники пытали и вешали, резали и жгли, отравляли в «душегубках» сотни тысяч советских людей. Уничтожить цвет нации, наиболее активную, жизнеспособную часть советского населения, а остальных запугать и превратить в безмолвных рабов — такова кровавая политика гитлеровцев. Однако и этот расчёт гитлеровских разбойников сорван советскими патриотами. Красная Армия вызволила из фашистской неволи миллионы советских людей. Зверства немцев не сломили волю советского народа, а ещё более разожгли гнев и ненависть к немецким захватчикам. Мщение и смерть немецким злодеям! — вот наш ответ гитлеровским людоедам. (Продолжительные аплодисменты).

В ходе войны вырос авторитет Советского Союза в глазах всех народов, борющихся против гитлеровской Германии, упрочились, окрепли его внешнеполитические связи.

Рухнули гитлеровские планы, рассчитанные на раскол демократических стран. Укрепилось доверие и единство среди стран антигитлеровской коалиции. Об этом, прежде всего, свидетельствуют решения Московской и Тегеранской конференций. В результате Московской и Тегеранской конференций выработан план, рассчитанный на полный и окончательный разгром гитлеровской Германии, достигнуто соглашение о сроках, направлениях и масштабе военных операций, запланированных тремя союзными державами.

Товарищи! За истекший год советский народ много и упорно поработал, чтобы приблизить окончательную победу над гитлеровской Германией. Теперь уже ясно, что дело идёт к разгрому гитлеровской Германии. Немецкая армия стоит перед катастрофой. Но она не развалится сама собой. Было бы непростительной ошибкой нам, большевикам, почивать на лаврах.

Нашу партию воспитали Ленин и Сталин, которые не терпят самоуспокоенности, учат партию не обольщаться успехами. Завоёванные победы — учат нас Ленин и Сталин — должны служить основанием, фундаментом для достижения новых побед, новых успехов. Успехи и достижения нередко кружат голову, порождают благодушные, переоценку своих сил и недооценку сил врага, чрезмерную самоуверенность и зазнайство. Эти настроения всегда представляли серьёзную опасность, тем более опасны они в условиях войны. Мы загубили бы дело победы, если в наших рядах возобладали бы настроения самоуспокоенности.

Нашему народу, нашей партии придётся ещё много и энергично поработать, чтобы победа восторжествовала. Мы должны мобилизовать все силы народа, всю мощь и искусство нашей армии, чтобы добить фашистских захватчиков, ибо победа — говорил товарищ Сталин — не даётся без борьбы и напряжения — она берётся с боя. Красная Армия, совет-

ский тыл, весь наш народ сделают всё для того, чтобы приблизить этот день окончательной победы.

Руководящей и организующей силой в нашей стране, в нашем народе является большевистская партия и наш вождь товарищ Сталин. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Большевистская партия привела трудящихся нашей страны к созданию свободного, могучего социалистического государства, а когда над Родиной нависла грозная опасность, подняла советский народ на священную Отечественную войну против ненавистных немецких захватчиков.

Партия Ленина — Сталина направила к единой цели и организовала силы народа для того, чтобы отстоять завоевания Великой Октябрьской Социалистической Революции, свободу и независимость нашей Родины.

Партия Ленина — Сталина всегда воспитывала народ в духе советского патриотизма, горячей любви к своей Родине, бесстрашия в бою и беспощадности к врагам Советского государства. Теперь партия большевиков по праву может сказать, что её многолетняя работа дала свои благие результаты.

Наш народ проявил в Отечественной войне несокрушимое единство. Вся страна объединилась вокруг своего великого, мудрого вождя. Великий соратник Ленина, продолжатель его бессмертного дела, наш Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин ведёт армию и народ к полной победе, к торжеству нашего правого дела. (Бурные аплодисменты).

Да здравствует ленинизм, наше верное, испытанное в боях знамя, под которым мы побеждали и будем побеждать! (Аплодисменты).

Да здравствует советский народ, народ-герой, народ-воин! (Аплодисменты).

Да здравствует Красная Армия и Военно-Морской Флот! (Аплодисменты).

Да здравствует товарищ Сталин, ведущий нас к окончательной победе! (Бурная овация всего зала. Участники заседания стоя поют партийный гимн «Интернационал»).

В СОВНАРКОМЕ СОЮЗА ССР

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ГИМНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ввиду того, что нынешний государственный гимн Советского Союза «Интернационал» по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства,— Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя.

Утверждён следующий текст нового государственного гимна:

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам, солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Для нового государственного гимна принята музыка композитора
Александрова А. В.

Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо.

Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится
с 15 марта 1944 года.

СТАТЬИ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА В ГОДЫ ЦАРИЗМА

С. Сутоцкий

Полвека отделяет нас от того времени, когда было издано первое произведение Владимира Ильича Ленина — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Революционное движение в России и революционная публицистика вступали тогда в новый период развития. В это время начинала свою деятельность группа русских революционных марксистов, объединившихся в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», организатором и руководителем которого был Ленин. Литературные выступления Союза и, в первую очередь, произведения Ленина «были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции»¹.

Теперь, по прошествии пятидесяти лет, трудно представить себе условия работы литератора — революционного марксиста — в царской России. Трудно представить, какие преграды должен был преодолеть Владимир Ильич, чтобы опубликовать свои работы, сделать их достоянием масс, оружием революционной борьбы.

В брошюре «К деревенской бедноте» Ленин исключительно ярко охарактеризовал положение революционной социал-демократической печати в царской России: «Народ не смеет ни сходки устроить, ни книжки или газеты напечатать!.. запрещают всякую правдивую книжку, запрещают всякое правдивое слово о народной нужде. Вот и эту книжку социал-демократическая партия должна печатать тайно и распространять тайно: всякого, у кого эту книжку найдут, пойдут по судам да по тюрьмам таскать»².

В этой обстановке преследований и травли свободного слова начал свою революционную литературную деятельность Владимир Ильич Ленин.

Страницы большинства легальных изданий были закрыты для Ленина. Одна из ранних работ Владимира Ильича — статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» — в 1893 г. была отвергнута редакцией журнала «Русская мысль» «как не подходящая к направлению журнала». Только незначительная часть

произведений Ленина могла быть издана в царской России легально. Большинство же ленинских работ печаталось тогда нелегально и тайно распространялось среди революционных кружков и организаций партии. Этот путь публикации был неизмеримо более трудный, в полном смысле слова тернистый путь, но только он давал возможность революционным марксистам пролагать подлинно революционные идеи и бороться за их претворение в жизнь

1

Первая работа Ленина, увидевшая свет в 1894 г., — книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — является выдающимся произведением марксистской литературы. В этой работе Ленин впервые выдвинул и обосновал идею революционного союза рабочих и крестьян как главного средства успешной борьбы против царизма, против помещичье-капиталистического строя. Содержание книги отвечало насущнейшим задачам момента, ибо в ней «Ленин до конца разоблачил истинное лицо народников, как фальшивых «друзей народа», идущих на деле против народа»³.

Но каких огромнейших трудов стоило выпустить эту книгу, сделать её достоянием кружков «Союза борьбы»! Только преодолев множество препятствий, рискуя каждую минуту оказаться в лапах полиции, наладив в подполье примитивную множительную технику — гектограф, — соратникам Ленина удалась весной 1894 г. издать первый выпуск этой книги, в августе — второй выпуск и в сентябре — третий. Тираж каждого выпуска не превышал пятидесяти экземпляров; это был, пожалуй, в ту пору предел издательских возможностей русских революционных социал-демократов.

Сразу же после выхода из печати книга Ленина завоевала большую популярность. Потребовались новые и новые издания её. Первый выпуск, например, печатался четыре раза, а спрос далеко не был удовлетворён. «Техника» петербургской группы не могла обеспечить книгой периферию. Поэтому Владимир Ильич снабдил второе издание первого выпуска специальным послесловием, в котором обращался «ко всем единомышленникам автора предла-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 57.

² Ленин. Соч. Т. V, стр. 292.

³ История ВКП(б). «Краткий курс», стр. 20.

гаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды»¹.

На местах книга Ленина размножалась на гектографе, перепечатывалась на пишущей машинке и переписывалась от руки. Она была распространена во многих городах России — от Томска до Тифлиса.

Полжция гонялась за «крамольной» книгой, прилагала все усилия к тому, чтобы обнаружить её автора и издателей. В обширной переписке по поводу книги власти с особым негодованием и возмущением писали о замечательных, ставших пророческими словах Ленина об исторической роли русского рабочего класса, которыми заканчивается третий выпуск книги.

Вскоре после опубликования книги «Что такое «друзья народа»...» в конце 1894 г. появилось следующее произведение Ленина — листовка «К рабочим Семяниковского завода», написанная при ближайшем участии рабочего-революционера И. В. Бабушкина. Издать её стоило не меньших трудов. Она была отпечатана на гектографе в количестве... четырёх экземпляров! Таков был «тираж» первенца массовой агитационной литературы русских марксистов!

Однако несмотря на столь незначительный тираж ленинская листовка «К рабочим Семяниковского завода», как и позднее написанные и изданные листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтона», «Царскому правительству» и другие были широко известны среди рабочих и способствовали подъёму политической борьбы рабочего класса России.

Не лишён интереса в связи с этим тот факт, что директор департамента полиции, сообщая о появлении в новом порту воззвания ленинского «Союза борьбы», предлагал: «Ввиду такого усиления пропаганды и распространения революционных изданий... приступить к немедленной ликвидации петербургской социал-демократической группы»².

Как известно, в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. Владимир Ильич был арестован. Допрашивая Ленина, полицейские чиновники задавали ему особенно много вопросов о листовках, появившихся на петербургских фабриках и заводах, и о захваченных при аресте членов «Союза борьбы» брошюрах и статьях, автором которых был Ленин. Полиция выдавала тем самым свой страх перед этими литературными произведениями, признавала, что каждая из этих листовок и брошюр обладает гигантской силой, действующей против существующего политического строя.

В последующие годы, когда царизм всё более и более убеждался в том, что «крупнее Ульянова в революции сейчас никого нет», когда одно лишь имя Ленина внушало страх всем слугам престола и самому

царю, публикация ленинских работ стала делом ещё более трудным.

Ленин жил и работал прежде всего для своей родины, для России. Он писал свои статьи, брошюры, книги с единственной целью — чтобы народ России, «её трудящиеся массы (т. е. 9/10 её населения) подняты до сознательной жизни демократов и социалистов»³. Но Ленин не имел возможности печатать легально свои труды в России. Большинство написанных Лениным в период с 1894 по октябрь 1905 г. газетных и журнальных статей было напечатано в заграничной большевистской прессе: в старой «Искре», в «Заре», в газетах «Вперёд» и «Пролетарий».

Из вышедших в эти годы отдельными изданиями (книги и брошюры) восемнадцати работ Ленина только пять были выпущены в России: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Объяснение закона о штрафах» (1895), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. С.руве» (1895), сборник «Экономические этюды и статьи» (1898) и «Развитие капитализма в России» (1899). Первые две работы издавались нелегально, печатались в подпольных типографиях; сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьёй Ленина «Экономическое содержание народничества...», первоначально разрешённый цензурой, по отпечатании тиража, согласно специальному постановлению комитета министров, был конфискован и, за исключением нескольких экземпляров (из 2 тыс.), сожжён.

За одиннадцать лет своей деятельности Ленин издал в России легально только две книги: сборник «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России».

Ленин впоследствии часто говорил, что ему тяжело перечитывать большинство своих книг и брошюр, изданных в России «незаконно», особенно те места в них, которые сдавлены, сжаты в железные тиски под нажимом царской цензуры.

«Условия тогдашней литературы, — писал Ленин, — заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далёкими от практики и политики»⁴.

В предисловии к книге «Империализм, как новейший этап капитализма», напечатанном в 1917 г., Владимир Ильич отмечал, что эта книга «писана для царской цензуры» и поэтому он «не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим, экономическим в особенности, анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громадной осторожностью, намёками, тем эзоповским, проклятым эзоповским, языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения»⁵.

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 185. 4-е изд.

² «Красный архив». Т. I (62), стр. 84 и сл. 1934.

³ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 81.

⁴ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 57.

⁵ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 284.

Эта тяжёлая обязанность говорить «проклятым эзоповским языком», невозможность в полный голос пропагандировать и отстаивать свои идеи были обязательными условиями выступлений большевиков в легальной печати царской России и в последующие годы, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

В первый период деятельности Ленин считал возможным временное соглашение и совместные с «легальными марксистами» выступления против народников, прѣ полной, однако, идейной, политической и организационной самостоятельности «Союза борьбы». Это временное соглашение давало, в частности, возможность Ленину использовать для своих выступлений органы печати, которыми располагали «легальные марксисты». Полный разрыв с «легальными марксистами» означал также и возможность выступления только в нелегальной, подпольной печати. Об этом Ленин писал в одном из своих писем из ссылки в июне 1899 года. Он указывал, что теперь, после разрыва с «легальными марксистами», для пропаганды идей революционного марксизма нужна «именно 3 рода литература»¹ — партийно-ортодоксальная, нелегальная литература.

С 1900 г. и до первой русской революции ни одна работа Ленина не была издана в России легально. Почти все статьи, написанные Лениным в тот период, напечатаны за границей в газете «Искра», в журнале «Заря» и других изданиях. Выдающиеся труды Ленина — «Что делать?» (1902), «Шаг вперѣд, два шага назад» (1904), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), а также брошюра «К деревенской бедноте» (1903) и другие впервые были изданы за границей (Женева, Штутгарт) и нелегально пересылались в Россию. Ценой величайших трудов соратники и ученики Ленина добивались того, что книги и брошюры Ленина, газеты и журналы с его статьями были распространены в России повсеместно, хотя доставляемых из-за границы ленинских изданий не хватало для полного удовлетворения спроса. Работавшие в России агенты «Искры» жаловались на слишком малые тиражи книг и брошюр Владимира Ильича. Так например один товарищ в письме, адресованном редакции «Искры», сообщал из России: «Что делать?» распространено на Севере повсеместно, на Юг сейчас посылаем 12 шт., его мало, пришлите ещё, если есть». Другой агент «Искры» — И. Дубровинский — писал из Самары, что брошюра Ленина «К деревенской бедноте» «всюду вызывает огромный интерес. Настоятельная потребность — дать её в тысячах экземпляров».

Местные организации делали всё, что было в их силах, чтобы снабдить партийные кружки и группы ленинской книгой. Некоторые работы Ленина были переизданы в это время в России в нелегальных партийных типографиях. Исключительно много сделала в этом отношении закавказская организация, во главе которой стоял товарищ Сталин. В нелегальной типографии закавказских

большевиков были напечатаны специально для распространения в России многие работы Ленина («К деревенской бедноте» и др.), перепечатывались ленинские статьи из газеты «Пролетарий».

II

Первая русская революция смела на время преграды, стоявшие на пути издания и распространения марксистской большевистской литературы. В России тогда, как указывал Ленин, «была завоёвана свобода печати. Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры»².

Этим объясняется и тот факт, что в период первой русской революции — 1905 — 1907 гг. — непосредственно в России было издано значительно большее количество произведений Ленина, нежели за десятилетие — с 1894 по 1904 год.

В ноябре 1905 г., вскоре после возвращения в Россию, Ленин опубликовал в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь», выходящей в Петербурге, статью «О реорганизации партии»³. В дальнейшем ленинские работы публиковались почти в каждом номере этой газеты.

После того как правительство закрыло газету «Новая жизнь», статьи Ленина в 1906 — 1907 гг. публиковались в нелегальных «Партийных известиях», в легальных большевистских газетах «Волна», «Вперѣд», «Эхо», «Тернии труда», «Простые речи», «Новый луч», в журналах «Образование», «Вестник жизни», «Молодая Россия» и др. Множество книг и брошюр Ленина, выходявших ранее за границей («Две тактики социал-демократии в демократической революции», «К деревенской бедноте» и др.), было переиздано, и впервые было напечатано значительное количество новых работ, написанных Лениным уже в России: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Доклад об объединительном съезде», «Успуск Думы и задачи пролетариата», «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати», «Социал-демократия и избирательные соглашения», «Социал-демократия и выборы в Думу», «Услышишь суд глупца...», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика» и другие книги и брошюры.

Статьи Ленина публиковались в это время также в различных легальных сборниках: «Вопросы тактики». Вып. I и II. 1907, «Итоги Лондонского съезда», «Голос жизни» и др., в «Календаре для всех на 1908 год» (статья «Международный социалистический конгресс в Штутгарте») и издавались в виде отдельных листовок.

По инициативе Владимира Ильича в 1907 г. было впервые осуществлено издание на русском языке писем К. Маркса к Л. Кугельману и писем Беккера, Дицгена, Энгельса, Маркса и других к Зорге. Оба

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 353.

³ «Новая жизнь» №№ 9, 13 и 14 за 1905 год.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVIII, стр. 41.

этих сборника вышли под редакцией и с предисловиями Ленина.

Тогда же решено было воспользоваться завоеванной революционным путём «свободой печати» для издания собрания статей Ленина. Потребность в таком издании была исключительно велика; партийные организации выражали желание иметь главные труды своего руководителя, тем более что многие из ранних работ Ленина стали уже библиографической редкостью и отсутствовали даже в крупных партийных библиотеках.

В августе 1907 г. был подписан с петербургским издательством «Зерно» договор на издание собрания статей Ленина в трёх—четырёх томах (по 30—40 листов в каждом) под общим названием «За 12 лет». В первый том этого издания должны были войти статьи, написанные в 1895—1906 гг. и посвящённые «двум направлениям в русском марксизме и русской социал-демократии». Во второй том—статьи об экономическом развитии России и аграрной программе социал-демократии, в третий том—статьи из газет «Вперёд», «Пролетарий», «Новая жизнь» и т. д. и в четвёртый том—«Развитие капитализма в России»¹.

К сожалению, этот план не был осуществлён. Из намеченных четырёх томов удалось выпустить только первый: «За 12 лет. Собрание статей. Том первый. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии». В эту книгу вошли следующие работы Владимира Ильича: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Задачи русских социал-демократов», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Шаг вперёд, два шага назад», «Земская кампания и план «Искры» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Специально для этого тома Владимир Ильич написал обширное предисловие².

Вместо предполагавшегося второго тома вышел только сборник «Аграрный вопрос», содержащий три работы Ленина: «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/5 года в Пензенской губернии...», «Аграрный вопрос и критика Маркса». Вторая часть этого сборника—«Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции»—была полностью конфискована ещё в типографии, а вскоре по приговору петербургской судебной палаты от 3 декабря 1908 г. подвергся аресту и первый том собрания статей В. И. Ленина—«За 12 лет».

Многих трудов стоило осуществить издание знаменитой работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Владимир Ильич писал письма товарищам в различные города России с просьбой найти издателя, который согласился бы выпустить этот труд, но положительного ответа ни откуда не последовало. Только в конце 1908 г. удалось заключить договор с не-

большим московским издательством «Зерно», которое и выпустило «Материализм и эмпириокритицизм» в апреле 1909 года.

Одним из непосредственных результатов ликвидации царизмом всех свобод, завоеванных народом в 1905—1907 гг., явился поход против большевистской литературы, изданной в период революции. Специальные суды не успевали выносить приговоры по делам о «крамольных» книгах. Один за другим появлялись пространные списки запрещённых и осуждённых на уничтожение книг и брошюр. В этих списках были перечислены десятки работ Ленина, в том числе и те, которые были изданы в своё время за границей, и те, что печатались в России в период «свобод».

«Разделавшись» со всей «преступной» литературой, изданной в 1905—1907 гг., царское правительство продолжало охотиться буквально за каждым экземпляром ленинских книг. Характерен в этом отношении следующий документ, относящийся к февралю 1913 года. Исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати граф Татищев писал в отношении на имя прокурора Петербургского окружного суда: «Согласно сообщению СПб градоначальника от 17 февраля с. г. за № 825, 30 января с. г. в типографии СПб градоначальства, в комиссии уничтожены посредством разрывания на мелкие части арестованные экземпляры брошюры под заглавием: «Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения». Книгоиздательство «Вперёд». СПб. 1906 г. цена 6 коп.»³.

«Уничтожены посредством разрывания на мелкие части!» В этих словах звучит не только ненависть царизма к Ленину, но и прежде всего страх перед ним, нескрываемый страх перед каждой ленинской книгой и брошюрой.

Незвирая на преследования, преодолевая на своём пути труднейшие препятствия, ленинская книга всегда находила пути во все уголки страны, где работали партийные ячейки, где она была нужна как совет учителя, как призыв вождя. Влияние ленинских произведений было исключительно велико.

В «Докладе организации «Искры» II съезду РСДРП в 1903 г.» отмечалось, что брошюра Ленина «Что делать?» оказывает... сильное влияние на русских деятелей, целый ряд лиц, по их собственному признанию, становятся сторонниками «Искры», благодаря влиянию этой книги»⁴.

«Краткий курс» истории ВКП(б) исключительно ярко показывает основную и решающую роль, которую сыграли знаменитые ленинские труды «Что делать?», «Шаг вперёд, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Материализм и эмпириокритицизм» для идеологической, организацион-

³ «Красный архив». Т. I (62), стр. 236; 1934.

⁴ Второй съезд РСДРП. Материалы и документы. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), стр. 155. Госполитиздат, 1938.

¹ См. «Новая книга» №№ 6 и 7 за 1907 г.; «Вестник жизни» № 7 за 1907 год.

² См. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 57—70.

ной, тактической и теоретической подготовки партии нового типа, марксистской партии, партии большевиков.

III

После поражения революции, в период 1908—1910 гг., легально вышли три книги Ленина: второе, дополненное издание книги «Развитие капитализма в России» (1908), «Аграрный вопрос» (1908) и «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). Кроме того две статьи Владимира Ильича — «Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе» (XII глава и работы «Аграрный вопрос и критика Маркса») и «Нейтральность профессиональных союзов» — удалось опубликовать в вышедших в начале 1908 г. под редакцией Ленина сборниках «Текущая жизнь» и «О веяниях времени». Это были издания, начатые ещё в пору относительного цензурного безвластия и в значительной мере только благодаря случаю увидевшие свет. Новые же издания работ Ленина в то время выпустить не удавалось.

Сборник «Памяти Карла Маркса» со статьёй Владимира Ильича «Марксизм и ревизионизм» сразу по выходе из печати был подвергнут аресту. Не увидела свет и работа Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Она была написана для «Энциклопедического словаря» Граната, но по цензурным условиям не могла быть напечатана.

«Систематической легальной литературы теперь не создашь, — писал Владимир Ильич. — Я убеждён, что партии нужен теперь правильно выходящий политический орган, выдержанно и сильно ведущий линию борьбы с распадом и унынием — партийный орган, политическая газета»¹.

Ленин в феврале 1908 г. возобновляет за границей выпуск центрального органа партии большевиков — «Пролетарий». Эта газета, а впоследствии также «Социал-демократ», «Рабочая газета» и «Наш путь» были главными органами большевистской печати, на страницах которых Владимир Ильич опубликовал почти все свои статьи, написанные в 1908—1910 годах.

В конце 1910 г. Ленин вновь получил возможность выступать на страницах изданий, выходящих в России: 29(16) декабря в Петербурге вышел первый номер большевистской еженедельной газеты «Звезда», и почти одновременно начал выходить в Москве журнал «Мысль». В этих изданиях, а также в журнале «Просвещение», который выходил после закрытия «Мысли», Ленин опубликовал статьи «О статистике стачек в России», «Герои оговорочки», «Принципиальные вопросы избирательной кампании» и др. За границей в это время продолжали выходить «Социал-демократ» и «Рабочая газета». На страницах «Социал-демократа» одновременно с работами Ленина начали публиковаться и статьи товарища Сталина. В № 23 «Социал-демократа» от 14(1) сентября 1911 г.

¹ Ленинский сборник XXVI, стр. 44. Партиздат, 1934.

были опубликованы знаменитая статья товарища Сталина «Из лагеря столыпинской «рабочей партии» и примечание к ней «От редакции», написанное Лениным.

В начале 1912 г. Россия вступила в полосу нового подъёма революционного движения. «В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда» (Сталин).

Ленин был идейным руководителем «Правды» и активным её сотрудником. «Я писал в эту газету почти ежедневно»², — вспоминал впоследствии Владимир Ильич. В «Правде» в 1912—1914 гг. Ленин опубликовал около 250 статей. Эти ленинские статьи сыграли неоценимую роль в борьбе за партийность, за воссоздание массовой рабочей революционной партии. Они вооружали партию и рабочий класс России, подготовили их к революции. На ленинских работах того периода воспиталось новое поколение революционных рабочих — правдысты, которые составили ядро большевистской партии, когда вспыхнула мировая империалистическая война и в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

Стремясь возможно шире распространить влияние большевиков, Владимир Ильич искал всё новых и новых путей для публикации своих работ в России. В 1912—1914 гг. в журнале «Просвещение» были опубликованы такие статьи Ленина, как «Три источника и три составных части марксизма», «О праве наций на самоопределение», «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» и др. Кроме того Ленин выступал в эти годы на страницах журналов «Металлист», «Современный мир», в московской газете «Наш путь» и в других изданиях. В 1913 г. Ленин написал заметку «С большевизме», которая была опубликована во II томе большой библиографической работы «Среди книг». Многие опубликованные ранее в периодической прессе статьи Владимира Ильича были перепечатаны в сборнике «Марксизм и ликвидаторство» (ч. 2-я). Но этот сборник, составленный по плану, разработанному Лениным, снабжённый его предисловием и заключением, вышел в свет незадолго до начала мировой войны — 18(5) июля 1914 г. — и вскоре был конфискован полицией. В этом же году была написана и с некоторыми изменениями напечатана в XXVIII томе словаря Граната (7-е изд.) известная статья Владимира Ильича «Карл Маркс» за подписью В. Ильича. (Редакция словаря исключила из статьи Ленина главы о тактике классовой борьбы пролетариата и о социализме.)

С началом мировой войны Ленин вновь лишился возможности публиковать свои работы непосредственно в России. В июле 1914 г. царское правительство закрыло «Правду». Трудность положения усугублялась ещё тем обстоятельством, что большевики и за границей тогда не имели своего печатного органа. Только с ноября 1914 г. возобновился выход газеты «Социал-демократ». За время войны (по февраль 1917 г.)

² Ленин, Соч. Т. XX, стр. 56.

в 26 номерах «Социал-демократа» были опубликованы основные статьи Владимира Ильича, в которых вождь большевизма разработал теорию и тактику большевистской партии по вопросам войны, мира и революции.

Ряд работ Ленина опубликован в эти годы в сборнике «Коммунист» (1915) и в двух сборниках «Социал-демократа», вышедших в октябре (№ 1) и декабре (№ 2) 1916 г.: «Крах II Интернационала», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Интернационал молодёжи», «О лозунге разоружения» и др.

Многие статьи Ленина, направленные против предательской политики вождей II интернационала, скатившихся на позиции социал-шовинизма и защиты международного империализма, были опубликованы за границей на иностранных языках. Так например в теоретическом журнале циммервальдской левой «Vorboten» («Предвестник») в 1916 г. были напечатаны на немецком языке работы Владимира Ильича «Оппортунизм и крах II Интернационала» и «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», в № 4 бюллетеня «Internationale Sozialistische Kommission zu Bern» — «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-й социалистической конференции», в №№ 9 и 10 журнала «Jugend Internationale» — «Военная программа пролетарской революции»; отдельным листком на французском языке вышло письмо Ленина «О задачах оппозиции во Франции» и т. д.

К первой годовщине мировой войны Лениным написана и осенью 1915 г. издана за границей брошюра «Социализм и война», в которой были подведены первые итоги тактики большевистской партии в отношении к войне. Почти одновременно эта брошюра вышла на русском, немецком, французском и норвежском языках.

Работа Ленина сыграла важную роль в агитационной деятельности русских партийных и рабочих организаций. Русское издание брошюры «Социализм и война», по свидетельству Владимира Ильича, из-за трудностей транспортирования попало в Россию в очень ограниченном количестве и в Москве переписывалось рабочими от руки¹.

¹ См. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 190.

В годы войны Ленин предпринял несколько попыток печатать свои труды на родине, в России. В феврале 1915 г., например, им была написана статья «Под чужим флагом» для сборника «Прилив», который предполагалось выпустить легально в Петербурге. Статья Ленина первоначально подверглась усиленному «редактированию» цензуры, а затем сборник был задержан властями, и его удалось выпустить только в 1917 году. Не удалось издать и написанную Лениным в начале 1916 г. книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма», хотя в ней приводятся, как указывал Ленин, данные «беспорной буржуазной статистики» и признания «буржуазных учёных всех стран», а трактовка вопросов находится на уровне «легальной с точки зрения царской цензуры». Не дали желаемых результатов ни попытки печататься в журнале «Летопись», ни переговоры с издательствами «Волна», «Жизнь и знание»; даже такая сугубо «статистическая» и по теме далёкая от русской действительности работа Владимира Ильича, как «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединённых Штатах Америки» (январь 1916 г.), не увидела света в годы войны.

Только статью «О германском и не германском шовинизме» Ленину удалось опубликовать в 1916 г. в России. Она напечатана в № 5(54) легального большевистского журнала «Вопросы страхования», который выходил в Петербурге под руководством В. М. Молотова.

В этом же номере журнала напечатано известное письмо товарища Сталина и группы ссыльных большевиков из Туруханска о задачах большевистской пропаганды в условиях войны.

В годы царизма в невероятно тяжёлых условиях проводила партия большевиков работу по изданию и распространению великих творений гения человечества, корифей передовой революционной науки — Владимира Ильича Ленина.

Только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции произведения Ленина стали достоянием миллионов, достоянием всего советского народа.

КОЛХОЗ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ *

(Колхоз имени Сталина, Кугалинского района, Алмаатинской области, Казахской ССР)

Б. Лихтер

«Крестьяне Советского Союза, преобразовавшие в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство, во время Отечественной войны проявили небывалое в истории деревни высокое сознание общенародных интересов. Они самоотверженным трудом на помощь фронту показали, что советское крестьянство считает нынешнюю войну против немцев своим кровным делом, войной за свою жизнь и свободу» (Сталин).

Колхоз имени Сталина был организован в 1929 году. Сначала в колхоз вошли переселенцы-украинцы села Холмогоровки, основывавшиеся здесь с 1912 года. В 1931 г. в колхоз вступили коренные местные жители — казахи. Через 8—9 лет колхоз уже стал миллионером.

Доходы колхоза возрастали следующим образом: в 1934 г. валовой доход равнялся 641 803 руб., в 1937 г. — свыше 1 млн. руб., в 1939 г. — 1 402 764 рублям. Всё поголовье скота было заменено племенным составом. Зерновые посевы колхоза перевалили за 2 тыс. га, а урожайность превысила 14 ц с га.

В центре села выросло красивое здание Дома культуры, имеющее светлую, удобную читальню, зал на 300 мест, стационарную киноустановку и др. Здесь же помещаются правление колхоза, партком, сельсовет.

Недалеко от Дома культуры в саду выстроено большое здание деткомбината. Здесь же, в саду, находится родильный дом. Работают колхозная амбулатория, ветеринарно-бактериологическая лаборатория, ветеринарный пункт, пункт искусственного осеменения.

Колхозники своими силами построили гидроэлектростанцию на 13,5 квт. Все дома имеют электрическое освещение. В 1939 г. началось строительство второй электростанции на 7 квт для обслуживания бытовых нужд колхозников и для животноводческих ферм. Построены 2 огромных зерносклада, гараж для автомашин, 3 бригадных двора, 8 стационарных помещений для лошадей, коров, овец и свиней, пекарня производительностью в 500 кг хлеба в сутки. Вместо саманных и земляных хаток появились белые двухкомнатные домики. По решению общего собрания колхозников выстроено 28 трёхкомнатных дома-особнячка улучшенного

типа для передовых людей колхоза. В живописных отрогах Джунгарского Ала-Тау, на склоне высокой сопки, колхоз построил свой дом отдыха.

Колхозники получали на трудодень так много зерна, что некоторым пришлось оставлять его на хранение в колхозных складах. Дворы колхозников обогатились скотом и птицей. Так например семья колхозника Макагона, состоящая из семи человек, имела в индивидуальном пользовании 2 породистые коровы, 1 свиноплю, 3 овцы и 3 барана, несколько десятков кур. Не меньшее количество живности было почти в каждом дворе.

Два магазина не успевали обслуживать быстро растущие потребности колхозников. Всё, начиная с велосипедов, патефонов, мебели, кончая дорогими винами и конфетами, раскупалось нарасхват. В комнатах колхозников стояли никелированные, с пружинными сетками кровати, застланные плюшевыми и байковыми одеялами. Сундуки и шкафы наполнились одеждой. В шёлковых платьях, в дорогих костюмах щеголяли парни и девушки; пожилые колхозники и колхозницы приобрели красивую, добротную одежду. От заведующего сельским потребительским обществом требовали товаров наилучшего качества. «Машина еле успевала довести товары до магазина, как тотчас всё раскупалось», — вспоминает заведующая сельским потребительским обществом тов. Петрова.

Колхоз обзавёлся хорошим духовым оркестром. В клубе устраивались соревнования хоровых и драматических кружков самодеятельности, которые были организованы при каждой бригаде, при каждой ферме. Летом культурная работа проводилась в полевых станах и на пастбище. В осенне-зимнее время Дом культуры был ежедневно переполнен колхозниками: демонстрировались кинофильмы, не реже двух-трёх раз в неделю бывали спектакли

* По материалам Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны.

ли, устраивались концерты самодеятельности, зачастую приезжали артисты из Алма-Ата.

Серьёзно взялись за ликвидацию неграмотности: в 1932 г. в Холмогоровке было 73 неграмотных, а в 1940 г. их оставалось уже только 15 (недавно приехавших).

Справлялись весёлые свадьбы. Когда в начале 1940 г. женился член комитета ВЛКСМ Пётр Дутов (у него и его невесты Тани было заработано свыше 1000 трудодней, за которые причиталось одного зерна больше 100 ц), свадьба продолжалась два дня; на ней веселилось больше 80 гостей.

У всех колхозников—стариков и молодых девушек, женщин и подростков,—когда они вспоминают о жизни колхоза перед войной, лица озаряются мягкой улыбкой, глаза светлеют. «Мы чувствовали,—говорят колхозники,—как расцветает зажиточная колхозная жизнь, как с каждым годом становится всё лучше и лучше жить, чувствовали, что ещё больший расцвет и счастье ожидают нас впереди».

Особенно ощутительно изменилась в колхозе жизнь казахов. Голодная, нищенская, полукочевая доля, с жестокой эксплуатацией баев и манатов, отнимавших последние крохи жалкого урожая проса, сменилась изобильной, культурной и счастливой колхозной жизнью. На том месте, где в убогих юртах и землянках среди голых холмов жили казахи, появились красивые домики, выросли прекрасные фруктовые сады, раскинулись богатые огороды. Окружённая зеленью садов и огородов, полями о тучной золотистой пшеницей, чарующе красивой стала Холмогоровка.

Много замечательных колхозных работников выдвинулось из среды казахов. Если украинцы научили казахов выращивать пшеницу, разводить сады и огороды, то казахи, старинные и опытные скотоводы, сыграли большую роль в развитии животноводства колхоза. На овцах отары казаха Сарсенова шерсть всегда высокая и ровная, первого сорта. Настриг её достигает рекордной по республике цифры: 4,7 кг с овцы вместо 3 кг по плану. За 7 лет работы в овечьих отарах у Сарсенова не погибло ни одного ягнёнка. Самоотверженный труд тов. Сарсенова Абдукалака высоко отмечен правительством: он награждён медалью «За трудовую доблесть».

Заслуженным авторитетом пользуется чабан Коттубай Айнабеков, получивший в 1941 г. 118 ягнят на каждые 100 овцематок и давший настриг шерсти около 4 кг с овцы.

Алия Сакпаева — передовая свиноводка на свиноводческой ферме: у неё лучший привес и наибольшее количество выращенных поросят. Образцовый работник Сакпаева награждена медалью «За трудовое отличие». До колхоза Алия Сакпаева с сыном жила в яме, выкопанной в канаве. Здесь же и зимовали. В колхозе она получила хороший дом, приобрела хорошую одежду, зажила зажиточно и радостно. За эту

жизнь, данную ей колхозом, самоотверженно сражается сейчас на фронте её сын.

Когда в 1941 г. разразилась война, в колхозе было 1138 трудоспособных колхозников, 310 хозяйств, 6,5 тыс. голов скота, 15 тыс. га земли, 1,5 млн. дохода.

Главное и решающее, что приобрели колхозники,— это любовь к колхозу и колхозному строю, навыки к обобществлённому труду, дисциплинированность, организованность, привычки к точному исполнению и чёткому производственному порядку. Эти качества, выработанные колхозниками, дали возможность колхозу быстро перестроиться в суровое военное время, помогли преодолеть трудности и помогают изо дня в день усиливать помощь армии и стране, увеличивать хозяйство колхоза, несмотря на то что лучшие люди колхоза ушли в армию.

22 июня 1941 г. в разгар сельскохозяйственных работ колхозники услышали правительственное сообщение о разбойничьем нападении фашистской Германии на СССР.

В первые же дни войны из колхоза было призвано в армию 196 человек. Все они были направлены в 316-ю стрелковую дивизию, формировавшуюся в Алма-Ата. На общеколхозном митинге-проводах призванные поклялись жестоко биться с врагом и просили оставшихся об одном: «Не нарушать богатств колхоза». Женщины и старики торжественно обещали: «Не нарушим».

После митинга с оркестром и песнями проводили уезжающих километров за 10. Пока они грузились на железнодорожной станции Сары-Озек (75 км от колхоза), им из колхоза привезли подарок: две машины с мёдом, овощами, фруктами.

В первое время после отъезда мобилизованных многие колхозники, особенно колхозницы, приуныли, боясь, что не справятся с работой. Ведь в числе 196 человек, призванных в армию, были лучшие люди колхоза: Фёдор Тимофеевич Житник, заместитель председателя колхоза и лучший бригадир полеводческой бригады, награждённый орденом Ленина за выдающиеся заслуги в сельском хозяйстве; Степан Васильевич Рарий, секретарь парторганизации, также награждённый орденом Ленина; Николай Олейников, строитель электростанции и радиоузла; Пётр Дутов, один из лучших учётников полеводческой бригады; Яков Александрович Бондаренко, в течение 5 лет бессменный бригадир полеводческой бригады. В общем ушло свыше 50 руководящих работников. Из 45 членов парторганизации ушли в армию в первые дни войны 36 человек.

В эти тяжёлые для колхоза дни, когда сразу встал ряд сложнейших задач по перестройке работы, особенно ярко выявлялась руководящая роль колхозной парторганизации, её крепкая связь с колхозниками. Парторганизация в Холмогоровке создавалась ещё в 1919 году. Многолетней терпеливой работой она завоевала у колхозников авторитет и доверие, сплотила вокруг себя большой и дружный актив.

После ухода в армию секретаря парторганизации тов. Рария секретарём была избрана Р. И. Петрова, молодая (1918 г. рождения), энергичная женщина.

За время войны связь с беспартийными массами окрепла ещё больше. В парторганизацию вступили лучшие колхозники-активисты, такие, как Ольга Меженская и Мотя Округко, заведующие молочно-товарными фермами, заведующая складом Т. Дутова, жена Героя Советского Союза П. Д. Дутова, и др. Всего вступило 14 человек. Прибыли коммунисты и за счёт прибывших эвакуированных. Летом 1943 г. парторганизация Холмогоровки насчитывала уже 44 члена и кандидата партии.

3 июля 1941 г. колхозники услышали по радио речь товарища Сталина. Партийная и комсомольская организации провели 35 митингов в полевых бригадах, на фермах и пастбищах. Митингами было охвачено 1895 человек.

Колхозники дружно подхватили вызов сельскохозяйственной артели «Красные горные орлы», Урджарского района, Семипалатинской области: «В ответ на призыв вождя 3 июля встать всем на великую сталинскую вахту, считать себя мобилизованными до конца войны». Чтобы ускорить уборку урожая, они обязались работать от зари до зари, а на сложных машинах — круглосуточно; использовать все возможности, вплоть до ручной уборки косами и серпами; внести в фонд обороны СССР 500 ц хлеба, 30 ц мяса, 1 ц сливочного масла, 50 овчин, 25 пар пимов.

Женщины, подростки, старики стали основной рабочей силой колхоза. Вместо ушедших на фронт мужчин на руководящие работы в колхозе были выдвинуты женщины: М. Округко — заведующей молочно-товарной фермой № 2 и О. Меженская — заведующей молочно-товарной фермой № 1; свиарка Скороходова — заведующей свиноводческой фермой, молодая девушка Дреева — учётчиком 4-й полевой бригады; ещё 8 учётчиков выдвинула комсомольская организация.

Вначале некоторые выдвиженцы страшлись ответственности и сложности новой работы. «Когда меня выдвинули заведывать молочно-товарной фермой, — рассказала Ольга Меженская, — я испугалась: ведь надо отвечать за каждую голову скота, за корма — очень за многое надо отвечать. Страшно стало: справлюсь ли я? Но мне сказали: «Кто же будет работать, если ты, член комсомола, отказываешься?» И я взялась. Справляюсь не хуже прежнего заведующего Кравченко, и страх мой давно прошёл».

Старики-активисты и особенно председатель колхоза тов. Сероштан затратили много труда, помогая вновь выдвинутым работникам быстрее освоить порученное им дело.

Особенно возросла роль стариков. Такие, как Федот Петрович Макагон (77 лет), Александр Иванович Бондаренко (66 лет), кузнец Диканский, Иван Коробейник, Ни-

колай Афанасьевич Терновой (каждому из них свыше 65 лет), и многие другие явились надёжной опорой председателя колхоза.

От зари до зари, а если нужно, и ночью работает плотник колхоза Ф. П. Макагон. Он производит не только всё необходимое для колхоза количество колёс, ярем, граблей, но научился за время войны выделять все деревянные части для любой, даже самой сложной машины, в том числе и для комбайна. Не одна машина, принадлежащая колхозу, заброшенная как утиль, отремонтирована и пущена в ход тов. Макагоном совместно с кузнецом Диканским. Когда в колхозе понадобились прялки (колхоз организовал собственное производство веревок и мешковины из дикорастущего кендыря), тов. Макагон стал делать прялки. В трудовой его книжке за каждый год войны значится свыше 500 трудодней. Из его семьи воюют 8 человек: 3 зятя и 5 внуков. Тов. Макагон щедро, от всего сердца помогает государству не только самоотверженным трудом: он дал в фонд обороны 7 ц хлеба, подписался на заём в 1942 г. на 5 тыс. руб. и т. д. Старика-стахановца очень любят колхозники. Когда Ф. П. Макагон заболел, его немедленно отправили на машине, под наблюдением медицинской сестры колхозной амбулатории тов. Рарий, в госпиталь Сарн-Озек. Все облегчённо вздохнули, когда дед Макагон выздоровел и вернулся в трудовую семью колхозников.

Второй замечательный старик в колхозе — А. И. Бондаренко, отец Героя Советского Союза Я. А. Бондаренко, участника великого подвига 28 гвардейцев-панфиловцев. А. И. Бондаренко — бригадир-воловожник и одновременно помощник бригадира полеводческой бригады во всех делах. Когда осенью 1941 г. отсутствие веревок и мешков ставило под угрозу своевременную сдачу зерна государству, старики предложили колхозу организовать производство веревок и мешковины. Тов. Бондаренко во главе 25 человек выехал в горы и в трудных условиях успешно провёл сбор и первичную обработку кендыря. Старухи вспомнили старинное ремесло: пряли, сучили, ткали. Было выработано 6 ц веревок и наткано мешковины на 100 мешков. Когда на мельнице вместо 1,5—2 кг стало «распыляться» по 7 кг с центнера зерна, тов. Бондаренко назначили заведующим мельницей, и порядок там был наведён.

Бондаренко рассказывал: «В первые дни войны новые бригады были малоопытны. А ведь у нас бригады большие, например в 4-й полеводческой бригаде 150 рабочих, 25 лошадей, 70 быков. — Хозяйство немалое. Мы, старики, старались помочь всеми силами. Вечерком, бывало, споём песню, а с песней и расскажешь и покажешь, как работать. Подбодришь шуткой, чтобы головы не вешали, и опять покажешь, как работать». Сам Бондаренко вырабатывает в год больше 400 трудодней, а со школьни-

ками — членами своей семьи — и за 900. Старшие 3 сыновей Бондаренко в Красной Армии.

Старики делали всё, чтобы выполнить наказ фронтовиков — «не нарушать богатства колхоза»; и в больших делах и в мелочах они старались сохранить порядок, установившийся в колхозе.

К концу сентября 1941 г. колхозники заканчивали уборку урожая. Правление и парторганизация колхоза развернули соревнование под лозунгом — полное выполнение всех государственных поставок к 24-й годовщине Великой Октябрьской революции. Круглосуточно шла молотьба хлеба.

В эти дни горячей работы колхозники вместе со всей страной переживали острую тревогу за Москву, напряжённо следили за радиосообщениями.

Стремление помочь Москве проявлялось в напряжённой работе, в сборе тёплых вещей для армии, в ласковом приёме эвакуированных. В колхозе нет ни одной семьи, не участвовавшей в сборе тёплых вещей для Красной Армии. Взносы делались такие: например Иван Рарий, заведующий свиноводческой товарной фермой (сейчас он на фронте), внёс тулуп, пимы, кошму, перчатки, носки; Домна Солошенкова — тулуп, пимы, шапку, носки. Таких взносов было много. Больше полутора тысяч тёплых вещей отправили колхозники бойцам Красной Армии. Организаторами, «душой» этого народного дела были старики и старухи, с которыми тов. Петрова (секретарь парторганизации) провела отдельную беседу, начавшая кампанию сбора.

Уже в сентябре в колхоз приехали первые семьи эвакуированных из Литовской, Белорусской и Украинской ССР. Число прибывающих возрастало. Всего в колхозе эвакуированных 413 человек. Правление и парторганизация колхоза выделили специальную комиссию для их приёма. Колхоз обеспечил эвакуированных продуктами, выдал нуждающимся тёплое бельё, пимы и другие вещи, разместил по квартирам, обеспечил топливом, а затем приезжие включились в трудовую жизнь колхоза. Их учили, помогали быстрее освоиться с делом.

Эвакуированные советские граждане сжились, сроднились с колхозниками. Колхозники говорят: «Нет у нас эвакуированных. Это всё наши». Так, например, Фаня Гуревич, молодая девушка, еврейка, гражданка Литовской ССР, когда приехала в колхоз, ни слова не говорила по-русски. Сейчас она свободно говорит по-русски, да ещё с украинским произношением, так же, как говорят колхозники Холмогоровки. Фаня — лучшая ударница 4-й полеводческой бригады.

Курсант военно-полевой школы Е. Водолазский, побывав в коротком отпуску у семьи, проживающей после эвакуации в колхозе, пишет тов. Сероштану: «Многоуважаемый Фёдор Кузьмич! Я очень благодарен Вам. Вы приняли наши семейства хорошо... заботитесь о семьях эвакуированных, как отец о своих детях, так, как учит

наш вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин! Я прошу Вас, мобилизуйте их вокруг себя на обработку социалистических полей, это будет ещё один удар по оголтелому фашизму, а мы, курсанты, будем смелыми, отважными воинами, будем воевать так, чтобы, поднявшись в атаку, больше не ложиться».

А. П. Варопай, заслуженная учительница города Сталино (Донбасс) (откуда она была эвакуирована), орденосеица, рассказывает: «Кроме работы в школе я со своими детьми работала в поле. Получили на зиму 7 ц пшеницы, 5 ц картофеля, солому. Колхоз дал кизяка для отопления. Выкормили 2 свины, развели 50 кур. Имею с детьми сытую, обеспеченную жизнь». С глубокой благодарностью говорит тов. Варопай о Ф. К. Сероштане, который организовал приём эвакуированных.

Исторические выступления товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 г. вызвали у колхозников новый трудовой подъём.

Изучая в бригадах, на фермах доклад товарища Сталина, колхозники обязались ещё выше поднять производительность труда на молотье, ускорить полвоз кормов на фермы и на бригадные дворы для обобществлённого стада и для скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников.

Колхозники приняли решение обучить всех военнообязанных военному делу, организовать военно-физкультурный кружок для молодёжи и занятия по противовоздушной обороне. Участники гражданской войны Ф. К. Сероштан, К. Н. Пинчук, К. М. Плужник и др. делятся боевым опытом с молодёжью, изучают пулемёт, учат, как надо на морозе тихо разводить костры, и т. д. Фронтовики потом в письмах благодарят за учёбу. Сын тов. Плужника пишет: «Отец! Я заменил тебя на станковых пулемётах и числюсь отличным стрелком».

Преодолев «заминку» во время первых месяцев войны, колхоз успешно справился с задачами сельскохозяйственного года в 1941 году. Общее поголовье скота выросло на 112 голов (с 6606 до 6718), несмотря на то что колхоз отдал в армию 160 хороших лошадей. Прирост стада с 954 до 1106 голов произошёл главным образом за счёт крупного рогатого скота. Удойность коров поднялась до 1880 л в среднем вместо 1660 л на корову по плану. Колхоз сдал государству сверх плана 322 ц молока. Сверх плана зернопоставки и натуроплаты машинно-тракторным станциям колхоз продал государству 90 ц пшеницы и в фонд Красной Армии отчислил больше 1000 ц пшеницы. Сена сдано 3805 ц вместо 3692 ц по плану. На трудодень колхозникам пришлось 5200 г зерновых, 5 руб. деньгами, не считая мёда, овощей, соломы и т. д. За лучшую работу по уборочной 106 колхозников были премированы.

Славные трудовые дела колхозников перекликались с боевыми подвигами их сыновей, мужей и братьев, защищавших Москву.

22 ноября 1941 г. был для колхозников радостным днём. Представитель ЦК КП(б) Казахстана сообщил на общеколхозном митинге о героических делах 316-й дивизии и о переименовании её в 8-ю гвардейскую орденоносную дивизию имени генерал-майора Панфилова. На митинге присутствовало свыше 600 человек. Выступал старик Ф. Макагон: «Сыны мои там, и я буду ещё больше работать и помогать». 75-летняя старуха Машкина тут же внесла одеяло, перчатки и 6 пар шерстяных носков; председатель колхоза тов. Сероштан сказал: «Они выполнили свои обещания биться жестоко с врагом. Мы обязаны помогать ещё больше». Выступали ещё многие старики и женщины. Митинг вызвал огромный подъём, многие колхозники сдавали по 2 ц пшеницы, по барану для подарков гвардейцам-панфиловцам.

Патриотические чувства колхозников выразились в обращении ко всем колхозникам, ко всем трудящимся Казахской республики, принятом единодушно на митинге. В этом обращении колхозники писали: «Мы гордимся изумительными, героическими делами наших родных бойцов и шлём им пламенный трудовой привет! Ведь они, эти бесстрашные герои,—наши сыновья и братья, наши отцы и мужья. Они наши сердца и наша родная кровь. Вот почему для нас так близки и радостны их героические подвиги. Борьба, которую ведут они, эти чудо-богатыри нашей родины, суровая и жестокая, она требует невероятных усилий и лишений, энергии и стойкости. Но эту силу и энергию они найдут в себе, они найдут её в своём народе, в своём тылу. Священный долг колхозников и всех трудящихся нашей республики—выполнить указания товарища Сталина: работать не покладая рук на оказание всемерной помощи фронту, помощи нашим славным героям. Поэтому мы, колхозники и колхозницы колхоза имени Сталина, Кугалинского района, призываем всех колхозников республики ещё раз немедленно пересмотреть все свои дела и коренным образом перестроить их на военный лад, в соответствии с указаниями товарища Сталина. Сейчас же начать повсеместную организацию посылок — подарков воинам Краснознамённой 8-й гвардейской дивизии, нашим родным мужественным братьям. В знак горячей любви и сердечной благодарности за славу перед родиной мы со своей стороны шлём бесстрашным героям подарки: 3000 пудов хлеба, 300 пудов мяса, 600 пудов картофеля, 10 кавалерийских лошадей, 100 пар лимов, 100 посылок и 100 пар ватных брюк и фуфак».

Кроме того колхозники обязались создать в колхозе хлебный фонд для нужд Красной Армии в размере не меньше 3 тыс. пудов, образцово провести зимовку скота, подготовить, сколько требуется, женщин — комбайнерок и трактористок и дали честное слово труженников, что и в дальнейшем самоотверженной работой будем оказывать

могучую подмогу своим родным, прославившимся землякам».

За 1941 г. и к 24-й годовщине Красной Армии колхозники отправили 346 индивидуальных и бригадных посылок, общим весом 5113 кг, в среднем около пуда в каждой посылке.

В числе 28 гвардейцев-панфиловцев, охранявших разъезд Дубосеково и принявших неравный бой с 50 немецкими танками, были два члена колхоза: П. Д. Дутов и Я. А. Бондаренко.

Парторганизация и правление колхоза созвали митинг, посвящённый памяти своих земляков — Героев Советского Союза. На митинге первым выступил стахановец колхоза, отец героя — А. И. Бондаренко и дал слово работать, сколько сил хватит. Выступала Е. В. Дутова, 56 лет, мать другого героя. «Погиб мой сын,—сказала она,—ещё 4 сына, кроме него, воюют на фронте. Я сердцем всегда с ними. Чем могу, буду помогать колхозу и им». И тут же внесла лимы, шапку, перчатки и другие тёплые вещи.

Портреты героев-панфиловцев Бондаренко и Дутова висят в клубе, в правлении, в комнате секретаря парторганизации. Часто в беседах, на собраниях произносятся имена Бондаренко и Дутова, их ставят в пример, по ним равняются другие.

Когда в конце ноября 1941 г. в колхоз приезжала жена генерал-майора И. В. Панфилова, Мария Ивановна Панфилова, тов. Сероштан сообщил на митинге, на котором она присутствовала, что на фронте сражаются уже 300 человек из колхоза имени Сталина и среди них 30 человек награждены орденами и медалями за воинскую доблесть.

Радостные сообщения о разгроме немцев под Москвой, боевые подвиги земляков ещё выше подняли трудовой порыв колхозников.

Так вступил колхоз в 1942 год.

Уже в январе 1942 г. в колхозе развернулась усиленная подготовка к первому военному весеннему севу. Перед Казахской республикой стояла задача — увеличить посевную площадь, чтобы восполнить потери, понесённые страной вследствие захвата немцами Украины. Колхозы Казахстана должны были выдержать серьёзное испытание: с уменьшившейся рабочей силой значительно увеличить посевную площадь.

Общее собрание колхозников вынесло решение: женщины и подростки должны заменить мужчин. Решающим стал вопрос об учёбе на курсах для эвакуированных, в бригадах по обучению работе на селках, плугах, по обучению подростков работе вольников и конюхов.

Бодро, деловито готовились колхозники к севу. Наметили засеять сверх плана 25 га в фонд обороны СССР, призвав после-

довать своему примеру всех колхозников Казахстана.

Напряжённо готовясь к весеннему севу, колхозники не забывают и об освобождённых колхозах, разорённых немецкими оккупантами. Они выделили в фонд помощи освобождённым районам 15 коров, 70 баранов, 50 ц пшеницы, 10 свиноматок, 15 тыс. руб. деньгами. Детям, пострадавшим от нашествия фашистов, отдали 335 трудодней, а для колхозников Ленинградской области из личных запасов собрали 365 ц пшеницы, 27 ц ячменя, 30 ц пшена, 41 кг сливочного масла и сала, 2170 яиц, 22 пуда муки, 5850 руб. деньгами.

Весенний сев в колхозе был проведён за 9 рабочих дней. Чтобы ускорить сев, старики во главе с Ф. П. Макагоном провели ручной сев из лукошка. В результате план сева был выполнен с превышением на 187 гектаров.

До войны колхоз имени Сталина был в числе передовых животноводческих колхозов Казахской республики. Во время войны он выступил инициатором всесоюзного соревнования животноводов.

На общеколхозном митинге с большим воодушевлением было принято обращение ко всем работникам колхозного животноводства об организации всесоюзного соревнования по животноводству.

Обращаясь с призывом ко всем работникам колхозного животноводства, колхозники писали: «Товарищи колхозники и колхозницы! Организуем по-фронтовому, по-военному заготовку кормов... Наведём порядок на всех наших фермах, на всех скотных дворах, свинарниках, во всех кошарах, конюшнях, птичниках... Выполним поставки животноводческих продуктов в срок, сдадим нашему государству молоко высокой жирности, скот хорошей упитанности, шерсть отменной чистоты, кожсырьё отличного качества».

Воодушевлённые первомайским приказом товарища Сталина, колхозники ещё самоотверженнее стали трудиться, чтобы с честью выполнить свои обязательства. Шла тщательная подготовка к уборочной кампании.

Всю страну обжигало пламя ожесточённых боёв под Сталинградом. Развёртывалась первая часть великой сталинградской эпопеи, когда вся страна напрягалась в едином порыве: не пропустить врага ни на шаг дальше. ЦК КП(б) Казахстана объявил фронтовой декадник по уборке урожая. В колхозе имени Сталина на уборку вышли все, даже старухи; они показывали, как жать серпом, как правильно вязать и складывать снопы. Как бойцы на фронте, работали люди на тракторах, комбайнах, работали серпами и косами, ночью, при луне, при свете фар.

И уже к 20 октября колхоз имени Сталина рапортовал сталинградцам, послав одновременно несколько десятков посылок, что сенокос закончен; сжат, скошен и заскিরдован весь хлеб. Особенно хорошо работала молодёжь, на которую была воз-

ложена большая часть тяжёлых уборочных работ. Трактористка Тисенко, которая только в военное время взялась за руль трактора, выполнила план на 113%, сэкономила 456 кг горючего. Плугари Зенкин, Махничёв выполнили план на 120—123% и др.

Но решающим было повышение производительности труда в колхозе: почти все стали лучше работать. В 1940 г. в колхозе не выполнил минимума трудодней 191 человек, при минимуме в 80 трудодней, в 1942 г. невыполнивших было 7 человек, при минимуме в 120 трудодней. Вот как росло количество колхозников, выработавших от 100 до 200 трудодней: 1940 г. — 212 человек, 1941 г. — 423 человека, 1942 г. — 823 человека.

Не отставали и животноводы колхоза. Лучшие доярки колхоза Ульяна Сероштан, Мария Плужник, Анна Пономарёва, Анна Диких и другие добились средней удойности по колхозу в 2141 л на корову вместо взятого обязательства 2 тыс. л и плановой удойности 1600 литров. Все телята были сохранены. Средний привес телят составил 750 г в сутки вместо 450 г по плану.

На свиноводческой товарной ферме свинарка тов. Блашкоза вместо 78 поросят по плану (по 13 поросят от свиноматки) вырастила 88 поросят. По 8 поросят сверх плана вырастили тт. Козлова и Мащенко.

Поголовье лошадей в колхозе в 1942 г. доведено до 395 вместо 335 в 1941 году. Душой коневодческой товарной фермы и примером для всех конюхов является старший конюх племенной конюшни С. Николенко. Любовный и тщательный уход организован за конским поголовьем в табунах. Лучшие горные пастбища отводятся для конских косяков; два раза в день во время водопоя лошадей внимательно осматривают: нет ли какой раны и т. п.

По овцеводческой товарной ферме колхоз получил настриг шерсти в среднем 3760 г с овцы вместо 3 кг по плану, довед. число овец до 6469 вместо 6266 по государственному плану и 4809 — в 1941 г., и это несмотря на то что мясопоставки колхоза возросли вдвое — с 242 ц в 1941 г. до 470 ц в 1942 году.

Большие и ответственные обязательства по всесоюзному соревнованию колхоз выполнил с честью. Комиссия ЦК КП(б) Казахстана, проверявшая в конце 1942 г. выполнение обязательств, отметила, что на основе широко развёрнутого социалистического соревнования колхоз выполнил государственный план развития животноводства: по лошадям — на 103%, по крупному рогатому скоту — на 104%, по овцам — на 105%, по свиньям — на 132%.

Огромную роль в выполнении увеличенных планов животноводства в военное время сыграло развитие отгонного животноводства.

В 1942 г. колхоз перевёл на отгонное животноводство 3500 овец, 200 лошадей, 500 голов рогатого скота. Зимовка скота прошла удачно, упитанность скота была хорошая. Колхоз сэкономил десятки тысяч пудов кормов.

В 1942 г. колхоз справился с уборкой лучше, чем в 1941 году. Досрочно и с большим превышением был выполнен план государственных поставок. Сдано 7106 пудов зерна в фонд Красной Армии. Сдано молока на 630 ц, сена на 1526 ц, яиц на 6474 штуки больше, чем в 1941 году. Кроме того из личных запасов колхозники продали государству 426 ц пшеницы.

Напряжённая работа, творческая сметка, настойчивость большевиков, горячее чувство патриотизма скрываются за этими внушительными цифрами.

Разрешение «верёвочной проблемы» осенью 1941 г. явилось уроком для колхоза: не просить в государственных органах, а устранять затруднения своими средствами. Появилась нужда в соли. Разыскали за 150 км от колхоза соль и стали её добывать. Далеко в горах заготавливают по 500—600 м³ леса в год. Организовали собственное производство черепицы, обжиг извести.

Строительные работы в колхозе в дни войны не прекратились. Достроена школа-девятилетка, построено 24 новых жилых дома, в 12 домах произведён капитальный ремонт. Для отгонного животноводства на отдалённом урочище Карачек построены три базы для свиноводческой товарной фермы, 5 домиков для чабанов и пастухов, конюшня на 10 голов (на случай, если матки ожеребятся преждевременно). Отстроено новое помещение для свиноводческой товарной фермы и молочно-товарной фермы. Подрастающее стадо колхоза обеспечено хорошим помещением.

Талантливый самоучка-строитель Е. Д. Машкин рассказывает, как «одолевали» черепичное производство: «Начали ещё до войны, два года бились—никак не давалось. Некоторые из колхозников уже посмеивались. Наконец удалось подобрать глину. Научились тщательному уходу за производством. Сейчас сделали 12 тыс. штук хорошего качества черепицы».

В 1942 г. в колхозе организовали гончарное производство. Сделали 5 тыс. кружек, мисок, кувшинов. Удовлетворили нужду колхозников в посуде. Переключили гончарное производство на производство глиняных труб. Провели водопровод к 1-й полевой бригаде, для того чтобы поить скот, и к строительной бригаде.

Тов. Машкин построил ванну для купания баранов после стрижки. Пропускная способность ванны—3 отары овец в день, тогда как при ручном способе купания уходило 2—3 дня, для того чтобы вымыть одну отару. Кроме того ванна обеспечивает несравненно лучшее впитывание креолина, чем при ручном способе.

В дни сбора тёплых вещей для Красной Армии в колхозе была организована пимокатная мастерская. С начала войны до декабря 1942 г. в ней сделано 200 пар пимов для Красной Армии, а также пимы для чабанов, пастухов.

Для увеличения хлебофуражного баланса работники молочно-товарной фермы и

свиноводческой товарной фермы серьёзно взялись за обработку прифермерских участков. Под руководством полевода колхоза Фёдора Корсакова, участника финской кампании, бывшего пастуха, а сейчас хорошего агронома-практика, они увеличили посевы кормовой свёклы до 30 га вместо 18 га в 1942 году. Впервые в колхозе в 1943 г. свёкла выращивалась поливным способом. Под руководством Е. Д. Машкина провели 3 оросительных канала для поливки кормовой свёклы.

Осенью 1942 г. в колхозе было несколько случаев заболевания сыпным тифом. По решению правления в каждой бригаде выстроили баню. Строительная бригада оборудовала дезинфекционную камеру. Эпидемия тифа была предотвращена.

Собрали всё железо и утиль, организовали собственное производство вёдер, баков. Ни одна ферма не испытывает нужды в производственной посуде. Так, в условиях войны, преодолевая трудности, развивается хозяйство колхоза. Пожилые колхозники невольно вспоминают войны царской России, когда они воевали, а их единоличные хозяйства нищали и разваливались.

Преимущества колхозного строя чувствуют и семьи красноармейцев, получающие всё время помощь от колхоза. А. И. Бондаренко говорит: «Колхозники крепки духом и будут стойки до победы. Да и как не быть крепкими, ведь у нас ни одного старика и ребёнка не пропало! Если бы не колхоз, давно бы многие голодали, как моя семья, когда я воевал с немцами ещё в 1914 г., а сейчас все сыты».

А с фронта председатель колхоза получает такие письма: «Боевое спасибо вам, тов. Сероштан, за заботу и помощь моей семье и за письмо, написанное мне. Я очень доволен вами и вашим отношением к семьям красноармейцев и к самим красноармейцам. Этим поднимается дух идти на новые подвиги, к полному истреблению фашистских зверей. За последнее время мной истреблено двадцать фашистских гадов, которые уже никогда не поднимут свои грязные руки на наш героический советский народ. С боевым приветом Растворцев».

Выступление товарища Сталина 6 ноября 1942 г., блестящая сталинградская победа Красной Армии наполняют колхозников радостью и стремлением трудиться ещё лучше, чтобы приблизить час окончательной победы.

Любовь колхозников к родине и их ненависть к врагу проявились особенно ярко в дни подписки на денежно-вещевую лотерею и заём. Вот сравнительные цифры: в 1941 г. колхозники на денежно-вещевую лотерею подписались на 18 тыс. руб., в 1942 г.—на 40 тыс. руб.; на заём в 1941 г.—на 120 тыс. руб., в 1942 г.—на 435 тыс. рублей.

Как только в Холмогоровку долетели первые радиовести о взносе Ф. Головатова и о начавшемся в Казахской ССР сборе

средств на танковую колонну, состоялось партсобрание совместно с активом. Присутствовали 92 человека. На следующий день был созван общеколхозный митинг, на котором развернулась подписка на танковую колонну «Колхозник Казахстана».

Через несколько дней товарищу Сталину в Москву была отправлена телеграмма, в которой колхозники сообщали, что, выполнив обязательства по всесоюзному соревнованию по животноводству, выполнив досрочно все госпоставки и горя желанием больше помочь Красной Армии быстрее разгромить врага, колхоз сдал дополнительно в фонд Красной Армии и в счёт натуроплаты машинно-тракторным станциям 50 тыс. пудов хлеба, колхозники собрали на танковую колонну «Колхозник Казахстана» 550 тыс. руб. и сдали из личных запасов в фонд Красной Армии 2 тыс. пудов хлеба.

Председатель колхоза Ф. К. Сероштан внёс 100 тыс. руб. и 120 пудов хлеба.

Семья Героя Советского Союза П. Д. Дутова обратилась с письмом ко всем колхозникам и колхозницам Казахстана: «Дорогие товарищи! Товарищ Сталин призывает нас заботиться о Красной Армии, помогать фронтовикам, окружать их вниманием и заботой... Собравшись мы здесь недавно всей семьёй, посоветовавшись с дочками, невесткой и порешили направить нашим бойцам, командирам Красной Армии посылку. Зажарили мы нашим дорогим фронтовикам поросёнка, два гуся, три курицы, напекли из хорошей белой муки пуд печенья, положили 5 кг сала отборного. Пусть кушают на здоровье и знают, что мы не забываем их! Мы призываем всех колхозников и колхозниц Казахстана последовать нашему примеру. Пусть каждый колхозный двор, каждая колхозная семья направят нашим фронтовикам к славному празднику Красной Армии продовольственную посылку с тёплыми вещами. Пусть поблагодарят нас за это доброе дело наши дорогие фронтовики и скажут нам своё спасибо за заботу и ласку. Семья П. Д. Дутова: отец Д. М. Дутов, мать Е. В. Дутова, жена Т. З. Дутова».

Колхозники горячо откликнулись на призыв Дутовых. Только в колхозе имени Сталина было собрано 122 посылки с салом, печеньем, колбасой, маслом.

Все колхозники помнят день, когда на их телеграмму был получен ответ от товарища Сталина. Собравшиеся долго и восторженно приветствовали любимого вождя. Тов. Петрова прочитала собранию: «Благодарю колхозников и колхозниц, собравших 550 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Колхозник Казахстана» и сдавших хлеб в фонд Красной Армии, и лично Вас, Фёдор Кузьмич, за Вашу заботу о Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Выступали многие. Общее настроение выразила комсомолка Мотя Дреева. «Мы получили благодарность товарища Сталина, — сказала она, — за нашу заботу о Красной Армии. Получить такую оценку вождя в

военное время — почётное и благородное дело. Давайте же работать на колхозных полях так, чтобы и в этом году наш колхоз был достоин этой великой чести».

По традиции колхоза «дал слово — держись» закипела горячая подготовка к весеннему севу. В марте 1943 г. колхоз выступил инициатором соревнования в Кургалинском районе по борьбе за высокий военный урожай в 1943 году. В весенний сев все свои обязательства колхозники выполнили. Было засеяно на 414 га больше, чем намечено по обязательству. Посеяны новые культуры: 60 га кукурузы, 15 га гороха, 5 га технического подсолнечника.

Фермы и бригады колхоза имеют непосредственную связь с фронтом: посылают посылки, получают и пишут письма, в которых сообщают о всех делах.

В колхозе нередко получают с фронта такие письма: «Добрый день или вечер, дорогая жена Агафья Ильинична!.. Я хочу тебя благодарить, что ты меня не забываешь и пишешь письма очень хорошо. Я получил ваши письма, 9 штук, из которых я вижу, что у вас с сыном есть забота обо всём... Ваши письма дал читать своему политруку, он выбрал кое-что из этих писем и написал в боевом листке, на красной доске... Это же для меня радость, что моя жена попала за несколько тысяч км на красную доску. Но это, конечно, не всё; надо, чтобы работать так до конца разгрома немцев... Ваш Бондаренко».

В третий год войны колхоз вступил с поголовьем скота, увеличившимся на 2347 голов (с 7506 до 9853), с расширенными свыше чем на 500 га зерновыми посевами (с 2823 до 3392 га), со значительно возросшей площадью пастбищ, с рядом новых производств.

На машинном хозяйстве колхоза война отразилась незначительно. Свернулась электродойка. 7 автомашин-трёхтонок отданы в армию, но колхоз отремонтировал 2 старые, уже сданные в утиль автомашины и на этих машинах и гужевом транспорте перевозит выполняемые им раньше срока поставки государству.

Несмотря на то что из колхоза в армию ушли 513 человек, хозяйство колхоза настолько мощно, что колхоз в состоянии принять ежемесячно 150—200 раненых и больных красноармейцев на поправку. Раненых бойцов обеспечивают квартирами, уходом, продуктами по государственным ценам и по мере поправки вовлекают в трудовую жизнь колхоза.

В 1943 г. колхоз восстановил работу колхозного дома отдыха для раненых и больных красноармейцев. За май—июнь в нём побывало уже 40 человек. За 10 дней пребывания на свежем горном воздухе, при усиленном питании отдыхающие прибавляют в весе по 4—6 кг.

Фронтовики гордятся своим колхозом, героическим трудом патриотов-колхозников. Для них родной колхоз олицетворяет родину, за которую они так стойко борются:

сотни гвардейцев и 45 орденосцев вышли из колхоза имени Сталина.

Десятки писем получает председатель колхоза тов. Сероштан из армии. Вот некоторые из этих захватывающих, искренних писем. Пишет П. Я. Осипов (ППС 69644 «В»): «Фронтвой привет моему другу и учителю Фёдору Кузьмичу! Находясь на фронте, я часто вспоминаю о Вас, о родном колхозе... В свободные минуты рассказываю своим друзьям про свой колхоз, пашни с золотыми колосьями, о культурных ценностях; конечно, не забываю и румяных колхозных девчат... Я горжусь родным колхозом. Это моя родина, моё отечество. Вот за что мной и не один раз была пролита кровь. За родину, за Вас, Фёдор Кузьмич, не один раз был мною послан снаряд в немецкое логово! За колхоз и за колхозников — в немецкий танк! Здорово интересуюсь колхозной жизнью, вызываю на соревнование... Я вышлю Вам боевую характеристику, а Вы мне».

А вот письмо «главного электрика» колхоза Олейникова Николая (ППС 993857): «Привет от гвардейца-панфиловца! С великой радостью читал твоё письмо, которое щиплет за сердце, напоминает о многом... о нашей жизни, жизни, которую мы строили, и лично под твоим руководством добились очень многого в нашем колхозе. Это — большое дело, и счастливая, зажиточная жизнь, богатая — это твои труды... Мне вспоминается строительство в нашем колхозе... И я думаю быть честным и преданным тебе — всем... Это не просто я тебе говорю, а от всего сердца. Хотя я прожил мало, но такой привязанности не имел ни к кому, как к тебе. Я вспоминаю боевые дни твоей службы и часто в трудные минуты говорю: прав Фёдор Кузьмич!»

В дни знаменитого разгрома немцев под Москвой группа земляков писала в колхоз: «Мы получили Ваше письмо... Передаём всем колхозникам и колхозницам, честно работающим на колхозной работе, горячий гвардейский привет от Житника, Рария, Подырова и др... Мы знаем людей нашего колхоза, как патриотов своего отечества, и гордимся ими! Нам пишут, что каждый колхозник помогает Красной Армии в сборе тёплых вещей... Мы ихнюю работу оправдаем с честью! Били гада под Ленинградом и добьём собаку под Москвой!»

А вот что пишет тов. Сахно (ППС 1974): «Тов. Сероштан! Батько нашего колхоза! Заверяю Вас, что я добьюсь, чтоб стать таким героем в Отечественной войне, каким Вы в нашем социалистическом сельском хозяйстве!»

Есть в письмах и просьбы, например такая: «Добрый день, Фёдор Кузьмич! Горячий красноармейский привет от Симонова

Ивана Филипповича. Немцев бить я хочу только коммунистом, поэтому прошу Вас, Фёдор Кузьмич, послать мне рекомендацию для вступления в партию. Проработав с Вами 6 лет, считаю, что Вы меня хорошо знаете...»

А бывают и такие просьбы: «Здравствуй, многоуважаемый руководитель! Ваше письмо получил, за которое очень благодарю... Ваше письмо читали все красноармейцы и говорят: мы знаем этого Сероштана, он всегда в газетах бывает с козлятами и жеребятками... Теперь, Кузьмич, на меня очень обижаются жена, как будто я натворил плохую вещь, я Вам признаюсь, как отцу, что это неверно. Вы поговорите с моей женой, а то она ни одного письма не написала...»

Фронтвики ловят каждую весточку о своём колхозе. Я. И. Кравченко (ППС 71738 «Ж»), прочитав в газете «Известия» от 21 апреля 1943 г. о выступлении тов. Сероштана на радиомитинге в честь получения Казахской ССР переходящего красного знамени Государственного комитета обороны за успехи в животноводстве, пишет следующее прочувствованное письмо: «Здравствуйте, дорогой друг Фёдор Кузьмич! Спешу поздравить старого большевика, неутомимого строителя сельского хозяйства. Мы Ваше слово читали в газете «Известия» от 21 апреля. Я очень был доволен и рассказывал своим товарищам фронтовикам о Вашей работе, и мои друзья передают также Вам великое пожелание в Вашем труде... Я как артиллерист также обещаю громить и бить врага так, как мы били их в Сталинграде».

Пишет жене красноармеец Груздов: «Сегодня для меня неожиданная радость! После ужина пошли в кино. Картина — 10-й сборник, и вдруг на экране читаю: колхоз имени Сталина, Алмаатинской области, и смотрю: электрострижка барана, старший чабан Сарсенов, дальше 1-я МТФ, доярки, все свои, знакомые, особенно выделяется Пономарёва Анна, потом показывают СТФ. Свиноарки Козлова, Скороходова и другие купают поросят, к ним идёт Сероштан... Как будто побывал дома... Сколько для меня радости, когда смотрю родные дома, дороги, по которым ходил... Меня окружила почти вся рота... очень много задавали вопросов из жизни колхоза, колхозников... Два часа вели беседу».

★

Описанные дела колхоза имени Сталина похожи на дела тысяч других колхозов СССР. Эти славные дела воочию показывают преимущества колхозного строя и дальновидную мудрость сталинского руководства, обеспечившего победу и укрепление колхозного строя в СССР.

ИЗГНАНИЕ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ИЗ БЕЛОРУССИИ В 1918 ГОДУ

О. Шекун

В ожесточённой борьбе с немецкими и белопольскими оккупантами белорусский народ в 1918—1920 гг. под руководством партии Лецина—Сталина, при братской помощи великого русского народа отстоял свою свободу и независимость и образовал своё советское государство. Беспощадная борьба против иноземных захватчиков, за свободу, честь и независимость является исторической традицией белорусского народа. Белоруссия не раз подвергалась вражескому нашествию: её стратегическое положение издавна привлекало внимание интервентов, стремившихся использовать Белоруссию как плацдарм для наступления на Москву.

Через Белоруссию наступали на Москву шведские войска в 1708 г., наполеоновская армия в 1812 г., немецкие и польские войска в 1918—1920 годах. И каждый раз белорусский народ поднимался против интервентов, изгонял их из родной страны при помощи русского народа и вместе с ним. После социалистической революции в России Белоруссия становится форпостом Советского Союза на западе.

★

18 февраля 1918 г., воспользовавшись предательством Троцкого, немецкие войска начали наступление на широком фронте. На Белоруссию наступали 10-я армия и 41-й резервный корпус. Немцы хотели выйти через Полоцк—Оршу на Смоленск, а через Гомель—на Брянск, чтобы затем двинуться на Москву.

Положение Белоруссии было особенно тяжёлым: немногочисленным отрядам Красной гвардии и Красной Армии приходилось вести борьбу не только с наступающими немецкими войсками, но и с 1-м корпусом польских легионеров под командованием генерала Довбор-Мусницкого. 25 января Довбор-Мусницкий объявил войну Советской России и занял ряд районов Белоруссии. Его целью были оккупация Белоруссии польскими войсками и восстановление в ней буржуазно-помещичьей власти. Немецкое командование рассчитывало использовать для оккупации Белоруссии эту вооружённую силу. Генерал Гофман от имени немецкого командования предложил Довбор-Мусницкому условия совместной борьбы против Советской России. Статья третья этого соглашения гласила: «От польского корпуса ожидается, чтобы он своими сила-

ми и влиянием в занятых им районах усилил и расширил борьбу против общего врага—большевизма и чтобы одновременно действовал вдоль железнодорожной линии на Минск»¹.

Условия Довбор-Мусницким были приняты.

19 февраля поляки захватили Минск, а 21 февраля в Минск вступили немцы. С наступлением немцев выползли на свет враги белорусского народа—белорусские буржуазные националисты, до этого орудовавшие подпольно.

Немецкое командование, опираясь на польский корпус Довбор-Мусницкого и на белорусских националистов, рассчитывало быстро захватить Белоруссию и проложить себе дорогу к Москве. Но расчёты немцев не оправдались.

В Белоруссии немцы встретили такое сопротивление, какого они не ожидали. Белорусская рада не пользовалась влиянием среди белорусского народа. Немецкие оккупанты это прекрасно поняли, поэтому они и не сочли пужным применить в Белоруссии такой политический маневр, как создание марионеточного правительства, наподобие созданных ими марионеточных правительств на Украине, Дону, в Крыму и Литве.

Вероломное нападение на Советскую Россию и оккупация Белоруссии, Прибалтики, Украины принесли немцам только временный успех. Борьба белорусского, украинского и русского народов против оккупантов заставила немецкое командование держать на востоке значительные войска. Это отвлекало силы с западного фронта и облегчало победу англо-французских армий. Наконец под влиянием дальнейшего роста народной войны началось разложение в рядах оккупационной армии, и это ускорило крах германской монархии.

1918 год памятен немцам как год полного крушения всех захватнических планов германского империализма, разложения немецкого тыла и армии, как год военного поражения. Уроки рокового восемнадцатого года сейчас встают перед немцами как грозный предвестник приближающейся катастрофы.

¹ Baginski H. «Wojsko polskie na Wschodzie, 1914—1920», St. 267. Warszawa. 1921.

И действительно, 1918 год был годом наибольших успехов захватнической политики германского империализма и вместе с тем годом полного краха этой политики.

В начале 1918 г. немецкие войска захватили громадные территории Советской страны, а через 10 месяцев они в панике бежали на запад.

Народная война против немцев в 1918 г. привела оккупационный режим к краху ещё задолго до военного поражения Германии на западном фронте. В этой войне советского народа в 1918 г. белорусский народ шёл в первых рядах и первым принял на себя удар германского империализма.

Когда советское правительство провозгласило: «Социалистическое отечество в опасности!» — белорусский народ поднялся на защиту родной земли. Главнокомандующий западным фронтом А. Ф. Мясников дал приказ двинуть Витебский, Оршанский, Могилёвский отряды и 2-ю революционную армию против немцев.

Перед небольшими вооружёнными силами Белоруссии была поставлена задача — задержать продвижение противника за линию Витебск — Орша — Могилёв — Гомель.

Во имя справедливой борьбы главнокомандующий западным фронтом призвал белорусский народ «на защиту западных границ революционной России — от Витебска и до Гомеля».

В Белоруссии повсеместно начали создаваться вооружённые силы для борьбы с немцами. Быстро шло формирование частей Красной Армии. Организующими центрами стали советы. Так, Могилёвский губернский исполнительный комитет 22 февраля 1918 г. объявил мобилизацию в Красную Армию. Губисполком разослал на места телеграмму, в которой предлагал вести беспощадную борьбу против дезорганизаторов мобилизации и изменников: «Ведите беспощадный террор по отношению ко всем препятствующим вашим распоряжениям. Долг всякого социалиста с оружием в руках защищать ту революцию, которая дала угнетённым жизнь и власть; горе изменникам и предателям»¹.

Горецкий уездный исполком обратился к трудящимся с призывом записываться в Красную Армию и взял на себя формирование частей Красной Армии не только в Горецком уезде, но и за его пределами. Для выполнения этой задачи был создан военно-революционный штаб. Он назначил сборные пункты в Соболеве, Саве, Шклове, Орше. Воззвание Горецкого исполкома заканчивалось следующими словами: «День записи установлен для всех сборных пунктов 6 марта. Всем идущим товарищам на защиту трудового народа в Рабоче-Крестьянскую Красную гвардию предлагаем взять всё необходимое, так как домой уже возвратиться времени не хватит»².

Белорусский национальный комиссариат

обратился с призывом к воинам-белорусам — «не медля ни одной минуты вступать в ряды революционной российской Красной Армии». Трудящиеся Белоруссии широко откликнулись на призыв советской власти. Рабочие на заводах, крестьяне в сёлах и деревнях выносили единодушные решения о вступлении в Красную Армию. Так например 10 марта заболотское и воронское общины собрания крестьян Витебской губернии постановили «войти в состав Красной Армии»³.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия формирование частей Красной Армии шло быстро. В начале марта из Витебска сообщали: «Трудно и почти невозможно вести учёт. Организовано не менее тысячи [бойцов]. Уже имеется пятый рабоче-крестьянский Красный полк в 400 человек и особый рабоче-крестьянский батальон имени Витебского революционного совета. Намечаются новые формирования. Нужны опытные инструктора, организаторы и агитаторы»⁴.

Только за первые дни в Красную Армию вступило около 10 тыс. человек. В борьбе против немецких захватчиков советское командование широко применяло тактику партизанской войны. Уже в первом своём приказе главнокомандующий западным фронтом тов. Мясников дал указание некоторым отрядам действовать по правилам «малой войны». В условиях 1918 г. эта тактика целиком оправдала себя.

Немногочисленные в Белоруссии регулярные советские отряды не могли создать сплошной линии фронта: они могли держать в своих руках лишь основные узлы обороны и задерживать продвижение врага, внезапно атакуя на противника, взрывая мосты и железные дороги, нанося удары с тыла. Эти регулярные части Красной Армии могли иметь успех лишь при широкой поддержке белорусского народа. И белорусский народ с первого же момента вражеского вторжения оказал активную поддержку Красной Армии. По всей Белоруссии стихийно возникали партизанские отряды.

27 февраля телеграфировали из Орши: «Недалеко от Минска, на другой половине Александровской дороги произошёл ряд стычек, в которых целые отряды местных крестьян оказали сопротивление германским войскам, продвигающимся по направлению к границам Минской губ. Мирные крестьяне деревень Сморговка, Зелёный Луг и Тимковичи вооружились и вступили в сражение с отрядом германских войск, причём крестьяне одержали победу и германские войска вынуждены были отступить»⁵.

¹ «Наш путь» № 11 от 10 марта 1918 года.

² «Московская газета Красной Армии» № 22 от 14 марта 1918 года.

³ «Известия советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» № 35 от 28 февраля 1918 года.

¹ «Правда» от 23 февраля 1918 года.

² Могилёвский областной архив, ф. 2096, св. 1, д. 12.

Для руководства партизанским движением Высший военный совет 7 марта создал штаб партизанских формирований. В докладе партизанского штаба от 25 марта сделаны следующие выводы: «1. Вторжение германцев на российскую территорию вызвало в оккупированных районах, а отчасти и в прилегающих к ним губерниях народное движение, выразившееся конкретно в партизанских действиях. 2. Идея партизанских формирований зародилась стихийно и стала популярной в массе»¹.

Партизанские отряды сыграли громадную роль в защите страны от дальнейших посягательств германских империалистов. 10 марта 1918 г. была создана «Западная завеса отрядов». Её задачей было — не пропустить врага в глубь страны, если последует новое наступление немцев.

Приказом главнокомандующего западным фронтом за № 7 были организованы три группы отрядов. Смоленская группа включала Витебский, Оршанский и Смоленский отряды, на которые возлагалась задача — не допустить немцев к Смоленску; Рославльская группа должна была препятствовать продвижению немцев от Могилёва и Рогачёва к железной дороге Починок — Рославль; Брянская группа имела задачей удержать железную дорогу Брянск — Орёл.

Приказ подчёркивал значение партизанских отрядов: «Для выполнения данной задачи начальникам групп и отрядов надлежит пользоваться не только отрядами всех наименований, но и самым широким содействием местных партизан... Главная по силе «завеса» должна состоять из лучших местных партизанских отрядов, усиленных на важнейших направлениях революционными войсками»².

Таким образом, партизанские отряды в прифронтовой полосе сыграли роль щита, который давал возможность в центре страны создавать регулярную Красную Армию и накапливать силы для удара по врагу. Партизанские отряды в прифронтовой полосе получали пополнение преимущественно из неоккупированной части Белоруссии, а также из ближайшей прифронтовой полосы. Тем временем в оккупированной немцами части Белоруссии росло народное движение против оккупантов, разгоралась партизанская война под руководством подпольных большевистских организаций.

Немецкие оккупанты рассчитывали использовать богатства и рабочие руки Белоруссии для укрепления экономического положения Германии, а её территорию — как надёжный плацдарм для дальнейшего наступления на Советскую Россию. Но эти планы под ударами Красной Армии и белорусского народа быстро потерпели полное крушение.

¹ Центральный архив Красной Армии (ЦАКА), д. № 24—619, л.л. 96—97.

² Паргархив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. № 100.

Белорусский народ воочию увидел, что немецкие захватчики несут ему экономическую кабалу, политическую реакцию, порабощение и опемечение, что все его завоевания отняты, и поднялся на их защиту. Возглавляла и вдохновляла народную борьбу против немецких захватчиков большевистская партия. Партия осталась с народом несмотря на террор и жестокие преследования. Она соединила воедино и направила к общей цели все усилия белорусского народа, внесла организованность в его стихийные выступления.

Когда немцы оккупировали Белоруссию, большевики ушли в подполье и стали собирать силы для борьбы против оккупантов. В Минске 28 февраля 1918 г. был создан подпольный комитет. Он установил связь с Северозападным областным комитетом РКП(б). Комитет развернул большую работу среди минских рабочих, создал партийные ячейки в профсоюзах и выделил специальную группу для работы в деревне. Партийные ячейки были организованы не только в Минском, но и в Борисовском, Игуменском, Слуцком уездах.

15 июля состоялась первая конференция Минского района, на которой, кроме представителей городских ячеек, присутствовали представители 75 деревенских ячеек, объединявших около 500 членов партии.

Минск стал центром подпольной работы большевиков Белоруссии. Минская организация вела работу в Минской, в части Виленской и Гродненской губерний и в оккупированной части Могилёвской губернии.

В мае был организован Бобруйский комитет партии. Он стал руководящим центром для Рогачёвской, Слуцкой, Жлобинской, Несвижской и Быховской организаций.

На конференции Бобруйской парторганизации в октябре было представлено 10 городских организаций и 156 деревенских ячеек.

Минский и Бобруйский районные комитеты работали под руководством Северозападного областного комитета, а Гомельский — под руководством Украинского партийного центра.

С 8 по 11 августа 1918 г. в Смоленске состоялась 1-я конференция коммунистических организаций Литвы и оккупированных областей Белоруссии. На конференции присутствовало 44 делегата от 1474 членов партии и от 1430 сочувствующих. Конференция избрала Краевой комитет коммунистических организаций Белоруссии и Литвы, который и руководил подпольной работой в оккупированной части Белоруссии.

Несмотря на тяжёлые условия подполья коммунистические организации Белоруссии неуклонно росли. К декабрю в Белоруссии было более 12 тыс. членов коммунистической партии³.

³ Данные взяты из отчётов Минского, Бобруйского и Краевого комитетов.

Главная задача партийных организаций заключалась в том, чтобы подготовить вооружённое восстание и организовать партизанские отряды.

Огромное значение в работе парторганизаций приобрела военная работа. Создавались военные отделы и штабы для руководства партизанскими отрядами.

Так, Минский комитет создал в деревне Кайкове подрайонный комитет, который вёл повседневную военную работу. В сентябре 1918 г. в Кайкове состоялось первое собрание делегатов партизанских отрядов. Присутствовало более 20 уполномоченных. Обсуждались вопросы о вооружении и доклады с мест. Летом 1918 г. собралось совещание представителей Минского районного комитета РКП(б), Гомельского, Бобруйского, Рогачёвского и Слуцкого партийных комитетов. Совещание подвело итоги работы по организации партизанских отрядов. Представитель Гомельского комитета доложил: «В боевом отношении Комитет связан с Брянским фронтом, откуда получает технические средства. В Гомеле существует боевой штаб с участием анархистов, левых эсеров и большевиков. При штабе существует агитаторская группа и разведочная. До сих пор в деревнях организовано: в Речицком уезде 50 деревень с 800 вооружёнными членами, в Лоево-Брагинском уезде 15 деревень — 200 членов; в Гомельском уезде 15 деревень...»¹.

Подпольные большевистские организации проводили значительную работу по формированию частей Красной Армии и партизанских отрядов из населения оккупированных районов Белоруссии.

★

Рабочие Белоруссии вели напряжённую борьбу против местных предпринимателей и немецких властей. Центром борьбы стали профсоюзы, объединявшие десятки тысяч рабочих: накануне немецкого вторжения профсоюзы Гомеля объединяли до 13 тыс. человек, профсоюзы Минска — 10 тыс. человек.

Большевики вели борьбу против меньшевиков, пытавшихся расколоть и ослабить профсоюзы, и получили большинство в ряде профсоюзов. В Минске за большевиками шли профсоюзы металлистов, железнодорожников, деревообделочников, строителей, пекарей и др.

Под флагом «Рабочего кооператива» большевики Минска создали свой центр. Существовали крупные партийные ячейки среди железнодорожников Минска, Гомеля, Жлобина. Большевики умело сочетали в профсоюзах нелегальные и легальные формы работы.

Несмотря на репрессии оккупантов на предприятиях началась забастовка. 2 недели продолжалась забастовка на дрожжевых заводах в Минске. Забастовали кожевники, пекари.

В Гомеле очень упорно держались печатники: одна из типографий бастовала 3 ме-

сяца. Забастовка на бумажной фабрике в Добруше продолжалась 7 дней и закончилась победой рабочих.

Большое значение имела забастовка на Полесских железных дорогах Гомельского узла. Она происходила одновременно с забастовкой железнодорожников Украины. Эта забастовка нанесла большой удар оккупантам именно тогда, когда немецкое командование должно было отправлять подкрепления на западный фронт и продовольствие в голодную Германию.

Гетманские власти произвели аресты среди железнодорожников.

Общее собрание профсоюза железнодорожников предъявило ряд требований гетманскому правительству. Требования были отвергнуты. Тогда железнодорожники избрали стачечный комитет (оргбюро) из 40 человек. В 6 часов утра 17 июля Полесские железные дороги стали.

«Причина забастовки,— писал стачечный комитет в своём воззвании,— наглое издевательство гетманского правительства над пролетариатом вообще и железнодорожниками в частности...»

Стачечный комитет призывал: «Все, кто считает себя по праву дышать полной грудью, быть свободным гражданином, а не загнанным зверем, должны идти с нами в ногу. Мы твёрдо верим, что не найдётся ни один пролетарий, который бы не признал справедливыми наши требования, и в этой правоте мы черпаем силы и отвагу в организованной борьбе за наше святое дело»².

Требования, выставленные железнодорожниками, носили политический характер, хотя и затрагивали главным образом экономические вопросы и правовое положение профсоюза.

Рабочие и служащие требовали восстановить положение, существовавшее при советской власти: выплатить полное содержание по 1 июля 1918 г. по ставкам народных комиссариатов; утвердить устав союза и восстановить распущенный Главный дорожный комитет железнодорожников; прекратить увольнение железнодорожников; уволить с железных дорог представителей гетманского правительства и т. д.

Немецкое командование и гетманские власти для прекращения стачки пустили в ход все средства — репрессии, провокацию.

В первый день забастовки было арестовано несколько сот железнодорожников. 72 человека были отправлены на каторжные работы в Брестский лагерь. Немцы применили военную силу, чтобы заставить железнодорожников работать. Многих рабочих расстреляли на месте. Оккупанты обещали по 40 тыс. руб. за голову каждого члена стачечного комитета. Но забастовка продолжалась.

Белорусские железнодорожники вместе со своими украинскими товарищами вписали славные страницы в историю борьбы против немцев.

§

¹ Партархив при ЦК КП(б)Б, ф. 39, д. № 4.

² Партархив при ЦК КП(б)Б, ф. 2036, д. № 193.

Грозным предупреждением для оккупантов явилась первомайская демонстрация в Минске, организованная большевиками. Накануне немецкое командование издало приказ о запрещении собраний. Но утром в городском саду собралось около тысячи рабочих, отсюда с красными флагами они отправились в центр. Демонстранты кричали: «Долой немецких оккупантов! Долой немецкий империализм!» Немецкие солдаты открыли стрельбу по демонстрантам, многие её участники были арестованы. Но эта демонстрация показала, как велика воля белорусского народа к беспощадной борьбе против оккупантов.

Летом 1918 г. разгорелся пожар восстаний в белорусских деревнях.

В мае начались выступления крестьян Слуцкого, Борисовского, Речицкого уездов, Минской губернии, и Быховского уезда, Могилёвской губернии. В Слуцком уезде крестьяне перерезали поголовно весь отряд немецких солдат. В июне в Лепельском уезде повсеместно вспыхнули крестьянские волнения. Для расправы с крестьянами был послан и расквартирован по деревням немецкий гарнизон, а для охраны помещичьих имений были направлены большие отряды стражников.

В июле около Могилёва крестьяне косами и топорами зарубили 6 немецких солдат.

Агент-осведомитель Державной варты писал в своём донесении от 17 июня: «Особенно серьёзным должно быть признано положение волостей Покотской, Столбунской, Былевской, Речковской и Ветковской, наиболее близких к полосе фронта и наиболее распропагандированных... Движение в Гомельском уезде принимает организованный характер и выражается прежде всего в экономическом бойкоте, проводимом в отношении землевладельцев. Крестьяне уклоняются в большинстве случаев от аренды и покупки помещичьих земель, от поступления на работу к помещикам. Среди них упорно держится вера в то, что в самом непродолжительном времени вновь придут большевики, что немецкие войска будут изгнаны»¹.

Крестьяне не пускали немцев в деревни, убивали немецких солдат, производивших реквизиции. В конце лета 1918 г. в Бобруйском уезде, в Лесковской и Рудобельской волостях, крестьяне разбили немецкий отряд, убили около 30 немцев. В ряде деревень Борисовского уезда произошли кровавые столкновения между крестьянами и немецкими отрядами. Были убиты тысячи немецких солдат.

Провалились все расчёты немецкого командования улучшить продовольственное положение Германии за счёт ограбления Белоруссии. Каждый пуд хлеба немцам приходилось брать с боя. Оккупанты пытались залить огонь восстания кровью. По деревням рыскали карательные отряды с пулемётами и орудиями. Они сжигали де-

ревни, накладывали контрибуции, расстреливали крестьян. 22 сентября 1918 г. газета «Звезда» сообщала о расправе немцев с оставшими крестьянами Борисовского уезда: «Много деревень уничтожено пулемётным и орудийным огнём, сотни крестьян расстреляны, скот и имущество разграблены».

1-я конференция коммунистических организаций оккупированной Белоруссии и Литвы констатировала, что «революционное настроение белорусских масс возрастает и всё с большей и большей силой толкает их на путь решительной борьбы с немецкими империалистами и перешедшими на их сторону белорусскими помещиками. Быстро зреет тот неминуемый переворот, который сметёт и немецких хищников и их друзей и союзников — отечественных капиталистов и помещиков»².

На базе этого общенародного движения ширилась партизанская война против немецких захватчиков.

Белорусские партизаны наносили серьёзные удары немецким оккупантам и приближали час освобождения Белоруссии. Они были неуловимы для немцев, так как их поддерживали рабочие и крестьяне Белоруссии. К лету 1918 г. вся Белоруссия покрылась сетью партизанских отрядов. Особенно крупными по размерам были партизанские отряды в Полоцком, Сенненском, Минском, Гомельском, Речицком и Пинском уездах. В Полоцком уезде было до 13 тыс. партизан. На Гомельщине одним из самых значительных был Горвальский отряд. В Рудобельской волости, Бобруйского уезда, в отряде известного партизана Александра Соловья насчитывалось до 400 человек. В Речицком уезде насчитывалось до 800 бойцов. Создавались боевые группы и на предприятиях. На металлургическом заводе в Белице к лету 1918 г. существовал отряд в 100 человек.

Партизаны в боях добывали оружие и вооружали им крестьян. В марте в местечке Монастырке были убиты 6 немецких часовых и увезены 6 пулемётов и трёхдюймовое орудие.

Партизаны взрывали железнодорожное полотно, портили телефонные и телеграфные линии, нападали на немецкие гарнизоны и уничтожали небольшие отряды немцев.

Газеты, выходившие в Белоруссии под контролем немцев, пестрели объявлениями о смертной казни за порчу железнодорожного полотна или телеграфных и телефонных проводов. За действия партизан оккупанты привлекали к ответственности мирных жителей, пытались связать деревни круговой порукой. «Общины ответственны за всякую порчу телефонных проводов в их пределах, — говорилось в одном из объявлений. — В случае порчи провода община будет привлечена к ответственности и под-

¹ Истпарт ЦК КП(б)У. Архив Державной варты, д. № 33. Осведомление по Черниговской губ., стр. 301.

² Партархив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. № 488.

вернется тяжким наказанием — безразлично, будет ли совершена порча провода жителями общины или же жителями другой местности»¹.

Немецкие власти обещали денежное вознаграждение тем, кто выдаст партизан или укажет место хранения оружия. Но эти провокации ни к чему не приводили — партизан всюду поддерживали трудящиеся.

В августе партизанская война усилилась. Гомельскими партизанами был выработан план совместных действий с речичскими партизанами. Отряды в Прибытках, Переросте, Дроздовниках вместе с восставшими крестьянами должны были ударить на Гомель, где было сосредоточено до 40 тыс. немцев. Партизаны Речицкого уезда и отряд фабрики «Днепр» должны были присоединиться к гомельским отрядам и вместе с ними выступить. Наступление начал Горвальский отряд. Он разгромил немецкий гарнизон в Горвале и двинулся дальше. Осуществить план объединённых действий полностью не удалось, но в течение всего августа 1918 г. на Гомельщине партизаны в боях изматывали немцев.

12 августа 1918 г. 25 партизан совершили налёт на Столбунь. В тот же день около 40 партизан явилось в деревню Антоновку, чтобы помешать помещику собрать урожай. 13 августа в деревню Акшинку прибыл партизанский отряд в 120 человек; командир отряда собрал крестьян и предложил им присоединиться к партизанам, указывая, что партизаны ставят своей целью изгнание немцев.

Из Акшинки отряд двинулся дальше и занял деревни Добровку и Скачек. У деревни Скачек партизаны обстреляли из пулемёта подходивший немецкий отряд и отошли к деревне Носимковичи, а часть партизан ушла к деревням Фёдоровке и Новилровке. У партизанского отряда было 5 пулемётов и достаточное количество винтовок и патронов. Обеспокоенное действиями этого отряда, немецкое командование выслало карательную экспедицию. В деревне Носимковичи разгорелся бой, который продолжался 4 часа. Партизаны дрались за каждый дом, за каждый сарай.

В Мозыре партизаны напали на тюрьму, разгромили её и освободили заключённых коммунистов. В районе Рогачёва в конце сентября произошло столкновение между партизанами и немцами. Партизаны захватили 4 пулемёта и убили 31 немца.

Немецкое командование отдало приказ уничтожать те деревни, которые были базами для партизан. Немцы сожгли ряд деревень в Сверженской, Столпецкой, Засульской, Кайдановской волостях. В Полоцком уезде они подвергли бомбардировке некоторые деревни Ефосиньгинской и Замшанской волостей. Но это не остановило партизанской борьбы. Партизанские отряды росли и продолжали свои действия. Партизаны Белоруссии своими внезапными и смелыми налётами сеяли тревогу среди немец-

ких солдат, заставляли немецкое командование держать в Белоруссии значительные военные силы. К концу лета немцы не осмеливались появляться в белорусской деревне поодиночке или небольшими группами. Бывали случаи, когда даже довольно многочисленные отряды боялись показаться в деревне.

Для немецкого командования стало ясно, что в Белоруссии немецкой оккупационной армии трудно удержаться. По дополнительному договору между РСФСР и Германией от 27 августа 1918 г., немецкое командование обязалось очистить территории восточнее реки Березины.

С сентября немцы начали отводить свои части. 28 сентября советские войска Смоленского района заняли часть Лепельского и Сенненского уездов. 21 октября в Орше состоялось заседание военной комиссии по вопросу об очищении занятых территорий на основе условий 27 августа 1918 года.

Немецкие представители предложили советской власти передать одновременно 3-й и 4-й участки в срок от 10 до 15 ноября. Между тем, по договору, 4-й участок, то есть Рогачёвский уезд, территорию, ограниченную железнодорожными линиями Могилёв — Жлобин и Жлобин — Гомель, немцы должны были очистить только с 10 по 15 декабря. Члены военной комиссии писали: «Такое ускорение очищения было предложено германскими властями, которые проявляют сейчас в деле сворачивания своих военных сил ещё большую, нежели прежде, поспешность... Орша и прилегающие районы эвакуируются нервно, в ускоренном темпе»².

Заключение соглашения и поспешность, с какой немцы очищали белорусскую территорию, были вызваны напряжённым положением, создавшимся в оккупированных районах Белоруссии к осени 1918 года. Несмотря на поражение Германии на западном фронте германское правительство всё ещё надеялось удержать захваченные области Советской страны. Но восстания белорусского народа против оккупантов, упорная борьба партизан и усиление пораженческих настроений в немецких войсках заставили немецкое командование не только согласиться на дополнительные условия 27 августа, но и крайне спешить с отводом своих войск.

Разложение в германской оккупационной армии и рост пораженческих настроений начались задолго до ноябрьской революции в Германии. Целые немецкие части стали отказываться идти на западный фронт.

Весной в районе Двинска около 5 тыс. солдат отказалось отправиться на западный фронт. Немецкое командование вызвало надёжные части для усмирения непокорных. Весь район был оцеплен войсками. Произошло кровавое столкновение, 500 человек было арестовано и посажено в крепость.

Под ударами Красной Армии, партизанских отрядов и под влиянием большевистской агитации у немецких солдат пробуж-

¹ «Днепровский курьер» № 1 от 7 июля 1918 года.

² «Правда» от 27 октября 1918 года.

дался здравый смысл. «Наше командование идёт по стопам Наполеона,— говорили солдаты,— и его постигнет та же участь. Мы забралась слишком далеко. За тысячу вёрст мы чувствуем себя слишком оторванными. Бабы кочергами нас повыгоняют прежде, чем придут подкрепления. Население ненавидит нас и рано или поздно подымет всё поголовно»¹.

8 октября председатель Западного областного комитета А. Ф. Мясников телеграфировал Совету народных комиссаров относительно положения в германской армии: «Солдаты на фронте разоружают офицеров»².

8 ноября из Могилёва телеграфировали в Западный областной исполнительный комитет: «Настроение немецких солдат безусловно не боевое: говорят, нет охоты идти на французский фронт. Большевицкую литературу берут охотно»³.

Как только было получено известие о революции в Германии, в оккупационных войсках возникли волнения. Солдаты требовали отпустить их домой. Немецкое командование всё ещё пыталось удержать в своих руках захваченные территории. Тогда солдаты стали брататься с красноармейцами и расправляться со своими офицерами.

В Полоцке и Турове произошло столкновение между немецкими солдатами и офицерами. Солдаты срывали погоны с офицеров, а когда за офицеров вступились белогвардейцы, солдаты сбросили в реку и тех и других.

13 ноября 1918 г. советское правительство аннулировало грабительский брестский договор и двинуло Красную Армию на помощь белорусскому и украинскому народам. В Белоруссии уже всё было готово, чтобы нанести врагу сокрушительный удар. К этому времени сформировалась Западная дивизия, а затем — Западная армия.

14 ноября 1918 г. Северозападный областной комитет РКП(б) предложил двинуть революционные отряды для освобождения Минской и Виленской губерний. Подпольные большевистские организации создавали по всей Белоруссии военно-революционные комитеты, которые готовились взять власть и объединяли действия партизанских отрядов.

Сознавая полную невозможность удержаться в Белоруссии, немецкое командование отдало приказ эвакуировать войска из Белоруссии.

17 ноября началось поспешное отступление 10-й немецкой армии. Советское командование сообщало: «Очищение немцами оккупированных местностей принимает стихийный характер».

Белорусские партизаны били отступающих немцев и отбирали у них награбленное имущество. В местечке Турец, к северо-западу от города Мира, около 200 парти-

зан напало на немецкий гарнизон. В Чаплице, к югозападу от Слуцка, 18 ноября крестьяне задержали транспорт лошадей. Напавшие отобрали не только лошадей, но и ружья у солдат, сопровождавших транспорт.

Немцы спешно отступали на запад. Арьергарды немцев 21 ноября уже оставили линию Днепра и Друти и перешли линию Березины. 21 ноября Красная Армия заняла Полоцк, 28 ноября — Бобруйск, к концу ноября — восточную часть Гомельской губернии, 9 декабря немцы очистили весь район до Поставы.

10 декабря Красная Армия вступила в Минск, 17 декабря были освобождены Калинковичи, Речица, 18 декабря — Мозырь. К этому времени Красная Армия продвинулась в район Пинска.

Руководство народной борьбой против немецких оккупантов принадлежало коммунистической партии. Именно этим объясняется то, что так быстро были изгнаны немцы из Белоруссии и была восстановлена советская власть. Часто ещё до приближения Красной Армии военно-революционные комитеты брали власть в свои руки в городах и сёлах Белоруссии. Попытки различных контрреволюционных групп и партий — земств, белорусских националистов, петлюровцев — захватить власть в Минске и Гомеле ни к чему не привели. Только партия большевиков выражала истинные интересы белорусского народа.

Краевой комитет коммунистической партии большевиков Белоруссии и Литвы призывал белорусский народ уничтожать немецких хищников и не давать им увозить из Белоруссии награбленное добро. В своём обращении к крестьянам Краевой комитет писал: «Немцы очищают наш край. Они чувствуют бурю и спешат уйти. Но они в последние минуты стараются захватить побольше, увезти с собой весь хлеб и скот... Ни единого зерна хищникам! Хлеб должен остаться в Белоруссии»⁴.

17 ноября в Быхове власть захватил подпольный военно-революционный комитет. Немецкие офицеры сбежали, оставив своих солдат. Военно-революционный комитет разоружил немецких солдат. В Шклове военно-революционный комитет с помощью своей дружины занял город.

По волостям также создавались подпольные ревкомы. В Минске подпольно были проведены выборы в совет рабочих депутатов. Для защиты совета были стянуты в город партизанские отряды. 6 декабря они заняли важнейшие посты в городе.

На заседании 7 декабря Минский совет принял следующую резолюцию: «Вся полнота власти переходит в руки совета рабочих депутатов. Минский совет рабочих депутатов признаёт и провозглашает единство Белорусского края с Российской социалистической федеративной советской республикой... Товарищи! Сбылось то, о чём мы мечтали, к чему стремились, за что

¹ «Известия ВЦИК» от 24 мая 1918 года.

² Партархив при ЦК КП(б)Б, ф. 2066, л. 1

³ Там же, д. 27.

⁴ Партархив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. № 200.

боролись в эти чёрные дни бесстыдной власти капитала, разнузданной гнусной диктатуры империализма»¹.

10 декабря Красная Армия вошла в Минск.

В Бобруйск также были стянуты партизанские отряды из волостей ещё до прихода Красной Армии. 28 ноября в город вошли части Красной Армии. До этого партизаны выгоняли немцев из деревень. В Рудобельской волости, Бобруйского уезда, партизанский отряд Александра Соловья выгнал немцев из волости, отобрал у них всё награбленное продовольствие и скот. И хотя вокруг Рудобелки ещё стояли немецкие войска, в волости был создан военно-революционный комитет и установлена советская власть.

Немецкие захватчики пытались задержаться в Гомеле и Полесской области. Здесь петлюровская директория по договорённости с социал-соглашателями из немецкого Soldatenrat'a пыталась удержать власть в своих руках. Но мощный напор рабочих сорвал эти планы.

20 декабря немцы арестовали в Гомеле членов военно-революционного комитета. Тогда железнодорожники объявили забастовку.

Д. З. Мануильский, находившийся в это время в Гомеле, просил двинуть на Гомель части Красной Армии. Реввоенсовет Западной армии приказал начдиву 17 двинуть на Гомель 6-й Гродненский полк, одну лёгкую батарею и броневое отделение.

Железнодорожники выбрали ревком, который 28 декабря объявил забастовку. 29 декабря уже не работала вся линия от Бахмача до Гомеля и линия Гомель — Лунынец. Десятитысячный митинг рабочих дружно приветствовал забастовку.

Общегородская рабочая конференция, на которой присутствовали представители 35 профсоюзов, единодушно выразила недоверие петлюровской директории и постановила бороться за советскую власть.

Деревни Гомельщины и Полесской области были охвачены крестьянскими восстаниями. Лозунгом восстания были объединение с Советской Россией, борьба против немцев и Петлюры. Партизанские отряды стали занимать один населённый пункт за другим.

Немецкий Soldatenrat вынужден был принять решение очистить Гомель и Гомельскую область. Поспешно отступая, немцы оставили большое военное имущество: 18 орудий, 50 пулемётов, 400 винто-

вок, 4½ млн. патронов и 12 тыс. гранат. 6 января в Гомеле установилась советская власть.

С великой радостью приветствовал белорусский народ свою освободительницу — Красную Армию.

Товарищ Сталин писал: «Медленно, но неудержимо катится волна освободительного движения с Востока на Запад, в оккупированные области...»².

По всей Белоруссии была восстановлена советская власть. Создалась Белорусская советская социалистическая республика.

На I съезде КП(б)Б, объявившем 30 декабря 1918 г. о создании БССР, были представлены партийные организации всей Белоруссии, насчитывавшие 12 тыс. членов партии. В этот же день было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии. 2 февраля собрался I Всебелорусский съезд советов. Он принял Конституцию БССР. В этой Конституции были записаны великие завоевания социалистической революции в Белоруссии. При помощи братского русского народа белорусский народ отстоял эти завоевания в жестокой борьбе против немецких захватчиков в 1918 г. и против польских захватчиков в 1919—1920 годах.

В июне 1941 г. немецко-фашистские полчища вероломно вторглись в Белоруссию, белорусский народ вместе с братским русским народом снова поднялся на великую освободительную борьбу. Третий год народ Белоруссии, вместе с другими народами Советского Союза, ведёт смертельную борьбу с кровавым фашизмом. Верные сыны белорусского народа героически сражаются в рядах Красной Армии. Наступило время изгнания врага со всей священной советской земли. Белорусские партизаны в тылу бьют беспощадно врага. Они помогают Красной Армии освобождать угоняемых в неволю советских граждан, мешают немцам поджигать деревни, рвут немецкие коммуникации, истребляют живую силу и технику противника.

Войска Белорусского, 1-го Прибалтийского и Западного фронтов вступили на территорию Белоруссии и освободили почти полностью Гомельскую область, значительную часть Полесской, Витебской и Могилёвской областей. Недалеко то время, когда Красная Армия завершит очищение от врага всей Советской Белоруссии, освободит белорусский народ от немецкого рабства.

¹ «Бедняк» № 62 от 13 декабря 1918 года.

² «Правда» от 15 декабря 1918 года.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ К РОССИИ В 1654 ГОДУ

Проф. Н. Петровский

290 лет тому назад, 8(18) января 1654 г., в городе Переяславе (теперь Перяслав-Хмельницкий) собралась Рада, на которой украинский народ провозгласил присоединение Украины к России.

Это событие исключительной исторической важности сыграло огромную роль в дальнейшей истории обоих единокровных народов — украинского и русского. Присоединение Украины к России обуславливалось развитием всей предыдущей истории украинского и русского народов и полностью соответствовало чаяниям этих народов. Русские, украинцы и белоруссы испокон веков представляют единую, дружную семью народов. С давних пор они имели единую территорию, единую государственность, один древнерусский язык и одну культуру. Поэтому В. И. Ленин и говорил относительно украинского и русского народов как о народах, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹.

Древний период нашей истории, период Киевской Руси,— это, как убедительно показывает акад. Б. Греков, «история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Велико-россии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны»². Киевская Русь была могуча и крепка до тех пор, пока она была едина. С наступлением феодальной раздробленности она начинает слабеть, и на неё зарятся со всех сторон враги.

Но и после распада Киевской Руси на ряд феодальных княжеств в XII в. (крупнейшими из них были Галицко-Волынское, Владимиро-Суздальское, Киевское, Черниговское, Смоленское, Новгородское) между этими княжествами существовала тесная внутренняя связь несмотря на их политическую обособленность и на особенности исторического развития.

Единство исторической жизни населения Киевской Руси и княжеств XII—XIII вв. объясняется тем, что основную массу населения Киевской Руси и этих княжеств составляли восточные славяне (племена: поляне, дрезляне, северяне, кривичи, радимичи, уличи, тиверцы, дреговичи, половчане, вя-

тичи, дулебы, волыняне, белые хорваты); они занимали территорию от Балтийского моря до Чёрного, включавшую и земли нынешней Галиции, Закарпатской Украины, Северной Буковины и Бессарабии.

Для древних летописей Киевская Русь и позднейшие княжества есть «Русская земля»³, это же мы видим и в ряде других древних источников. Так, в «Слове о законе и благодати» Илариона (в конце первой половины XI в.) говорится о князьях Игоре, Святославе, Владимире, что они княжили в земле «Русьской»⁴. Паломник, игумен Даниил в начале XII в. ставит в Иерусалиме лампаду «от всея Русьская земля»⁵. «Повесть временных лет» призывает к защите целостности русской земли и учёт русский и украинский народы познавать своё национальное единство. Автор «Слова о полку Игореве» зовёт князей киевского Святослава, владимиристо-суздальского Всеволода, волынского Романа, галицкого Ярослава Осмомысла, перемышльского Рюрика, смоленского Давида, луцкого Мстислава выступить «за землю Русскую».

Едиными были у населения Киевской Руси язык и религия — сначала языческая, а затем христианская, принятая из Византии. На всей территории Киевской Руси и позднейших княжеств действовали законы Русской Правды⁶. В Киевской Руси и княжествах XII—XIII вв. княжили князья одной династии — Рюриковичи.

Единство культуры Киевской Руси и княжеств XII—XIII вв. ярко проявилось в летописании. Так, при написании «Повести временных лет», которая затем стала основой летописания Киевской Руси и княжеств XII—XIII вв., летописец использовал древнейший Новгородский летописный свод, а также Черниговскую летопись. Одним из источников Галицко-Волынской летописи

³ Например Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 17, 41, 69, 74, 147, 159, 247, 257, 267. СПб. 1872; Летопись по Ипатскому списку, стр. 208, 217—218. СПб. 1871.

⁴ «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете» (в дальнейшем «Чтения...»). № 7, стр. 35—36. 1848.

⁵ «Православный палестинский сборник», Выпуски 3 и 9-й, стр. 128. СПб. 1885.

⁶ См. Греков Б. «Древнейшие судьбы Западной Украины». «Новый мир» № 10—11 за 1939 год, стр. 251—253.

¹ Ленин И. Соч. Т. XX, стр. 534.

² Греков Б. «Киевская Русь», стр. 9. М. и Л. 1939. 3-е изд.

был Ростово-Суздальский свод. В свою очередь летописцы Владимира суздальского при составлении своих летописных сводов пользовались летописями южных княжеств, в частности летописью г. Переяслава. Во всех летописях мы видим в основном одни и те же приёмы изложения, один и тот же язык¹. Находим мы это единство и в архитектуре памятников старины. Так, образцом для Софийского храма в Новгороде послужил храм Софии в Киеве².

Об исконном единстве украинского и русского народов свидетельствуют позднейшие документы. Львовское братство в письме к московскому царю Фёдору Ивановичу от 15 июня 1592 г. звало царя дать «людям православным утешение и окормление, паче же везде обретающимся от многплеменного рода российского; от них же и мы обретаемы во граде Львове»³. Киевский воевода А. Кисель в 1650 г. писал польскому королю Яну-Казимиру III, что он, Кисель, не так боится союза Украины с Крымом, как союза Украины с Московским государством, так как это «один народ и одна вера»⁴.

Земли Киевской Руси и княжеств XII—XIII вв. объединяла общая борьба против иноземных захватчиков — печенегов, половцев, венгров, немцев, поляков.

Позднее, в XIV—XVI вв., когда земли Украины стали объектом агрессии со стороны сильных соседей — Польши, Литвы — и когда на них, в частности на земли Бессарабии и Северной Буковины, повела наступление султанская Турция, украинский народ искал помощи у русского народа в борьбе против иноземных захватчиков и стремился к объединению с русским народом.

В конце XV — начале XVI вв., т. е. в то время, когда основная масса земель Украины была под властью Литвы, князья Северщины с городами Черниговом и Любечем перешли из-под власти Литвы под власть московского князя. Это закончилось включением украинской Северщины в состав Московского государства.

В 1508 г. князь М. Глинский при помощи Московского государства стремился освободить земли Украины и Белоруссии от власти Литвы⁵.

¹ Шахматов А. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», стр. 169—182, 527—536. СПб. 1908; Приёлов М. «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 46—47, 61, 63—64, 67, 69, 71. Ленинград. 1940; ср. Греков Б. «Древнейшие судьбы Западной Украины», стр. 252.

² Грабарь Н. «История русского искусства». Т. I, стр. 166—167, 171.

³ Акты Западной России. Т. IV, № 34, стр. 48. СПб. 1851.

⁴ Это письмо приведено у Грушевского М. «История Украины-Руси». Т. IX. Ч. 1-я, стр. 23—24. Київ. 1926.

⁵ Факты обо всём этом см. Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI, стр. 233. СПб. 1853; Акты Западной России. Т. II, № 22, стр. 25. СПб. 1848; Любавский М. «Очерк истории литовско-русского государ-

Украинский и русский народы в это время вели совместную борьбу против турок и татар, нападавших на земли обоих народов. Мы должны помнить, что Турция, в вассальной зависимости от которой находилось крымское ханство, была тогда в военном отношении одним из сильнейших, если не самым сильным государством мира. Поэтому-то объединённая борьба русского и украинского народов против турецко-татарской агрессии была особенно важна для России и Украины.

Украинцы участвовали в обороне пограничья Московского государства, украинские казаки принимали участие в походе русского войска на Крым в 1556 г. и под Азов в 1559 году⁶. Недаром русская народная песня XVI в. сохранила нам память о «Михаиле Черкашенине» (т. е. украинце), который сложил голову, защищая со своим отрядом русские границы.

В дальнейшем, после Люблинской унии 1569 г. и в начале XVII в., когда почти все украинские земли оказались под гнётом шляхетской Польши и народу украинскому пришлось вести длительную национально-освободительную борьбу против захватчиков, ещё больше укрепляются связи украинского и русского народов, растёт стремление их к объединению, всё чаще и чаще ставится вопрос о присоединении Украины к России. Во время восстания во главе с К. Косицким в 1591—1593 гг. был поставлен вопрос о присоединении Украины к России, так было и позже — во время восстаний 1630 г. и 1637 г.⁷; вопрос о присоединении Украины к России ставили казаки и казацкая старшина, когда усиливалась агрессия польских правительственных кругов на Украину в 1626, 1627, 1630, 1632 годах⁸.

В 1625 г. переговоры с русским правительством в Москве о присоединении Украины к России вел посланец киевского митрополита Иова Борецкого⁹. Следует

ства до Люблинской унии включительно». стр. 189—191. М. 1910; Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. IV, стр. 268—273, 276, 278—280, 285—289, 484—487. Київ. 1907.

⁶ «Историческое описание войска Донского». Т. I, стр. 4. Новочеркасск. 1869; Летописец русский (Московская летопись 1552—1562 гг.). «Чтения...». 1895. Т. III, отд. I, стр. 58, 123—124.

⁷ «Listy St. Zolkiewskiego 1584—1620». Nr. 7, str. 26—27. Kraków. 1868; «Dyaryusz S. Okolskiego», str. 14. Kraków. 1858; Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. VIII. Ч. 1-я, стр. 108. Київ. 1913.

⁸ Материалы для истории воссоединения Руси, издаваемые П. Кулишем. Т. I, стр. 182, 183, 300. М. 1877; Акты Московского государства. Т. I, № 196, стр. 215—216; № 436, стр. 409—411. СПб. 1890.

⁹ Материалы для истории воссоединения Руси. Т. I, № 15, стр. 135; Харлампович К. «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь». Т. I, стр. 26—27. Казань. 1914.

отметить, что наряду с перегозорами о присоединении Украины к России усиливалось и переселение украинцев, бежавших от притеснений панов в пределы Русского государства. Почти непрерывно уходят украинцы на русские земли отдельными семьями и небольшими группами. А в 1589 г. около семисот казаков во главе с М. Фёдоровым ушли в Россию¹. Особенно широкие размеры приняли массовые переселения после подавления восстаний 1637—1638 годов². При этом очень многие из украинских переселенцев поступали на военную службу в России, помогали защищать страну от нападений захватчиков. Достаточно указать, что, по свидетельству известного Д. Флетчера, англичанина, бывшего в России в 1588 г., из 4300 человек наёмной пехоты Московского государства 4 тыс. было украинцев. По свидетельству долго жившего в России Я. Маржерета, в русских войсках в начале XVII в. состояло около 4 тыс. украинцев³.

Теснейшие связи между казаками запорожскими и казаками донскими общеизвестны, они совместно вели борьбу против общих врагов, в первую очередь против турок и татар. Достаточно напомнить о совместной борьбе запорожских и донских казаков за Азов в 1637—1642 годах, а в 30-х годах XVII в. между казаками запорожскими и донскими существовал даже военный оборонительный союз⁴.

Непрерывно развивались и культурные связи между украинским и русским народами. Известный русский первопечатник Иван Фёдоров после своего бегства из Москвы от преследований обскурантов и после своего пребывания в Белоруссии явился в старинный украинский город Львов и там положил начало украинскому книгопечатанию. Вышедшая в свет в 1574 г. из типо-

графии Фёдорова книга «Апостол» является первенцем украинского книгопечатания.

Когда на Украине возник вопрос о печатании библии (вторая половина XVI в.), то в Москву был послан киевский иеродиакон Иоаким, чтобы достать там копию библии «по нашему языку русскому словенскому». В конце концов эта библия (в редакции новгородского архиепископа Геннадия) была доставлена на Украину и положена в основу текста знаменитой «Острожской библии», напечатанной в 1581 г. в Остроге тем же первопечатником Иваном Фёдоровым⁵. Книгопечатание на Украине сыграло прогрессивную роль в борьбе украинского народа против польско-шляхетской агрессии на идеологическом фронте.

Нельзя обойти молчанием и религиозные связи и отношения между русским и украинским духовенством, связи украинского духовенства с русским правительством⁶. Эти религиозные связи росли и укреплялись, по мере того как Польша усиливала национально-религиозный гнёт на Украине.

II

Великая национально-освободительная война украинского народа против шляхетской Польши в 1648—1654 гг. с новой остротой поставила перед ним вопрос об окончательном присоединении Украины к России.

Великий сын украинского народа, крупнейший государственный деятель того времени, гетман Украины Богдан Хмельницкий, выражая вековые чаяния своего народа, с исключительной энергией добивался присоединения Украины к России. С глубокой проникательностью Хмельницкий предвидел, какое значение для дальнейших исторических судеб украинского народа будет иметь присоединение Украины к Московскому государству. Вместе с тем в период ожесточённой борьбы против панской Польши в широких народных массах украинского народа всё больше росла уверенность в том, что только с помощью братского русского народа возможно освободиться от тягчайшего иноземного владычества.

Уже 7 июня 1648 г. севские воеводы сообщали царю, что им «подлинно ведомо», что в ряде городов Украины, в частности в Киеве, Чернигове, среди народа «та молва и желание есть, чтоб им всем быть под твоею царскою высокою рукою во крестьянской вере». Н. Гридин, пробывший более года на Украине, после своего возвращения оттуда в июле того же 1648 г. сообщал,

¹ «Русская Вивлиофика Полевого». Т. I, стр. 266. М. 1833; «Историческое описание земли войска Донского». Т. I, стр. 15—16, 67.

² См. Соловьёв С. «История России с древнейших времён», изд. «Общественная польза», кн. II, стр. 1231; Баталей Д. «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства». М. 1887; Миклашевский И. «К истории хозяйственного быта Московского государства». Т. I. «Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века». М. 1894; Сторожев В. «К вопросу о южнорусской колонизации». «Киевская старина» № 5 за 1890 г.; Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. VIII, Ч. 2-я, стр. 363—391. Київ. 1916.

³ Fletcher G. «Of the Russe Common Wealth, Russia at the close of the sixteenth Century», р. 73. London. 1856; Маржерет Я. «Состояние российской державы и великого княжества московского. Сказания современников о Дмитрии Самозванце». Ч. 1-я, стр. 281, 283—284. СПб. 1859. 3-е изд.

⁴ «Русская историческая библиотека». Т. XVIII. Донские дела. Кн. 1-я, стр. 340. СПб. 1898.

⁵ «Исторический журнал» № 1.

⁵ Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. VI, стр. 440. Львов. 1907.

⁶ Фактический материал об этих связях и отношениях см. Эйнгорн В. «Очерки из истории Малороссии XVII в. Т. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича», стр. 19—34. М. 1899; Харлампович К. «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь». Т. I, стр. 1—146.

что на Раде, бывшей у Б. Хмельницкого после победы под Корсунем, было решено «поддаться тебе великому государю»¹.

В самых разнообразных источниках сохранились сведения о том, что на протяжении всей национально-освободительной войны 1648—1654 гг. стремление к объединению украинского народа с русским всё возрастало². Этому способствовало и то, что с первых же дней войны в рядах украинских войск были русские люди, в частности донские казаки

Уже в июне 1648 г. вместе с повстанцами Украины сражались русские крестьяне; в июле же в рядах повстанцев были и донские казаки. В начале 1649 г. Б. Хмельницкий снарядил на Дон посланца звать на помощь себе донцов, и они обещали прибыть к гетману, как об этом позднее узнал царский посланец на Украине Г. Унковский. Были донские казаки в войске Хмельницкого и во время Жванецкой кампании 1653 года³. В июне 1653 г. с требованием о присоединении Украины к России выступили казацкие войска и низшие и средние старшины⁴.

Выражая подлинные стремления своего народа, Б. Хмельницкий на протяжении всей войны вёл почти непрерывные переговоры с русским правительством о присоединении Украины к России. Первым официальным шагом гетмана в этом направлении было его известное письмо к царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 г., в котором гетман, уведомив царя о своих победах под Жёлтыми Водами и Корсунем, писал, что «зычили быхмо себе самодержця господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможность православный христианский царь»⁵.

Многие авторы при анализе этого письма неправильно рассматривают его как попытку со стороны Хмельницкого побу-

дить царя Алексея искать польского престола, вакантного тогда после смерти короля Владислава IV, или втянуть царя в войну с Польшей. Наиболее полно эта точка зрения изложена М. Кордубой⁶.

Если рассматривать этот вывод в рамках лишь данного письма, то далее выводов М. Кордубы пойти едва ли возможно. Если же принять во внимание характер всех дальнейших переговоров Б. Хмельницкого с русским правительством, то станет очевидным, что гетман в этом письме ставил перед царём Алексеем и вопрос о присоединении Украины к России.

Дело в том, что на протяжении всей войны Хмельницкий в документах, обращённых к русскому правительству, вопрос о присоединении Украины к России не мог ставить и не ставил прямо. В переговорах же устных, которые сам гетман вёл с русскими представителями или же которые он вёл через своих послов с русским правительством, вопрос о присоединении ставился чётко и определённо⁷. При этом гетман стремился по возможности добиться того, чтобы его предложения были переданы непосредственно самому царю, минуя бояр, как например это было при переговорах С. Мужилковского в Москве в начале 1649 г.⁸ или при переговорах Ф. Вешняка в июне того же года⁹.

Причиной такой осторожности гетмана было то, что он опасался, как бы его документы не стали достоянием польской разведки, которая могла использовать их во вред украинскому народу и передать тогдашнему союзнику Хмельницкого — крымскому хану Ислам-Гирею III. Последний косо смотрел на сближение Богдана с русским правительством; узнав хан планы гетмана о присоединении Украины к России, он не только мог разорвать союз с гетманом, но и выступить на стороне Польши, против Украины, что и произошло после 1654 года. Польской разведке удалось узнавать о содержании переписки гетмана с русским правительством. Это видно из того, что полякам в феврале 1649 г. стало известно о содержании грамоты царя гетману, присланной с В. Михайловым, о чём сообщает В. Мясковский,

⁶ Кордуба М. «Борьба за польский престол по смерти Володислава IV», стр. 54—55. Львов. 1911.

⁷ Например см. «История Украины в документах и материялах». Т. III, № 129, стр. 165—168; Акты Южной и Западной России. Т. III, № 244, стр. 307, 308; № 256, стр. 320—321; Православный Палестинский сборник. Т. VII, вып. III, стр. 304, 314, 315, 318, 320—321. СПб. 1889; Христианское чтение за 1883 г. Ч. 2-я, стр. 734, 735.

⁸ Факты об этом см. Грушевський М. «История Хмельнитчины списана Силуаном Мужилковским в лютому 1649 року». «Україна». 1917. Кн. II.

⁹ Акты Южной и Западной России. Т. III, № 245, стр. 309.

¹ Акты Южной и Западной России. Т. III, № 196, стр. 206. СПб. 1861; Акты Московского государства. Т. II, № 350, стр. 225; № 354, стр. 229; № 355, стр. 229—230; № 357, стр. 232. СПб. 1894.

² Фактический материал об этом см. в нашей работе «Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії» (1648—1654). Нариси з історії України, вип. IV, стр. 87, 102, 147, 165, 184. Київ. 1940.

³ Акты Южной и Западной России. Т. III, № 208, стр. 220; № 212, стр. 224; № 215, стр. 227. Т. X, № 3, стр. 51—52; № 4, стр. 250. СПб.; «История Украины в документах и материялах». Т. III, № 129, стр. 173. Львов. 1941; ср. Владимирский-Буданов М. «Передвижение южнорусского населения в эпоху Б. Хмельницкого». «Киевская старина» № 7 за 1888 г., стр. 113—114.

⁴ «История Украины в документах и материялах». Т. III, № 186, стр. 243—244.

⁵ Памятники Киевской комиссии. Т. I, отд. 3, № 13, стр. 219—221. Киев. 2-е изд. 1898; ср. Акты Южной и Западной России. Т. III, № 197, стр. 207—208.

участник польского посольства к Хмельницкому¹.

При этом нужно подчеркнуть, что высказание, подобное выше приведённому в письме от 8 июня 1648 г. («зычили быхмо собе самодержця господаря»), мы встречаем в сношениях Хмельницкого с Алексеем Михайловичем и позже, в 1649 г.², когда королём в Польше уже был Ян-Казимир III.

Это и даёт основание утверждать, что письмом от 8 июня 1648 г. к царю Алексею Михайловичу Богдан Хмельницкий начал официальные переговоры с русским правительством по вопросу о присоединении Украины к России. Да и сам Хмельницкий на Раде в Переяславе 8 января 1654 г. заявил, что «уже шесть лет», как украинцы хлопчут о присоединении Украины к России, что на это присоединение Алексей Михайлович согласился «шестидесяти наших молений безпрестанных не презривши»³.

В дальнейшем, на протяжении всей национально-освободительной войны, Хмельницкий продолжал переговоры с русским правительством о присоединении Украины к России. В 1649 г. Хмельницкий снарядил в Москву посольства С. Мужилковского и Ф. Вешняка. В 1650 г. вёл переговоры М. Суличич; в 1651 г.—С. Савич, Л. Мозыря, И. Золотаренко; в 1652 г.—И. Искра, С. Богданович-Зарудный; в 1653 г.—К. Бурляй, С. Мужилковский, Г. Яцкевич, Л. Капуста. В 1649 г. переговоры велись через патриарха иерусалимского Паисия, Г. Унковского, игумена Павла; в 1650 г.—через А. Суханова; в 1651 г.—через назаретского митрополита Гавриила; в 1653 г.—через И. Фомича и А. Матвеева.

Русское правительство не было глухо к этому вопросу. Оно не решалось сразу принять просьбу украинского народа, ибо это вовлекало Россию в войну с сильной Польшей, а за спиной Польши стояли Австрия и крымский хан (последний явно был против присоединения Украины к России). Однако украинцам разрешили свободно покупать в Московском государстве хлеб и соль⁴, что, конечно, очень облегчало продовольственное положение Украины.

В первой половине 1649 г., когда русское правительство убедилось в стремлении украинского народа присоединиться к России, царь Алексей Михайлович дал согласие на это присоединение при условии, что Украина сама освободится от Польши. 19 апреля 1649 г. царский посланец Г. Унковский говорил Б. Хмельницкому: «Будет ты гетман и все войско запорожское за благословением

божиим от коруны полские и от великого княжества литовского свободны будете без нарушенья вечного докончанья и царское величество вас пожалует под своею царского величества рукою быть велит»⁵.

6 мая 1649 г. русское правительство через патриарха Паисия передало Хмельницкому, что царь в том случае «его, гетмана и всё войско запорожское пожалует, под свою царского величества государеву руку принять велит», если «гетман Хмельницкий и всё запорожское войско своею мочью у короля и у панов рады учинятца свободны». В случае же тяжёлого положения украинцы могут переселяться в земли Русского государства⁶. Подобного же содержания ответ был передан Хмельницкому и через Ф. Вешняка 13 июня того же года⁷.

По мере успешного развития национально-освободительной войны русское правительство всё более и более решительно становилось на путь присоединения Украины к России. В начале 1651 г. в Москве собрался Земский собор, который и высказался за присоединение Украины к России⁸. Однако поражение войска Б. Хмельницкого под Берестечком летом того же 1651 г. было, очевидно, причиной, задержавшей проведение русским правительством в жизнь этого решения. Незадолго до битвы под Берестечком четырёхтысячное казачье войско под предводительством Тарасенко с разрешения русского правительства прошло через русские земли до Брянска, а отсюда двинулось на Смоленщину (последняя была тогда под властью Польши), захватило Рославль и Дорогобуж. В это время в районе Смоленска вспыхнули восстания русских крестьян против шляхты⁹.

1 октября 1653 г. Земский собор в Москве решил положительно вопрос о присоединении Украины к России.

⁵ Там же.

⁶ Каптерёв Н. «Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия». Православный Палестинский сборник. Т. XV. Вып. 1-й, стр. 145—147. СПб. 1895.

⁷ Акты Южной и Западной России. Т. III, № 256, стр. 321.

⁸ Дитятин И. «К вопросу о земских соборах XVII в.». «Русская мысль» за 1883 г., кн. XII, стр. 84—106; Материалы для истории земских соборов XVII в. (изд. В. Латкин), стр. 81—128. СПб. 1864; Латкин В. «Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями», стр. 231—235. СПб. 1885; Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. IX. Ч. 1-я, стр. 207—210.

⁹ «Dyariusz Sf. Oswicima», Scriptores rerum polonicarum. Т. XIX, стр. 319—321. Kraków. 1907, ср. Архив Югозападной России. Ч. 3-я. Т. IV, № 249, стр. 669. Киев. 1914; Грушевский М. «История Украины-Руси». Т. IX. Ч. 1-я, стр. 270—271.

¹ Памятники Киевской комиссии. Т. I, № 66, стр. 324.

² Например «История Украины в документах і матеріалах». Т. III, № 128, стр. 159; № 129, стр. 165; Акты Южной и Западной России. Т. III, № 245, стр. 309.

³ Акты Южной и Западной России. Т. X, № 4, стр. 218.

⁴ «История Украины в документах і матеріалах». Т. III, № 129, стр. 165.

8 января 1654 г. на Украине, в г. Переяславе, на родине Богдана Хмельницкого¹, в городе, где великий гетман в 1649 г. провозгласил программу воссоединения украинского народа в едином украинском государстве, состоялась известная Переяславская Рада, где собрались представители украинского народа, освобождённого из-под власти Польши. При одобрении и ликованиях всего народа Рада приняла решение о присоединении Украины к России. Это решение положило прочное основание незыблемому союзу обоих единокровных народов—русского и украинского. Свою волю к вечному, незыблемому союзу с народом русским украинский народ выразил на этой Раде криками: «Боже, утверди, боже, укрепи, чтоб еси во веки вси едино были»².

Своими силами украинский народ не мог бы отбиться от своих сильных противников—Польши и Турции. Поэтому-то Хмельницкий и говорил в своей речи на Раде в Переяславе, что «нельзя нам житьи боле без царя», т. е. без мощной опоры в русском государстве.

III

Талантливый государственный деятель, Б. Хмельницкий правильно оценил политическую обстановку, правильно понял желания своего народа, на протяжении всей своей истории стремившегося к объединению с народом русским, и решительно и смело повёл дело. Современники сразу же ясно увидели, что присоединение Украины к России сделало претензии Польши на Украину менее опасными для украинского народа, так как за Украиной уже стояла сильная Россия. Это отметил в 1659 г. известный славянский деятель того времени Юрий Крижанич³.

Присоединение к Московскому государству открыло широкие возможности для осуществления исторических стремлений украинского народа к воссоединению в едином украинском государстве. Недаром уже в первые годы после присоединения Украины к России Богдан Хмельницкий с ещё большей настойчивостью стал осуществлять воссоединение украинского народа, «всю Червоную Русь по Вислу».

Большое значение имело присоединение Украины к России и для русского крестьянства близких к Украине местностей. Дело в том, что национально-освободительная война очень ослабила со-

циальный гнёт на Украине. Поэтому-то много русских крестьян и бежало из России в пределы Украины. Этот момент подчёркивали договорные статьи русского правительства с правительством гетманским, как например статьи 1659, 1663 и 1669 годов.

В заключение—несколько слов о том, рассматривал ли Богдан Хмельницкий присоединение Украины к России как акт постоянный или как акт временный. Хмельницкий в течение всей своей жизни стремился укрепить присоединение Украины к России. Для оценки этого вопроса показательны выводы М. Грушевского. Вначале он придерживался той же точки зрения, что и В. Липинский, считая, что Хмельницкий всегда рассматривал этот акт как временный и в конце жизни стремился разорвать единство с Россией. Однако в своих последних работах, посвящённых этому вопросу, М. Грушевский, проанализировав со свойственным ему мастерством ряд первоисточников, в том числе и неизвестные ему ранее архивные материалы, пришёл к совершенно верному выводу, что великий гетман не стремился к разрыву Украины с Московским государством⁴.

IV

После присоединения Украины к России русский и украинский народы снова общими силами вели борьбу против иноземных захватчиков, а также и против своих общих угнетателей—царизма, помещиков, а позже и против буржуазии. Помощь русского народа имела огромное значение в борьбе украинского народа за свою независимость и свободу. В свою очередь народ украинский поддерживал и сохранял этот союз, шёл для этого на все жертвы.

Не рассматривая этого подробно и исчерпывающе, остановимся на важнейших моментах общей борьбы обоих народов против иноземных захватчиков.

После смерти Богдана Хмельницкого, в 1657 г., агрессия шляхетской Польши на Украину усилчилась. Гетман И. Выговский и его ближайшее окружение вопреки желаниям украинского народа подписали в 1658 г. с польским правительством так называемый Гадячский трактат, согласно которому Украина подпадала снова под власть Польши. Выговскому при помощи поляков и крымского хана ещё ранее удалось (май—июнь 1658 г.) подавить восстание во главе с полтавским полковником М. Пушкарем, охватившее ряд земель Украины. В июне же 1659 г. Выговский при помощи того же хана и польских частей нанёс тяжёлое поражение русским войскам и украинским повстанцам под Конотопом.

⁴ Грушевський М. «Історія України-Русі». Т. IX. Ч. 2-я, стр. 1282—1283, 1330—1331, 1374, 1378, 1429, 1430, 1435, 1442; т. X, стр. 245. Київ. 1937.

¹ Доказательства того, что Б. Хмельницкий родился в г. Переяславе, см. у Петровського М. «Визвольна війна українського народу», стр. 32.

² Акты Южной и Западной России. Т. X, № 4, стр. 139—219.

³ Крижанич Ю. «Беседа ко черкасам во особе черкашенина описана», издана у Белокурова С. «Из духовной жизни московского общества XVII века. Юрий Крижанич в России». Приложение III, стр. 29. М. 1903.

Однако это не сломило воли украинского народа; уже в августе того же года на Украине вспыхнуло восстание, организованное известным сподвижником Богдана Хмельницкого—полковником И. Богуном—и запорожским кошевым атаманом И. Серко. Выговский был лишён звания гетмана. Украина осталась в составе России.

Дорогой ценой заплатил украинский народ за измену Выговского. Недаром Выговский писал королю польскому Яну-Казимиру III, что в этой борьбе «погибли наибольшие полки: Полтавский, насчитывавший сорок тысяч, и Миргородский, насчитывавший тридцать тысяч; уничтожены также полки Прилуцкий и Ирклевский, города и сёла заросли крапивой, так как одни жители полягли на месте в боях, а других с жёнами их орда погнала в Крым»¹.

Эти тяжёлые потери не сломили дух украинского народа. В 1660 г. Польше, как и раньше, при помощи татар удалось захватить Правобережную Украину, но Киев и Левобережье, поддержанные русскими войсками в течение 1660—1662 гг., отбили агрессию поляков и их союзников—татар.

В конце 1663—начале 1664 г. большая польская армия, усиленная татарами и наёмными немцами, во главе с Яном-Казимиром III двинулась на завоевание Киева и Левобережной Украины. Своими силами украинский народ не смог бы отбить этого нашествия несмотря на весь проявленный им героизм. Под ударами же русско-украинских войск армия Яна-Казимира в феврале 1664 г. потерпела тяжёлое поражение на Десне² и в панике отступила из Украины.

Насколько сильным было тогда стремление украинцев, находившихся на территории, бывшей ещё под властью Польши, присоединиться к России, видно из восстания 1664 года. Весной этого года вспыхнуло восстание против Польши на Правобережной Украине. Тогдашний гетман Правобережной Украины, верный слуга Польши П. Тетеря писал в июне польскому королю, что повстанцы «лучше хотят погибнуть вместе со своими домами, переносить голод и всякого рода нужды и лишения, нежели, видя верную гибель от сильных войск, возвратиться к верному подданству вашей королевской милости». Особо отмечал Тетеря, что украинский народ на Правобережье «столь упорно держится московского покровительства, что нам приходится разве приступом брать каждого порознь»³.

Характерно, что за пребывание Украины в составе России с исключительным упорством боролись массы украинского народа—«чернь». Так, в рядах повстанцев Пушкаря

основной силой были «дейнеки» (т. е. вооружённые дубинами), состоявшие из «винников, броварников, пастихов и наймитов людских»⁴. Посланец Яна-Казимира в Чигирин зимою 1660 г., Селецкий в своём отчёте особенно подчёркивал тяготение и симпатию дейнеков к России⁵. Во время осады Глухова польской армией в 1664 г. особенно энергичными защитниками города были «мелкие люди»⁶.

В 70-х годах XVII в. Украину пыталась захватить султанская Турция, ставшая тогда в военном отношении благодаря энергии и способностям великих визирей—Матомета Кёприли и его сына Ахмета Кёприли—одним из сильнейших государств Европы. Только помощь русского народа спасла Украину от турецкого порабощения. Несколько лет шла упорная борьба; особенной силы достигла она в 1677—1678 гг. (чигиринские походы). Хотя туркам и удалось захватить Чигирин и часть Правобережья, однако от плана покорения всей Украины Турция вынуждена была отказаться⁷.

В начале XVIII в. снова нависла над Украиной грозная опасность со стороны Польши. В 1708 г. шведский король Карл XII во главе большой армии, которая считалась непобедимой, двинулся на Украину. Известно, что Швеция была тогда одним из сильнейших государств. Достаточно указать, что в связи с происходившей тогда в Европе войной за испанское наследство каждая из воюющих сторон искала помощи Карла XII, ибо это могло дать ей решительный перевес в войне⁸.

Гетман Левобережной Украины И. Мазепа в 1708 г. изменил Украине и России—перешёл на сторону Карла XII. Он ставил своей задачей при помощи Карла подчинить всю Украину Польше, королём которой был тогда ставленник Швеции Станислав Лещинский. Своими силами украинский народ

⁴ Величко С. «Сказание о войне казачьей с поляками». Т. I, стр. 179—181. Киев. 1926.

⁵ Kubala L. «Wojny dunskie u pokoj Oliwski 1657—1660», dod. Nr. 75, str. 626—628. Lwow. 1922.

⁶ ГАФКЭ. Архив министерства юстиции. Белгородский стол, стб. № 559, лл. 202—205; «Zbiór pamiętników do dziejów polskich». Wyd. W. Broń—Plater. T. IV, str. 138. Warszawa. 1859.

⁷ Hammer J. «Histoire de l'Empire Ottoman». T. XI, p. 381—389, 399—403; T. XII, p. 4—5, 12, 22—28. Paris. 1838. Jorga N. «Geschichte des osmanischen Reiches». Bd. IV, S. 143—146, 149—151, 177—179. Cotha. 1911; Беляев И. «Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметьева в Малороссию в 1679 году». «Русский архив» № 5 за 1915 г., стр. 18—24; Петровський М. «Нариси Історії України», т. I. Дослідди над літописом Самовидця, стр. 329—342. Харків — Ніжин. 1930.

⁸ Lavisse E. et Rambaud A. «Histoire générale». T. VI, p. 795—796. Paris. 1895.

¹ Памятники Киевской комиссии. Т. III. 2-е изд., отд. 3, № 116, стр. 403—405.

² Петровський М. «До історії Руїни. Записки Ніжинського Інституту Народної Освіти». Кн. VIII, доп. № 2—3, стр. 29—31. 1928.

³ Памятники Киевской комиссии. Т. IV. стд. III, № 97, стр. 441—442; № 100, стр. 453—455. Киев. 1858.

не мог бы противостоять объединённой агрессии Швеции и Польши. Только благодаря помощи русского народа, русского войска планы Мазепы, Швеции и Польши потерпели крах.

В конце 1708 и в начале 1709 г. украинский народ вёл упорную партизанскую борьбу против шведов и Мазепы¹.

27 июня 1709 г. русская армия под руководством Петра наголову разбила шведов под Полтавой. Русский и украинский народы вместе вели борьбу против нашествия Наполеона в 1812 году. Кроме тех украинцев, которые были в общерусских войсковых соединениях, на Левобережной Украине было сформировано ещё 15 казачьих полков для борьбы против Наполеона.

Во время борьбы за власть советов на Украине русский народ снова оказал неоценимую помощь украинскому народу в его борьбе за свободу и независимость, помог ему создать свою, украинскую советскую государственность. Общеизвестны факты помощи русского народа в борьбе украинцев против немецких оккупантов в 1918 г., в разгроме Деникина, белополяков, Врангеля.

¹ «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка». Т. 92, стр. 62. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России, стр. 48. Киев. 1888; Труды Русского военно-исторического общества. Т. I, стр. 103; т. III, стр. 108. СПб. 1909; К о с т о м а р о в Н. «Мазепа и мазепищцы». Соч. Кн. VI, стр. 651—652. СПб. 1905.

Только при поддержке русского народа под руководством партии большевиков, партии Ленина—Сталина, украинский народ был в состоянии освободиться от социального и национального гнёта, создать своё, украинское советское государство и осуществить свою вековую мечту—воссоединиться в едином украинском государстве. Украинская Советская Социалистическая Республика—составная неотъемлемая часть Союза Советских Социалистических Республик—существует и будет существовать вечно.

В июне 1941 г. Гитлер бросил свои орды на СССР. Снова над украинским народом нависла смертельная угроза утратить свою национальность, культуру, язык, государственность. Украинский народ как один человек поднялся против немецких разбойников. Но только своими силами украинский народ не смог бы отбиться от немецкого нашествия. На помощь украинскому народу снова пришёл старший брат—великий русский народ,— а также другие народы СССР. Красная Армия, руководимая Маршалом Советского Союза великим Сталиным, очистила Левобережную Украину от немецких мерзавцев, освободила древнюю столицу Украины—Киев—и гонит врага дальше, на запад. Близок час полного освобождения Советской Украины.

Вся история Украины свидетельствует, что единственно верным путём для украинского народа был и есть тесный, неразрывный союз с великим русским народом.

ПЕРВЫЙ ОБЩИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ И РУССКАЯ ПОБЕДА 18 ИЮНЯ 1855 года *

Действ. чл. АН СССР Е. Тарле

I

Русскую победу 18 июня 1855 г. назвали в тогдашней английской прессе «парадоксальнейшей из побед».

В самом деле: для осаждавшего Севастополь неприятеля исход этого сражения был совсем неожиданным. Казалось, дело идёт к развязке, девятимесячная осада явно истощает русские силы. Только что, 7 июня, после отчаянной обороны русские несмотря на всю свою храбрость, подавленные огромным численным превосходством атакующего противника, должны были отдать Камчатский люнет и оба соседних редута — Селенгинский и Волинский. Значит, Малахов курган и вся Корабельная сторона уже совсем обнажены, и прицельному и навесному огню открыты левая часть русской оборонительной линии и город, за ней лежащий. На правой стороне оборонительной линии англичане стоят перед «Большим Реданом», как они его называют, т. е. перед третьим бастионом. С самого начала осады они, правда, ничего не могут с ним поделать, хотя уже в первую бомбардировку 5 (17) октября он был больше чем наполовину разрушен и разворочен. Но, несомненно, штурм со стороны всей английской армии он не выдержит. Да и англичане могли похвалиться трофеем в день 7 июня: они взяли каменоломни, расположенные как раз перед третьим бастионом. Генерал Пелисье ни в малейшей степени не сомневался в победе. Следует заметить, что он вовсе не был хвастуном и самонадеянным вертопрахом и русскую оборону расценивал очень высоко. И всё-таки многим в его штабе, начиная с командира императорской гвардейской дивизии генерала Реньо Сен-Жан д'Анжели и кончая генералом д'Отмаром, начальником левой из трёх французских колонн, назначенных для штурма, казалось, как и самому главнокомандующему, что штурм в несколько часов покончит с изнурительной войной..

15 июня состоялось совещание главнокомандующих трёх армий, стоявших под Севастополем: генерала Пелисье, лорда Раглана и Омер-паши. Было окончательно решено повести штурм на первый и второй

* Настоящая статья представляет собой сокращённую 12-ю главу из готовящегося к печати II тома книги акад. Е. Тарле «Крымская война».

бастионы, на Малахов курган, на батарею Жерве и на «Большой Редан» главными силами французов и англичан, выделив, однако, для довольно сильной демонстрации в направлении на Ай-Тодор турецкие и сардинские войска, а в помощь им — на Чёрную речку — был послан генерал Боске с отрядом около 20 тыс. человек.

Войска были так уверены в удаче штурма, что даже приписывали удаление генерала Боске на Чёрную речку — как раз накануне штурма — зависти главнокомандующего, не желавшего делить лавры с талантливым тактиком, уже зарекомендовавшим себя и при Альме, и при Инкермане, и при взятии Камчатского люнета и других редутов.

Решение трёх главнокомандующих было сформулировано лишь в самых общих чертах. Условлено было начать самую бурную бомбардировку города 5(17) июня с утра и продолжать её до вечера, а вечером собрать новый совет, где уже окончательно уточнить план действий и распределить роли между участниками штурма...

II

Вот сделанные Тотлебенем подсчёты¹, касающиеся силы артиллерийского огня обеих сторон перед моментом начала бомбардировки 17 июня. Осадные батареи имели в своём распоряжении 587 орудий, из которых было 421 французское и 166 английских. При этом только 39 предназначались для отражения возможных вылазок и для действий по рейду и по Северной стороне, а остальные 548 должны были бомбардировать оборонительную линию, особенно сосредоточивая огонь: французы — на первом и втором бастионах, на Малаховом кургане, на батарее Жерве, англичане — на третьем бастионе и на Пересыпи.

Русские располагали из общего числа орудий своей армии (1129) только 549 орудиями для непосредственной обороны той своей линии, на которую предполагалось направить атаку. Всего эти 549 русских орудий имели ко дню 17 июня в своём распоряжении 117 тысяч зарядов. Но запас крупных ядер и пятипудовых и даже 68-фунтовых бомб был невелик, пороховой запас скуден. Недостающее по мере сил

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 324. СПб. 1872.

восполняли, например, беря бомбы с судов, даже раскапывая старый вал на Северной стороне и добывая оттуда ядра, потому что прежде тут производилась практическая стрельба¹.

III

О том, что предстоит какое-то серьёзное дело, русские стали уже догадываться 4(16) июня, когда вдруг обнаружилось движение большого отряда пехоты, кавалерии и артиллерии через Чёрную речку по направлению к Шули. По подсчётам русских, наглаз, у неприятеля было до 15 тыс. человек. На самом же деле было больше: 20 тысяч. Это и был отряд генерала Боске. Русский авангард отошёл в ущелье перед селом Юкара, а неприятель стал лагерем между Шули и Чоргуном².

Было довольно ясно, что это демонстрация, предназначенная лишь для того, чтобы сдерживать посылку подмоги городу, и что главное действие будет около севастопольских верков. Очень скоро это стало ещё более очевидным. В 4 часа утра 5 (17) июня раздался сигнальный выстрел с английской батареи и одновременно загремели все французские батареи правого крыла и часть английских батарей. «С нашей стороны отвечали сильным огнём с бастионов и батарей Корабельной стороны и левой части 2-го отделения. Пароходы наши, стоявшие на рейде, принимали также участие в артиллерийском бою, обращая огонь свой на редуты за Килен-балкой. Батареи наши на Северной стороне действовали по береговым неприятельским батареям, обстреливали Волынский и Селенгинский редуты»³, взятые неприятелем 7 июня.

Страшная канонада продолжалась два часа сряду, не ослабевая ни на минуту. «Все неприятельские батареи стреляли почти непрерывными залпами, наши батареи отвечали усиленным огнём». Затем вдруг неприятель замолчал. А в 2 часа усиленная бомбардировка не только возобновилась на тех же пунктах, что и утром, но под жестокий обстрел попал и весь русский правый фланг, и «канонада сделалась общей по всей оборонительной линии и продолжалась до позднего вечера».

Обыкновенно, если канонада бывала днём, то огонь в вечерние часы ослабевал. Но на этот раз было иначе. «С наступлением темноты неприятель бросал бомбы и ракеты в город, на рейд и Северную сторону. Всю ночь усиленный огонь не прекращался. Неприятельский пароход-фрегат, отделяясь от линии своих кораблей, стрелял залпами по рейду и городу, большая часть его снарядов ложилась в бухту, не нанося вреда судам нашим, стоящим на

рейде. Несмотря на страшный прицельный огонь по нашим веркам, работа по исправлению повреждений в укреплениях производилась деятельно, и подбитая артиллерия заменена новою».

Вторая половина дня (17 июня), примерно с половины третьего, была не лучше первой: «Всё слилось в один общий гул, по всей линии Севастополя шла самая сильнейшая канонада как из орудий, так и из мортир. Наступил вечер, мы думали, что утихнет—не тут-то было: надбавили ракет, да начали подходить пароходы и задавать залпы то гранатами, то ракетами... Чего-чего мы не рассмотрелись... Так продолжалось целую ночь, и все были на ногах. День был удушливый, а ночь жаркая по огню и от пожаров, которые начали местами показываться... Тушить их было некому, да и невозможно, ибо союзники, лишь только заметят это, так тотчас сосредотачивают туда свои выстрелы, предполагая, что там большое скопление людей»⁴.

К вечеру 17 июня ликование царило и во французском и в английском лагерях. В завтрашнем успехе, повидимому, почти никто не сомневался. Подхватывали всякий радостный слух и верили ему:

— Генерал Боске пошёл на Чёрную речку? — Это затем, чтобы взять стоящих там сардинцев и идти с ними обложить город с Северной стороны, чтобы не дать завтра русской армии спастись от плена.— В Севастополь, говорят, провезли много возов с соломой? — Дело ясное: русские, вероятно, собираются перед эвакуацией сжечь Севастополь, подобно тому, как они сожгли Москву в 1812 году. Таково уже у них обыкновение (according to their habit)⁵.

Одним из обстоятельств, вдохнувших в союзное командование уверенность в несомненном успехе готовящегося штурма, был тот дошедший до осаждающих (и вполне бесспорный) факт, что очень уж много моряков в Севастополе перебито и что теперь, в июне, город защищают не столько матросы, поставленные сюда в сентябре Нахимовым, Корниловым и Истоминым, сколько армейские солдаты, у которых к тому же мало боеприпасов. Об этом прямо говорит участник осады генерал Вуд⁶.

Русские работали всю ночь, не теряя буквально ни одной минуты.

Ночью не прекратилась канонада; она то ослабевала на несколько минут, то снова усиливались рёв орудий и грохот взры-

¹ Сборник рукописей... о Севастопольской обороне. Т. III, стр. 128. СПб. 1873. Из писем К. Семякина.

² Robinson F. Diary of the Crimean war, p. 342. London. 1856.

³ «The ammunition of the foe again began to run short and the infantry soldiers who had replaced the trained seamen gunners, most of whom had been killed, were of course far less efficient than those whom they succeeded». Wood E., The Crimea in 1854. London, 1895, p. 290.

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 325.

² ГАФКЭ, ф. 32, л. 184. «Журнал военных действий в Крыму с 4 по 15 число июня 1855 г.».

³ Там же.

вающихся бомб и ракет. С начала двенадцатого часа ночи к рейду стали приближаться неприятельские паровые фрегаты и к бомбардировке с суши прибавилась канонада с моря. Русские насчитали десять пароходов, батарей которых четыре часа подряд осыпали бомбами и ядрами город и побережье Южной бухты. Они смолкли вдруг к трём часам утра — явно уже по новой диспозиции Пелисье, согласно которой на рассвете должен был начаться самый штурм, а не рассчитанная на два часа предварительная канонада, о чём шла речь по утренней (первой) диспозиции, условленной с лордом Рагланом. В разгаре этой ночной бомбардировки русские сапёры и рабочие несколько часов подряд работали, исправляя повреждения, причинённые днём неприятельскими снарядами. В 2 часа ночи Тотлебен отвёл рабочих в резерв, но продолжал работу на Малаховом кургане. Догадавшись, что именно тут будут сосредоточены главные усилия атакующего, Тотлебен решил снабдить курган четырьмя новыми барбетами, на которых можно было бы поставить орудия для усиления картечного огня по пространству, по которому должны были двинуться французы на приступ. Нужно было работать в полутьме. «Храбрые сапёры и команда от Севского полка под градом неприятельских бомб работали с таким рвением, что к рассвету все четыре барбета были готовы и на них были поставлены полевые орудия», — говорит Тотлебен.

Бомбардировка ночью 5(17) июня была, по показаниям очевидцев, страшнее, чем все, ей предшествовавшие. «По данному сигналу одновременно со всех батарей полетели на город ядра 36-фунтовые и 3-пудовые, бомбы 5-пудовые, гранаты, брошенные павильоном из бочонка (sic), и ракеты. Огонь был так част, что промежутков, казалось, не было никаких, и всё это с визгом и шумом допало в воздухе и сыпалось на город, как град... Ужаснее картины разрушения нельзя было представить...»¹.

«Да, ночь эту я никогда не забуду. Работа была у нас ужасная, по крайней мере 2000 человек толпилось на маленьком пространстве, чтобы достать немного земли для заделывания повреждений от дневной бомбардировки, а в это время буквально не проходило минуты, чтобы не раздавался выстрел. Самая жаркая и спешная работа была на моей батарее... которую разбили днём ужасно. Я не помню, чтобы все предыдущие бомбардировки были хоть маломальски похожи на эту; в этот раз был решительный ад. Видно было, что они готовились к чему-то необыкновенному. Поверите ли, друзья мои, что штурм в сравнении с бомбардировкой весёлое дело... всё-таки лучше, чем хладнокровно

смотреть, как одной бомбой вырывает несколько десятков человек. Никогда не забуду я этот случай, когда в эту бомбардировку у меня на батарее разворотило одну амбразуру; я, подойдя к ней, заставил прислугу, состоявшую из десяти человек, поскорее поправить, чтобы через самое короткое время орудие это могло действовать; они принялись за работу, а я некоторое время следил, потом пошёл к другому орудию, чтобы посмотреть, хорошо ли там стреляют; не успел я отойти несколько шагов, как вдруг слышу крик, обращаюсь назад и что же вы думаете? Всю прислугу положило бомбой насмерть... Одним словом, в тот день я насмотрелся таких сцен, что не мудрено, если в 30 лет составишься»².

Таковы типичные воспоминания о дне и ночи 5(17) июня 1855 г. на Малаховом кургане. Постоянно попадаются и такие черточки: «У нас на кургане (Малаховом) живёт одна из сестёр милосердия, зовут её Прасковья Ивановна, а фамилии не знаю... Бой-баба такая, каких мало... Солдаты с радостью дают перевязывать ей свои раны... А как странно видеть под ядрами женщину, которая их несколько не боится»³.

Ночь близилась к концу. Наступало восемнадцатое июня.

IV

Тут случилось первое из роковых для союзников несчастий, которые их преследовали в этот день. Командир французской гвардии, начальник штурмующей колонны, ждавший сигнала, вдруг услышал крики «Ура!» и внезапно возникшую оживлённую перестрелку и, к ужасу своему, узнал, что генерал Мэйран уже повёл свою бригаду на штурм первого и второго бастионов и батарей, господствовавших над Килен-балочной бухтой. Таково было его задание, согласно диспозиции Пелисье. Но почему он выступил, когда ещё не было трёх часов утра, и главное, почему он решился на такой поступок, не дождавшись сигнала? На этот вопрос даётся несколько ответов, но точного разъяснения уже никогда не будет, так как генерал Мэйран был убит одним из первых, — спустя несколько минут после того, как двинулась его бригада.

Пелисье утверждал (и эта версия стала официальной), что Мэйран по ошибке принял «обычную» бомбу за сигнальный выстрел. Но это объяснение несостоятельно (и едва ли сам Пелисье ему придавал значение), потому что сигналом должны были послужить три ракеты, точнее, три ослепительных световых столба, одновременно поднявшихся с Ланкастерской батареи, и Мэйран никак не мог принять обычную бомбу за подобный сигнал.

Второе объяснение, к которому примкнул генерал Модест Богданович, через несколько месяцев после события писавший о нём, заключается в том, что Мэйрану

¹ «Под Севастополем в 1853—56 гг.». Записки и дневник бывшего начальника артиллерийских парков Южной и Крымской армий ген.-майора Духонина. «Русская старина» за октябрь 1885 г., стр. 90.

² Сборник рукописей... о Севастопольской обороне. Т. II, стр. 298. СПб. 1872. Из писем капитан-лейтенанта П. И. Лесли:

³ Там же, стр. 304.

доложили о столкновении его разведчиков с русским патрулем, и он решил, что после этого нельзя терять ни минуты, иначе пропадет вся выгода от внезапности нападения¹.

Третье объяснение, точнее догадка, формулировалось так: Мэйран, зная, что ему, действовавшему на правом фланге штурмующей массы, придется вести свою бригаду по той части Корабельной стороны, которая непременно будет обстреливаться русскими судами из Килен-бухты, внезапно решил, что для его бригады меньше риска, если она успеет промчатся по опасному месту еще до сигнала, когда русские командиры (и в том числе капитан Бутаков, командовавший в эту ночь на «Владимире») еще ничего о начале штурма не знают.

Наконец, согласно показанию адъютантов Мэйрана, они на свои замечания, что еще не подан знак к штурму, получили в ответ от генерала: «Когда идут на приступ, то более почетно выступить раньше, чем опоздать»².

Колонна Мэйрана была встречена в упор русской картечью с фронта и бомбами с правого фланга, пущенными Бутаковым с «Владимира», а за ним и остальными русскими судами. Она подверглась страшному разгрому и не могла продержаться даже четверти часа. Французы отхлынули, оставив сотни убитых и раненых, прямо к Килен-балке, откуда их повел Мэйран. «Смерть под русскими пулями избавила его от военно-полевого суда», — говорили впоследствии в союзническом лагере.

Бригада Мэйрана, в самом деле, начала штурм не на рассвете, а в ночной темноте, почти за час до рассвета, и только покровом тьмы объясняется, что французы подошли уже к самому рву первого и второго бастионов. Но здесь они были отброшены со страшными потерями. Атакующие сражались храбро, и дело дошло в некоторых местах до штыкового боя. Суздальский и Якутский полки штыками отбросили часть бригады Мэйрана у бруствера оборонительной стены, соединявшей второй бастион с Малаховым курганом. Когда затем, уже по правильному условному сигналу, данному Пелисье, дивизия Брюне бросилась на Малахов курган, а часть дивизии Отмара — на батарею Жерве (находившуюся между Малаховым курганом и третьим бастионом), было все-таки еще довольно темно; рассвело лишь тогда, когда штурмующие ворвались на батарею Жерве и перебили там всю артиллерийскую прислугу, отбросив остальных от батарей.

По показаниям русских, было без десяти минут три часа ночи, когда французы без сигнала бросились на штурм левой стороны оборонительной линии. «Малахов курган стоит будто опоясанный двумя пламенными лентами; огневая река льется по все-

му протяжению оборонительной стены; наш ружейный огонь усцливается ежеминутно, не прерываясь ни на мгновение. Значит наши резервы подходят вовремя. Почти темно еще, не различить предметов»³, — пишет очевидец. Один за другим взвились спустя некоторое время три столба ослепительно белого цвета: это были сигнальные ракеты. Неприятельская армия разом бросилась в атаку. «Огромные массы неприятеля рассыпным строем движутся к нашим батареям. Вот они уже у волчьих ям, что перед вторым номером, вот лезут во рвы первого, Малахова кургана, 3-го бастиона. Страшен наш батальонный огонь; ужасно действие картечи; губительно поражает столпившегося обезумевшего врага град пуль, посланных из пушек, для которых пули заменили картечь». Автор воспоминаний тут ошибся: как увидим, атака англичан на третий бастион произошла несколько позже.

Французы решили пробиться через оборонительную стену, соединявшую второй бастион с Малаховым курганом. Но тут они натолкнулись на спешно вызванные к самому опасному месту три батальона Суздальского, Сеженгинского и Якутского полков. Особенно блистательно действовали батальоны двух последних полков. Дело в том, что это были так называемые застрельщики батальоны. Каждый такой батальон состоял приблизительно из 90 человек, вооруженных прекрасными бельгийскими («люттиховскими») штуцерами, и из такого же количества отборных, лучших в полку стрелков с «простыми» (т. е. гладкоствольными) ружьями. Кроме того в таком батальоне находились еще две сотни: одна с нарезными ружьями, а другая с простыми. Эти «запасные» сотни брали штуцеры и нарезные ружья у убитых товарищей. Таким образом, французы, бравшие второй бастион и оборонительную стену, наткнулись на отборных стрелков. Завязалась отчаянная свалка. Французы сражались яростно, но явный перевес оказался очень скоро на стороне русских батальонов..

Артиллерийский офицер Ершов вскочил на бруствер второго бастиона сейчас же после сигнала и начал штурма. Вот что он увидел: «На всем протяжении неприятельских траншей перед Малаховым курганом быстро двигалась густая черневшая лавина штурмующего неприятеля. Офицеры с саблями наголо бежали впереди. Впечатление было поразительное, казалось, сама земля породила все эти бурные полчища, в одно мгновение густо усеявшие совершенно пустынное до того времени пространство». Русские с бастионов били в упор картечью, бомбами, ядрами, ружейным огнем: «Громада неприятеля дрогнула, взволновалась на одном месте, будто закипела на несколько мгновений и вдруг отхлынула назад, причём огонь наш, в осо-

¹ «Военный журнал» за 1856 год. Т. I, стр. 161.

² Noir Louis. Souvenirs d'un simple zouave, p. 332. Paris.

³ «Сборник известий, относящихся до настоящей войны». Кн. 32, стр. 466, СПб, 1859.

бенности ружейный, увеличился до невероятной степени». Всё это при оглушительном вое и грохоте орудий, как в чаду, мелькало перед защитниками. «Помню только гул и треск повсюду, волны неприятеля, несколько раз подбегавшие почти ко рву укрепления, дым и пыль направо и налево...»¹.

Полуразгромленная бригада Мэйрана бросилась и второй раз в атаку всё на те же первый и второй бастионы, но снова была отброшена и отхлынула к Килен-балке, поражаемая картечью. Только после этого Пелисье велел дать сигнал ракетами, и неприятельская масса устремилась на укрепленную куртину, соединяющую второй бастион с Малаховым курганом, на Малахов курган, а яростнее всего — на батарею Жерве². Но из-за рокового для атакующих поступка Мэйрана (всё равно, было ли это ошибкой или сознательным ослушанием) все дальнейшие отчаянные нападения были отчасти подорваны и ослаблены. Кроме того слух о кровавом поражении и смерти Мэйрана мгновенно распространился в рядах союзной армии и произвел тягостное впечатление. И всё-таки французы сражались в этот несчастный для союзной армии день с выдающейся храбростью.

V

Французское командование направило громадные силы, около 13½ тыс. человек, в том числе лучшие батальоны зуавов, против Малахова кургана. Прежде всего необходимо было овладеть бастионом Корнилова; это решало дело непосредственно, потому что со взятием бастиона весь Малахов курган оказывался в руках неприятеля. Вторым пунктом была батарея Жерве. Взять её, французы могли рассчитывать обойти сразу и Малахов курган и третий бастион с тыла. Генерал Юферов, командовавший в этот день на Корниловском бастионе, встретил французские колонны страшным картечным огнём, так что одно за другим два нападения были отражены с огромным уроном для неприятеля. Тогда неприятель повёл штурм с удвоенной силой против батареи Жерве. Полтавский полк, очень сильно уже поредевший, защищал и батарею и подступ к ней с фронта и прямо в лоб бил ружейным огнём. А в то же время справа в штурмующих палили батареи Малахова кургана, а слева — третий бастион и выдвинутая несколько впереди этого бастиона сильная батарея полковника Будищева. И всё-таки зуавы по бесчисленным трупам, давя своих падавших раненых, ворвались в батарею Жерве и отчасти перекололи, отчасти отбросили её защитников. Вслед за зуавами в прорыв на батарею Жерве и за батарею бросились французские линейные войска. Полковник Гарнье, заняв батарею Жерве, ворвался далее со своим отрядом на Корабельную

сторону — предместье Севастополя, отделяющее западную отлогость Малахова кургана от Южной бухты. Часть изб и домиков этой стороны была уже давно в полуразрушенном состоянии, а часть уцелела. Прорвавшиеся французы засели в этих домиках и поражали убийственным огнём русских, отброшенных от потерянной батареи Жерве. Но Гарнье сейчас же послал одного за другим трёх гонцов к генералу Отмару с требованием немедленно прислать подкрепления, в противном случае, писал он в записке, «я буду скоро раздавлен!» («Je serai bientôt écrasé!»).

Все три унтер-офицера, которых Гарнье послал в качестве гонцов, были перебиты. Гарнье послал четвертого; тот добрался до генерала, но слишком поздно: батарея Жерве была взята русскими обратно. Вот как произошло это событие, собственно, и предпрившее полный проигрыш всего предприятия генерала Пелисье.

Положение русских после взятия батареи Жерве казалось отчаянным. Будищев, так искусно все эти часы управлявший артиллерийским огнём своей батареи и всего третьего бастиона, был убит штуцерной пулей. Ниоткуда подмоги не было видно. Новые и новые потоки атакующих французов, избиваемые, правда, по дороге нещадно, всё-таки устремились по тому же пути, по которому прошёл Гарнье. Если бы не удалось выбить французов из домов и изб, где они засели (уже в тылу взятой ими батареи Жерве), и если бы генералу Отмару удалось провести сильные подкрепления молившему об этом Гарнье, то Севастополь почти несомненно был бы взят союзниками в тот день. В этот наиболее критический момент кровавого дня внезапно пришло спасение: примчался Хрулёв.

Степан Александрович Хрулёв, сделавший в своё время всё, что мог, для обороны Камчатского люнета с первого же момента его создания, прославился блестящей вылазкой в ночь с 10(22) на 11(23) марта, когда в ночном бою русский отряд под его предводительством ворвался в противоположную французскую траншею, перебил часть её защитников и развалил земляные укрепления.

У Хрулёва в распоряжении была та моральная сила, которой не было и в помине ни у Горчакова, ни у барона (впоследствии графа) Остен-Сакена, ни у всего их штаба: любовь солдат всех тех полков, с которыми Хрулёв побывал в деле. Конечно, это было не то чувство личной привязанности, тесно связанное с благоговейным и беспредельным доверием, которое, например, питали матросы к Нахимову — победоносному флотоводцу; да и не было у Хрулёва такой громкой славы, как у снопского героя. Но имя Хрулёва говорило солдатам больше, чем имена даже таких храбрецов, как Виктор Илларионович Васильчиков или Александр Петрович Хрущов. Манера держаться и говорить с солдатами, свойственная Хрулёву, очень сильно ему помогала. В штурм 6(18) июня эта великая моральная сила Хрулёва была им пущена в ход в самый

¹ Ершов А. Севастопольские воспоминания, стр. 182. СПб. 1891.

² Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 342.

грозный момент боя — и спасла Малахов курган.

Хрулёв уже с ночи объезжал всю оборонительную линию, проявляя свойственные ему энергию и распорядительность. Подъезжая к батарее Жерве, Хрулёв не только увидел, что она в руках французов, но и убедился, что французы уже прорвались в тылу взятой ими батареей на Корабельную сторону и захватили жилые постройки на правом склоне Малахова кургана и что, значит, Малахову кургану, отстреливаемому с фронта, грозит обхват с тыла. Грозная опасность момента толкнула Хрулёва на отчаянный риск. Он был один, войск поблизости не было. Вдруг он увидел кучку солдат, как ему показалось, человек полтора (на самом деле их было 138). Это были солдаты одной роты Севского полка, окончившие перевозку орудий на 3-е отделение мушкетерской оборонительной линии. Дальше последовало много раз описанное, в самом деле изумительное событие, которое, как и всегда, правдивее и точнее всего рассказано бывшим тут же по соседству, на Малаховом кургане, Тотлебенем: «Схватив возвращающуюся с работы 5-ю мушкетерскую роту Севского полка, под командой штабс-капитана Островского, он (Хрулёв) построил её за ретраншементами и со словами: «Благородители мои! В штыки! За мной! Дивизия идёт на помощь!» — двинул её на неприятеля. Воодушевлённые любимым начальником, солдаты бросились без выстрела в штыки. Вслед за этой ротой, по приказанию генерала Хрулёва, устремились на неприятеля и остатки Полтавского батальона, предводимые капитаном Горном. Французы встретили наши войска сильным ружейным огнём из дверей и из окон домиков. Здесь загорелся жестокий рукопашный бой. Французы защищались с отчаянной храбростью: каждый домик приходилось брать приступом. Наши солдаты влезали на крыши, разбирали их, поражали камнями засевших в домиках французов, врывались в окна и двери и, наконец, выбили французов, захватив у них в плен 1 штаб-офицера, 8 обер-офицеров и около 100 нижних чинов»¹. Остальные были перебиты, бежать из домиков не удалось почти никому. Вслед за тем наступила очередь батареи Жерве, где засели оборонявшиеся с отчаянной храбростью французы. На помощь ничтожной кучке пошедших за Хрулёвым солдат подоспели шесть рот Якутского полка. Батарея Жерве была взята приступом. Русские, ворвавшись на батарею, вступили в яростный рукопашный бой, перебили большую часть французов, немногие уцелевшие бросились спасаться бегством. Батарея была прочно обеспечена за взятыми её ротами. «К сожалению, победа наша на этом пункте была сопряжена с чувствительными потерями. Более других пострадала покрывшая себя славой 5-я рота Севского полка, в которой из 138 человек осталось только лишь 33...»².

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 344—345.

² Там же, стр. 345.

Отдельные части дивизии Отмара, не желавшего примириться с потерей батареи Жерве, делали ещё повторные попытки штурмовать эту позицию. Сюда подоспел Нахимов, который весь этот день появлялся, по обыкновению, в самых опасных местах. Всё пространство перед бруствером батареи Жерве и Малахова кургана было так густо усеяно телами павших французов, как ни на каком другом участке оборонительной линии.

Генерал Ниоль, начальник бригады, к которой принадлежал Гарнье, увидел полную невозможность взять обратно у Хрулёва и его солдат батарею Жерве и снова направил одну за другой несколько отчаянных атак на Корниловский бастион и на верки Малахова кургана. Но и эти повторные атаки были отбиты после ожесточённой борьбы.

VI

Почти одновременно главнокомандующему французской армии доложили о двух несчастиях, в разные моменты боя происшедших: генерал Мэйран убит и его войска разгромлены, генерал Брюне убит и его войска отброшены.

Перед всем своим горестно взволнованным главным штабом Пелисье сказал: «Если бы Мэйран и Брюне не были убиты, я бы их предал военному суду»³. Капитан зуавов Перре, передавая это, укоряет Пелисье в несправедливости. В частности неясно, чем (кроме неудачи) провинился Брюне, ничуть не нарушивший диспозиция главнокомандующего. Впоследствии Пелисье признавал основной причиной тяжкого поражения 18 июня именно то обстоятельство, что Брюне и Отмар не были поддержаны ни с правого своего фланга Мэйраном, который поторопился, был уже разбит, а затем и убит, ни с левого фланга — англичанами, которые опоздали со своим выступлением. Было уже 7 час. утра, когда Пелисье, получив известие о поражении англичан у «Большого Редана», а также о блестящем подвиге Хрулёва, принял окончательное решение: он велел армии отступить и «вернуться в параллели», т. е. в свой лагерь. Русская победа в этот день была тем самым признана полностью.

Замечу, что, по русским, а отчасти и по английским свидетельствам, приказ об общем отступлении был отдан вовсе не в 8½ час., а гораздо раньше — уже в 7 час. сов.

Французская армия обвиняла в неудаче штурма англичан. Нарекания на англичан были не совсем справедливы. Некоторые английские части сражались храбро. Однако не только среди французских солдат, но и среди офицерства часто проглядывало раздражение против слишком инертного поведения небольшой по размерам английской армии, стоявшей под Севастополем. После провала 6(18) июня эти нарекания

³ Perret E. Récits de Crimée 1854—1856, p. 336. Paris.

очень усилились. Ни для кого не было тайной, до какой степени Пелисье был раздражён против лорда Раглана. Настроение главнокомандующего, естественно, давало тон настроению всей французской армии...

Лорд Раглан, обидевшийся на генерала Пелисье за то, что он произвольно и внезапно изменил первоначальную диспозицию и отказался от усиленной канонады перед штурмом, сам вовсе не думал, что он обязан приказать англичанам выступить одновременно с французами. Он видел поражение дивизии Мэйрана, видел, что все атаки дивизии Брюне на Малаховом кургане отражены, что нападение части дивизии Отмара (отряда Гарнье) на батарею Жерве после кратковременного успеха победоносно отбито русскими, и, главное, видел, что в этих русских успехах (особенно в деле обратного отвоевания батареи Жерве) очень большую роль играет русская артиллерия, стоящая на третьем бастионе («Большом Редане», как его называли союзники), — и, однако, в эти драгоценнейшие часы Раглан не вступал в борьбу. И только убедившись, что французы терпят тяжкий урон, он начал свою запоздавшую и уже по существу дела бесполезную для всего предприятия этого дня атаку против третьего бастиона, перед которым в боевой готовности стояли его войска. Со свойственным ему простодушием лорд Раглан изложил своеобразные мотивы своего поведения в письме (частном письме, конечно, отнюдь не в официальном донесении) к английскому статс-секретарю лорду Пэнмору на другой день после битвы, когда нескончаемой вереницей отовсюду высокими, перегруженными возами свозились трупы павших накануне французов и англичан. В этой обстановке Раглан пишет следующее: «Я всегда остерегался быть связанным с обязательством начать атаку в тот же момент, как французы, — и я чувствовал, что мне должно иметь некоторую надежду на их успех, раньше чем я пушу в ход наши войска; но когда я увидел, какое могучее сопротивление им оказывается (*how stoutly they were opposed*), то я рассудил, что мой долг был помочь им, начав самому нападение».

Англичане вышли из траншей и двумя колоннами двинулись на третий бастион. Русские расстреливали их в упор, и этот «долгий кровавый путь», о котором говорят все очевидцы, истощил бое-способность атакующей колонны раньше, чем она приблизилась к укреплениям бастиона. Храбрый генерал Кэмпбелл был убит в самом начале атаки. Английский командный состав понёс большие потери. С тяжёлыми (и совсем бесполезными) потерями англичане были отброшены убийственным русским огнём назад. Заместивший убитого Кэмпбелла лорд Уэст признал невозможным повторение атаки. И почти одновременно была отброшена на исходные позиции и другая колонна англичан, шедшая с восточной стороны к

третьему бастиону. Тут русский огонь был таков, что абсолютно не было возможности даже самым храбрым и упорным пройти то открытое пространство, которое отделяло их от бастиона. Даже известные своей храбростью люди, вроде полковника Хибберри, много времени спустя писали об этом именно моменте поражения подступавшей с востока колонны: «Огонь был так страшен, что можно было только опустить голову — и бежать как можно быстрее (*one could only put ones head down and run as fast as possible*)». Это была какая-то «буря картечи», говоря очевидцы, — буря, буквально сметавшая прочь всё, покрывавшая землю рядами трупов.

Англичане, вышедшие со штурмовыми лестницами, побросали их на землю ещё при самом начале дела, когда впервые не смотря на все усилия своих офицеров отхлынули назад. Да и слишком уже несбыточным делом становился явственно для всех этот штурм «Большого Редана», слишком нелепой — надежда взобраться на укрепления бастиона и штыковым боем выбить оттуда русских: штурмующая колонна потеряла бы большую часть своего состава, не дойдя до парапета.

VII

А на третьем бастионе одушевление и азарт борьбы неудержимо увлекали русских солдат. Ощущение большой победы овладело ими после подвига Хрулёва и его солдат и после уничтожения французов на батарее Жерве и в занятых ими домиках на Корабельной стороне. Ведь третий бастион направлял свой огонь сначала всецело в сторону французов, против дивизий Отмара и Брюне, силившихся прорваться у Малахова кургана и у батареи Жерве. И третий бастион ликовал, участвуя так деятельно в хрулёвской победе и во всех русских успехах против французов на всём этом левом фланге русской оборонительной линии. Теперь, когда с французским нажимом уже почти справились, третий бастион мог полностью направить весь огонь своих мощных батарей на собравшихся, наконец, выступить англичан.

Второстепенная операция англичан (нападение на батарею, стоявшие на Пересыпи) была ещё раньше ликвидирована полковыми батареями Охотского и Томского полков. Ни на Пересыпи, ни на третьем бастионе дело не дошло до штыкового боя на самых укреплениях по той простой причине, что англичане отступили, гонимые огнём русских батарей, с полдороги.

Впоследствии во французской прессе раздавались жалобы, что англичане не отнеслись серьёзно к делу штурма и даже не взяли с собой штурмовых лестниц и фашии. Но, во-первых, у нас есть показания, что лестницы англичанами были взяты (хотя, правда, тотчас же брошены на землю при первой же попытке приблизиться к бастиону, именно при неудаче этой попытки); во-вторых, совершенно правильны

слова русского офицера П. Алабина, участника этого сражения: «Обвиняют англичан и в том, что они забыли взять с собой фашины, когда шли на штурм. Правда, на всём поле, усеянном трупами англичан, их оружием и амуницией, не видел я ни одной фашины, но какую пользу они могли бы принести англичанам, когда никто из них даже не добежал до рва 3-го бастиона и отважнейшие легли костями не далее как у засеки, что пред его исходящим углом?»¹

Французы, по официальным подсчётам, потеряли 17—18 июня 3553 человека убитыми и выбывшими из строя, англичане — 1728 человек². Русские потеряли за эти два дня (во время длившейся почти сутки бомбардировки 17 и во время штурма 18 июня) 783 убитыми, 3179 — ранеными, 850 — контуженными. При этом нужно заметить, что русские потери были 17-го больше, чем во время штурма 18-го, а союзники, напротив, больше всего потеряли во время штурма.

Цифры, которые приводятся на основании позднейших данных отдельными участниками военных действий, всегда значительно выше официальных. Вот цифры, которые даёт артиллерист поручик 8-й батареи Милошевич для трёх дней — с 5(17) по 7(19) июня: у русских вышло из строя 95 офицеров и 4745 нижних чинов, у неприятеля — около 7 тыс. человек, в том числе три генерала (Мэйран, Брюне и Джон Кэмпбел)³. Русские потери показаны более или менее в согласии с официальной цифрой, потери союзников — выше, чем по их официальным данным. Французские офицеры в разговорах с русскими во время большого перемирия начала 1856 г. были довольно откровенны, и русские узнали и о штурме 18 июня кое-что новое. Могли узнать и новые цифры.

VIII

Радостное волнение овладевало постепенно русской армией. С бастиона на бастион перелетало подтверждаемое ежеминутно новыми и новыми подробностями известие о полной победе, о том, что штурм отбит на всех пунктах, что неприятелю не помогли ни страшная бомбардировка днём 17-го и в ночь с 17 на 18 июня, ни густые массы пущенных в дело штурмующих колонн, ни бесспорная храбрость французских дивизий...

Русские матросы и солдаты в день победы 6(18) июня и затем в течение всего июня прямо превосходили самих себя. Подбодренные успехом, они совсем, казалось, утратили всякое представление об опасности. Вообще для всякого, кто изучает историю этой войны, очень скоро

¹ «Сборник известий, относящихся до настоящей войны». Кн. 32, стр. 485.

² Эти цифры даёт также Е. Perret в своих уже цитированных нами «Récits de Crimée».

³ Милошевич Н. Из записок севастопольца, стр. 51. СПб. 1904.

становится ясным, что совсем неосновательно выделять матроса Кошку или того или иного из прославившихся рядовых защитников Севастополя в качестве некоего исключения. Это видно и из суховатых, деловитых записок князя Виктора Илларионовича Васильчикова, начальника штаба севастопольского гарнизона. Вспомним, что он и сам с полной готовностью ежедневно подставлял свой лоб под пулю и ни к каким восторгам ни по поводу своего, ни по поводу чужого геройства не был склонен ни в малейшей степени. Да и говорит он о поступке солдат Алексопольского (31-го пехотного) полка наскоро, между прочим, потому что просто пришлось к слову при рассказе о том, как французы сейчас же после провала 6(18) июня пытались покончить с особенно важными бастионами: «Французы обставили всю Камчатку (Камчатский люнет) сильной артиллерией, которая громила как Малахов курган, так и несчастный 2-й бастион, который, несмотря на своё невыгодное положение, действительно боролся против сильнейшего врага. Каждый день бастион этот представлял груды развалин, которые при огромных потерях исправлялись за ночь: подбитые орудия заменялись новыми, и к рассвету обновившийся бастион снова открывал огонь и боролся до ночи, разрывая лопатами засыпанные амбразуры. Чтобы дать понятие о том жестоком огне, какой постоянно производился по этому направлению, расскажу я происшествие, случившееся с Алексопольским батальоном. На случай штурма, для действия по неприятельским колоннам, если бы им удалось занять 2-й бастион (что было более чем вероятно), Тотлебен проектировал 3-ю орудийную батарею на углу оборонительной стенки 1-го бастиона. Батарея эта должна была действовать картечью по горже 2-го бастиона и поражать во фланг неприятеля, который стал бы дебушировать из-за этой горжи. Французы заметили это сооружение и старались ему помешать, что исполнялось ими так тщательно, что днём на этой батарее работать было невозможно, да и ночью надо было насыпать землю как можно скорее, не оставаясь долгое время под выстрелами. Батальон Алексопольского полка был назначен на такую ночную работу. Люди должны были насыпать мешки землёй, принести их на место, высыпать на батарею и удалиться. В ту минуту, когда подходил батальон к месту работы, французы усилили огонь; чтобы не подвергать батальон напрасной потере, начальник отделения приказал отвести людей назад и подождать, пока огонь утихнет. Батальон был отведён. Но люди, прождав некоторое время, без приказания и без офицеров схватили мешки и пошли высыпать их на батарею. Несмотря на непродолжительность работы из батальона вышло шестьдесят человек»⁴.

⁴ «Русский архив» № 6 за 1891 год, стр. 234—235. «Записки князя В. И. Васильчикова».

Есть и ещё показания, что в первое время после победы 6(18) июня матросы и солдаты неоднократно нарушали подобным же образом дисциплину и иногда совсем безумно рисковали головой, находя, что начальство слишком осторожничает. В них вселилась в эти дни какая-то уверенность, что непременно удастся спасти Севастополь. Массовое геройство алексопольцев, о которых рассказал Васильчиков, или хрулёвские сто тридцать восемь «благодетелей» из Севского полка, которые, не теряя ни секунды, бросились за Хрулёвым прямо на смерть, чтобы отбить у французов батарею Жерве, не прославило имени ни одного из них. И разве они думали о своей личной славе, отдавая свою жизнь?!

Женщины соперничали с мужчинами: «Во время боя жара была невероятная и дала случай солдаткам и матроскам выказать всю силу самоотвержения и смелости русских женщин... они разносили под градом пуль сперва квас, а когда нехватило квасу — воду в самые жаркие места схватки»¹, расплачиваясь за это жизнью или увечьем.

IX

С фронта писали во Францию и в Англию, что русские с каждым месяцем дурятся не хуже, а лучше.

Вот что говорит о русских защитниках крепости в дневнике, который он вёл под Севастополем, французский генерал Вимпфен: «Их энергичная и умная оборона заставляет нас уважать нацию, против которой у нас никогда не было серьёзных обид... Мы все теперь уважаем солдат, которые сражаются храбро и лояльно. Мы выступаем против этого врага только по приказу, без большого энтузиазма и потому, что желаем покончить с бедствиями осады»².

Французское офицерство не скрывало, в частности, своего восхищения Тотлебенем. Эскадронный командир Фай, адъютант Боске, говорит в своих воспоминаниях: «Таким образом русские нас опережали на

всех тех пунктах, которые мы имели намерение занять. Несомненно, они были искусны, но надлежит прибавить, что они очень хорошо были обслуживаемы своими шпионами». А сам Боске ещё в дни постройки Селегинского и Волынского редутов писал: «Поистине кажется, что русский инженер день за днём даёт ответ на все наши идеи, на все наши проекты, так, как если бы он сам присутствовал на наших совещаниях... Не оказывая несправедливости его уму, слишком хорошо доказанному, я думаю, особенно теперь, о шпионах»³. «Хитрость», «доказанный ум», «искусный шпионаж» — можно было приводить какие угодно объяснения, но факт был налицо: перед союзниками были грозные противники. А что эти противники ставили свою жизнь ни во что, — это было фактом настолько неоспоримым, что незачем было даже трудиться выдумывать объяснения.

Англичане, очень скупые на эпитеты, когда приходится хвалить врага, заговорили о русских матросах и солдатах так, как редко о ком когда-либо говорили.

«Я не могу поверить, что какое бы то ни было большое бедствие может сломить Россию. Это великий народ (it is a great nation), несомненно, он не в нашем вкусе, но таков факт. Никакой враг не осмелится вторгнуться безнаказанно на его территорию, если не считать захвата таких ничтожных кусочков, какие мы теперь заняли (beyond such small nubbles as we are now making)», — так писал в том же июне 1855 г. состоявший при генерале Коллине Кэмпбеле «майором-адъютантом» автор не предназначенной для продажи книги о Крымской войне⁴. Писал он это в интимном письме к другу.

Да позволено будет советскому историку, пишущему в наше время, закончить этой английской цитатой рассказ об отбитом штурме. Эта ранняя английская оценка русского народа, отстаивающего свою землю, вполне гармонирует с той оценкой России, которая в наши дни стала в Англии господствующей.

¹ «Военный сборник» № 8 за 1905 год, стр. 54. Степанов М. Севастопольские записки.

² «Notes et correspondances de campagne du général de Wimpffen, publiées par H. Galli», p. 82. Paris. 1892.

³ Fay G. H. Souvenirs de la guerre de Crimée, p. 229. Paris. 1867.

⁴ «Letters from the army in the Crimea by a Staff-officer who was there. For private circulation only», p. 338. London. 1857.

ВОЕННЫЙ РАЗГРОМ И КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ В 1918 ГОДУ *

Проф. Ф. Нотович

Германский империализм развязал войну 1914—1918 гг., чтобы установить своё мировое господство. Он вступил в войну с давно разработанной программой завоевания Европы — будущего плацдарма для завоевания всего мира. Германское мировое господство могло быть добыто лишь в результате победоносной войны с Россией, Францией и Англией. При этом без победы над Россией была недостижима общая победа над Антантой.

Как только началась война 1914 г., юнкерство и финансовый капитал в конфиденциальных записках правительству, через пангерманскую прессу, а шовинистические союзы и объединения, мощные хозяйственные монополистические организации, учёные и профессора в меморандумах и петициях потребовали аннексии половины Европы и значительной части вселенной и создания «Великой Германии». Более умеренная, часть германской буржуазии выдвинула в 1915 г. старую идею Фридриха Листа о создании германской «Срединной Европы». Автор книги «Срединная Европа» депутат рейхстага Фридрих Науман писал: «Как Бисмарк создал Германскую империю во время войны 1870 г., а не после войны, так и нашим нынешним руководящим деятелям следует заложить основы новой формации в военное время, пока льётся кровь и бушуют народы, потом это будет слишком поздно»¹.

«Срединную Европу» в тесном смысле слова, — писал Науман, — составляет срединно-европейская площадь, простирающаяся от Северного и Балтийского морей до Альп, Адриатического моря и южной полосы придунайской долины»². «Срединная Европа», по плану Наумана, должна была включать в себя обширную территорию Европы и Азии в 13 млн. кв. км с населением свыше 200 млн. человек.

Поражение германских войск в сентябре 1914 г. на Марне, вторжение русских армий в Восточную Пруссию, разгром русскими войсками австро-венгерской армии и

заятие ими в августе — сентябре Восточной Галиции и Буковины разрушили германские планы молниеносного завоевания мирового господства. Война стала не молниеносной, а затяжной.

Применив план Шлиффена в обратном порядке, Германия и Австро-Венгрия обрушили сначала все свои силы в 1915 г. на Россию; они ставили перед собой несбыточную цель — уничтожить русскую армию. Хотя Германия и захватила большую территорию, однако ей не удалось уничтожить русскую армию. План Шлиффена, вывернутый наизнанку, провалился.

В 1916 г. германское и австро-венгерское командование не осмелилось продолжать наступление против России. Истощив свои силы на восточном фронте, германские армии начали наступление на западном, а австро-венгерские армии — на итальянском фронте. Русские армии вновь пришли на помощь союзникам, и немцы потерпели поражение под Верденом, а австро-венгерские армии — в Трентино.

Мощный удар русских армий под командованием Брусилова в июне 1916 г. едва не уничтожил Австро-Венгрию. Удары кавказской армии по Турции окончательно подорвали её силы. Четверной союз вынужден был уже в 1916 г. перейти на всех фронтах к обороне. В конце этого года превосходство сил оказалось на стороне Антанты, которая готовилась нанести в следующем году смертельный удар своим противникам. Надежда немцев на победоносное окончание войны была окончательно развеяна. Гинденбург и Людендорф, сменившие в июле Фалькенгейна на посту главнокомандующего, вынуждены были это признать в октябре того же года, заявив, что силами одной сухопутной армии Германия не может выиграть войну. Это признание, однако, не побудило их отказаться от захватнических целей или хотя бы ограничить их размеры. Наоборот, оба генерала потребовали и, сломив сопротивление Бетман-Гольвега, добились объявления 1 февраля 1917 г. беспощадной подводной войны против судоходства воюющих и нейтральных стран. «Англия хочет умерить голодом Германию, — сказал ещё в ноябре 1914 г. Тирпиц, — но Германия уморит Англию подводной войной». Таким образом, немцы решили совершенно блокировать Англию и поставит её через шесть месяцев на колени, а затем навязать всем своим противни-

* Автореферат части подготовленной к печати монографии «Разгром Германии и её союзников в 1918 году».

¹ Науман Ф. «Срединная Европа», стр. 1. Птрг. 1918.

² Там же, стр. 3.

кам «победный мир». Но вместо этого Германия приобрела ещё одного могущественного противника — Соединённые Штаты Америки.

К середине лета 1917 г. выяснилось, что беспощадная подводная война не оправдала надежд, которые на неё возлагали Гинденбург и Людендорф. Германия оказалась не в состоянии помешать перевозке миллионной американской армии в Европу. Страх перед поражением и неотвратимо надвигавшимся революционным кризисом настолько овладел буржуазными партиями рейхстага, что вчерашние аннексионисты — национал-либералы, католический центр и прогрессисты — приняли 19 июля 1917 г. совместно с социал-демократической партией на пленуме рейхстага резолюцию, которая требовала заключения мира «по соглашению». Страх перед расплатой после неизбежного поражения проник и в императорскую семью. Германский кронпринц Вильгельм представил своему отцу Вильгельму II записку, в которой указывал: «После того как надежда на победу в подводной войне оказалась напрасной, немудрено, что психика народа в высшей степени подавлена». Кронпринц предлагал попытаться заключить с Россией мир на основе восстановления старых границ, после чего, по его мнению, и Англия должна будет призадуматься, продолжать ли ей войну. Чтобы избежать поражения и сохранить престол за династией, писал кронпринц, «необходимо заключить мир на основе взаимных уступок».

Великая Октябрьская социалистическая революция вконец изменила военную и международную обстановку. Германия могла окончить войну без потерь, но и без завоеваний, на основе выставленных русской революцией условий: мир без аннексий и контрибуций и признание права за всеми народами на самоопределение.

Но руководящие круги германского империализма вопреки очевидности решили, что революция в России позволит им реализовать все их захватнические планы и навязать всему миру «немецкий мир». Вскоре, однако, голоса пацифистски настроенной буржуазии и интеллигенции в странах Антанты, требовавшей мира с Германией «по соглашению», должны были замолкнуть: брестлитовский и бухарестский мирные договоры — отторжение от России Прибалтики, Литвы, Белоруссии, Польши, Украины и Финляндии, — разбойничий поход в Крым, на Дон, проникновение в Закавказье и расчленение Румынии показали всему миру подлинные грабительские, захватнические планы германского империализма.

Шейдеман показал в 1926 г. в исследовательской комиссии рейхстага: «Брестлитовский мир похоронил тогда всё, что ещё может быть, удалось бы спасти. Полагаю, что это была последняя капля, переполнившая чашу. Брестлитовский мир озлобил все нейтральные народы против нас. Я вспоминаю о переговорах, которые мы вели

с нашими товарищами в нейтральных странах, какое отвращение этот договор там вызвал»¹.

Один из палачей Украины в 1918 г., генерал Гренер, вынужден был также впоследствии признать, «что победа, о которой мечтал германский народ, была фантомом, погоня за которым должна была увеличить трудности нашего положения». Германские руководящие круги рассматривали «оккупацию территории как доказательство того, что «великие победы» уже достигнуты». В Германии «не в состоянии были даже сообщить, что начиная с 1917 г. нам надо было молчать о военных целях агрессивного характера, пока не завоёвана окончательная победа; более того: нам нужно было во всеуслышание подчёркивать оборонительный характер нашей политики и нашей войны»².

Германские же империалисты и слышать не хотели о мире на основе границ 1914 года. «Мысль, что война может принять неблагоприятный исход, — писал полковник Швертфегер, — немногим приходила на ум, иначе было бы принято во внимание, что именно такие безбрежные военные стремления должны были ещё больше укрепить волю наших врагов к победе. Мы сами в своей политической близорукости создали уже тогда основы Версальского договора»³.

Гинденбург и Людендорф всё ещё упорно не хотели считаться с возможностью поражения. «Военное положение на суше, — писал Людендорф, — сделалось для нас в конце 1917 — начале 1918 гг., благодаря отпадению России, более благоприятным, чем можно было ожидать. Мы могли думать, как в 1914 и 1915 гг., закончить войну, предприняв наступление на суше. Соотношение сил было столь выгодное, какого ещё никогда не было»⁴. Это было количественное соотношение сил и поэтому обманчивое. Солдаты австро-венгерской армии пухли от голода и были небоеспособны; армия оборонялась лишь потому, что имела дело с разбитой осенью 1917 г. и ещё не оправившейся итальянской армией. Турция была истощена до крайности и неспособна к наступательным действиям. Четверной союз, замечает Людендорф в своей книге (и совершенно правильно замечает), не распадался исключительно потому, что его поддерживала надежда на победу германского оружия⁵. Лишь германская армия ещё сохраняла боеспособность, но и она уже не обладала былыми качествами. Она с трудом переносила изнурительную позиционную войну.

¹ Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Reihe 4. Bd. 7, Teil I, S. 300.

² Ibidem, S. 196—197.

³ Ibidem, S. 199.

⁴ Ludendorff E. «Meine Kriegserinnerungen 1914—1918», S. 430. Berlin. 1922.

⁵ Ibidem, S. 432.

Крайнее экономическое истощение Германии уже во второй половине 1917 г. очень мешало ведению войны. Большинство народа устало, рабочие массы были недовольны затягиванием войны ради завоевательных целей. Это недовольство выразилось в политической стачке в январе 1918 г. Производительность труда сильно упала, недоставало важных видов сырья, транспорт был расстроен, не хватало людских пополнений для покрытия потерь на фронте; не хватало также фуража; был штатный некомплект лошадей в армии, и не хватало, конечно, конского пополнения.

Изучение и анализ всех известных документов и показаний участников событий приводят к бесспорному заключению, что решение германского командования наступать в 1918 г. и вырвать как можно скорее победу из рук Антанты было следствием не избытка сил, не военного и экономического превосходства, а следствием сознания слабости и невозможности при постоянной убыли собственных ресурсов состязаться длительное время с противником, боевые ресурсы которого постоянно возрастали. Это была игра вабанк, попытка перехитрить историю, придти к финишу на несколько секунд раньше, чем соперники соберутся с силами и переплавят весь свой военный потенциал в действующую боевую мощь.

«Германия,— писал Людендорф в своей книге «Ведение войны и политика»,— вынуждена была в 1918 г. наступать... Наступление соответствовало военному и политическому положению и желанию армии, которая боялась изматывающих и изнуряющих оборонительных сражений и не была в состоянии их переносить, как переносила их, например, в 1915 году. Причины этого коренились в ослаблении военной стойкости»¹.

Германия ощущала недостаток во всём. Политическая мудрость требовала отказаться от захватнических военных целей, но так как Германия не хотела пойти по этому пути, нужно было наступать. «Четвертому союзу,— писал Людендорф,— не хватало продовольствия... Чисто выжидательная тактика ведения войны была поэтому по продовольственным соображениям совершенно исключена».

Бывший начальник штаба группы армий баварского кронпринца Рупрехта генерал фон Куль писал, что ввиду абсолютной невозможности обеспечить на длительный срок пополнение армии людским и конским составом, «единственно правильный вывод, который можно было сделать, состоял в том, чтобы, собрав все силы и средства, стремиться к окончанию войны при помощи большого наступления на западном фронте»².

★

В середине февраля 1918 г. Германия имела на западном фронте 174 из 248 дивизий и 16 бригад, что равнялось, по оцен-

ке штабов Антанты, 1232 тыс. штыков, 8800 полевых и 5500 тяжёлых орудий. Союзные армии состояли из 97 французских, 57 британских, 10 бельгийских, 2 португальских и 1 американской пехотных дивизий в составе 1480 тыс. штыков при 8900 полевых и 6800 тяжёлых орудий. 174 пехотным дивизиям немцев, количество штыков которых значительно преуменьшено, противостояло 167 пехотных дивизий союзников. На восточном фронте находилось в то время более 60 немецких дивизий. На итальянском, македонском, палестинском и месопотамском фронтах количественное превосходство в людях и технике было на стороне союзников. Но на западном, решающем фронте оно в течение последних пяти недель перед немецким наступлением — от середины февраля до 21 марта — постоянно изменялось в пользу Германии.

В середине марта 1918 г. немцы на западном фронте уже имели 192 пехотные дивизии и 3 бригады. На 21 марта на этом фронте находилось 3 438 228 солдат, 136 618 офицеров и 710 827 лошадей. К этому же числу — 21 марта — в России и Румынии было 1 млн. 5 тыс. немецких солдат и 40 095 офицеров при 282 тыс. лошадей. В процессе решающих боёв количество германских дивизий на западном фронте возросло со 192 до 204. На бывшем восточном фронте оставались (в июле — сентябре) 38 дивизий, 13 бригад и «северный корпус» в Финляндии. Союзные армии насчитывали на 21 марта 171 пехотную дивизию. Однако превосходство на 21 или даже на 31 дивизию не могло сыграть решающей роли.

Эксперт-исследовательской комиссии рейхстага генерал фон Куль в книге «Зарождение, проведение и крушение наступления в 1918 году» писал: «В начале 1918 года для верховного командования важно было как можно скорее договориться с Советской Россией и перебросить своевременно все силы, без которых можно было обойтись на Востоке, на западный фронт для наступления, предполагавшегося 21 марта... Если бы нам удалось добиться на Востоке полного окончания войны и твёрдого и ясного положения, это полностью соответствовало бы интересам ведения войны. Если бы мы имели свободный тыл со стороны России и могли сосредоточить все силы на западном фронте, то перспективы нашего наступления были бы намного благоприятнее»³. Но навязав Советской России грабительский брестлитовский мир, Германия вынуждена была держать десятки дивизий на Востоке и не могла сосредоточить все свои боевые силы на западном фронте. Всенародная партизанская война, разгоревшаяся на Украине и в Белоруссии с первых дней немецкой оккупации, заставляла немцев держать на восточном фронте значительные вооружённые силы.

¹ Ludendorff E. «Kriegsführung und Politik», S. 206—209. Berlin. 1922.

² Die Ursachen. Reihe 4. Bd. 3, S. 75—76.

³ Фон Куль Г. и Дельбрюк Г. «Крушение германских наступательных операций в 1918 году», стр. 52—53. М. 1935.

Немецкие официальные данные показывают, что и после «победного» брест-литовского мира Германия вынуждена была держать на восточном фронте около 25% своих войск. Это ускорило её разгром на западном фронте. Генерал фон Куль считал, так же как и Людендорф, что верховное командование вынуждено было держать миллионную армию на Востоке. Он писал, что «против угрозы большевизма безусловно надо было создать защитительный барьер, который должен был находиться на достаточно большом расстоянии от нашей границы». Отодвигать под предлогом борьбы с большевизмом границы всё дальше на восток, за Кавказский хребет и до Волги,— это соответствовало политическим, социальным и экономическим интересам германского империализма; это и делала Германия, одновременно предпринимая наступление на западном фронте. Но при таком положении вещей не могло быть настоящего мира с Советской Россией. И после официальной ликвидации восточного фронта этот фронт всё же на деле оставался. «При том положении вещей, какое существовало в марте 1918 г. после заключения мира, на мирные отношения с Россией можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы нам удалось удержать её в определённых рамках при помощи военной силы и если бы мы могли защитить свой восточный фронт. Фактически мир был только перемирием»¹.

По расчётам германского военного министерства на 1918 г., армия требовала ежемесячно 160 тыс. человек для пополнения потерь; из этого количества 60 тыс. составляли ежемесячно выздоравливающие. Если пополнения должны были иссякнуть в июле. Правда, вопрос о пополнениях был также весьма острым во Франции и очень серьёзным в Англии, но зато Америка ещё не пустила в ход свои миллионные армии. В марте 1918 г. во Франции находилось 329 тыс. американских солдат, и из них лишь одна дивизия—на фронте: остальные заканчивали своё обучение. В конце июня количество американских солдат во Франции достигло уже 897 тыс., а с июля Германия уже не могла регулярно пополнять убыль выбывающих из строя солдат. Ежемесячный дефицит равнялся примерно 100 тыс. человек. Людендорф и Гинденбург решили использовать кризисные для противников Германии месяцы — март — июль — и своё незначительное численное превосходство в живой силе для окончательной победы над Англией, Францией и США.

Так, вопреки неблагоприятно сложившейся для немцев международной обстановке, вопреки тяжёлому экономическому положению Германии и её союзников — обстоятельствам, хорошо известным Людендорфу и Гинденбургу, они всё же считали,

что им удастся «вырвать» победу до наступления краха.

Верховное командование, вдохновляемое финансовым капиталом и юнкерством, спешно готовило «сокрушительный удар» по Антанте, наивно воображая, что оно «победило» Россию. Оно знало и помнило лишь одно: что ему надо торопиться и уничтожить английскую и французскую армии до прибытия американских войск в Европу. Наступление было назначено на 21 марта.

21 марта, на рассвете, Людендорф начал наступление в Пикардии против английской армии на участке фронта между Аррасом и Ляфером, шириной в 75 километров. У немцев было 62 дивизии против 31 дивизии англичан. Стратегическая цель «великой битвы за Фраппию» — так немцы называли это наступление — состояла в следующем: прорыв английского фронта, превращение окопной войны в маневренную, оттеснение английской армии к морю и её уничтожение. После выполнения этой задачи германская армия собиралась наброситься на французскую армию и уничтожить также и её.

Первоначальные успехи германской армии превзошли все ожидания обоих генералов. Англичане поспешно отступали перед превосходящими их силами немцев. Уже 23 марта Людендорф считал, что он выиграл сражение, и счёл возможным поставить перед наступающими войсками дополнительную оперативную задачу — отделение французов от англичан и разгром одновременно и тех и других.

В бой были введены ещё 28 пехотных дивизий. Сражение шло так успешно, что уже 25 марта кайзер приказал вывесить флаги и палить из пушек в ознаменование одержанной победы. В тот же день Гинденбург получил «железный крест с золотыми лучами», а Людендорф — орден «большого железного креста».

Английская армия оказалась в критическом положении. 5-я армия была разгромлена. Генерал Петэн отказался оказать достаточную помощь англичанам и приказал своим войскам отступить для прикрытия дороги на Париж. Образовалась брешь между английской и французской армиями, в которую, однако, немцы не смогли бросить достаточных сил для её расширения.

Перед лицом величайшей опасности английское и французское правительства договорились о назначении генерала Фоша главнокомандующим союзными армиями. Это было мудрое решение. Через несколько дней положение на англо-французском фронте было восстановлено. 4 апреля немцы вынуждены были приостановить наступление, не достигнув Амьена.

Результаты наступления были таковы: германские армии в некоторых местах продвинулись вперёд до 60 км, образовав глубокий дугу в англо-французской линии фронта; взяли 90 тыс. пленных и большие трофеи. Но несмотря на это немцы не могли прорвать вражеский фронт и разъединить англо-французские армии. Потери немцев были огромны.

¹ Die Ursachen, Reiche 4. Bd. 3, S. 39.

Немецкий историк майор Фолькман так оценивает результаты этого сражения: «Невзирая на внешний успех и замечательные дела армии, великая оперативная цель, которую ставило перед собой верховное командование, всё же не была достигнута. Около 90 дивизий—среди них наиболее боеспособные—истекли кровью в тяжёлых боях. Несмотря на эту колоссальную ставку не удалось ни разбить английскую армию, ни разъединить англичан с французами»¹.

Такой крупный военный специалист, как Дельбрюк, считал даже, что Германия проиграла войну в военном отношении уже в конце марта, когда выяснилось, что тактический успех наступления не был достаточен для его превращения в стратегическую операцию².

9 апреля Людендорф начал новое наступление во Фландрии, между каналом Ли Бассэ и рекой Лис, с общим направлением на Мервиль—Хазебрук. На участке фронта в 40 км шириной немцы бросили в бой 36 дивизий, имея в первые дни решающее превосходство в живой силе и технике над англичанами. Задача этого наступления была такова: отбросить английскую армию к морю и ликвидировать её. Затем предполагалось ликвидировать бельгийскую армию. Задача, как мы видим, была значительно ограничена по сравнению с задачей 23 марта. Участок фронта и количество дивизий были также значительно уменьшены: не хватало сил.

Немцы были уверены, что победа уже в их руках. В начале наступления 9 апреля кайзер отправил Людендорфу поздравительную телеграмму, в которой писал: «На востоке дело завершено, остаётся только закончить борьбу на западе. Теперь вы здесь занесли молот для нового удара, последствия которого, даст бог, приведут нас к нашим великим целям мира».

Немцы опять достигли значительного тактического успеха: 11 апреля пал Армантьер, но уже 13 апреля продвижение вперёд было задержано. 14 апреля кайзер и Гинденбург приказали баварскому кронпринцу Рупрехту взять важное в стратегическом отношении плоскогорье Кассель. Кронпринц Рупрехт сопроводил эту телеграмму следующим замечанием: «Могут ли способствовать эти приказы наступлению, если войска не в состоянии больше наступать... Наступление, по всем признакам, натолкнулось на непреодолимое препятствие. Сомнительно, удастся ли ещё взять плоскогорье. Если это не удастся, то положение на длительное время останется нестерпимым»³. Через десять дней, когда немцам всё же удалось взять 24 апреля важные высоты Кеммель, уныние сменилось чрезмерными восторгами.

Но, как это всё время случалось с немцами в войне 1914—1918 гг., после самых обнадёживающих и раздутых фантазией успехов выступила отрезвляющая действительность. Немцы предполагали, что после взятия Кеммеля они будут иметь дело с одними только англичанами, которых уже считали разбитыми. «Если помощь французов не придёт,—мечтал Гинденбург,—то, пожалуй, Англию ждёт конец во Фландрии».

Но... произошла очередная «неприятность»: «...помощь французов всё же прибыла в самый трудный для Англии момент. 1 мая мы перешли во Фландрии к обороне»⁴.

Немцы не осуществили в сражении во Фландрии ни одной из поставленных перед собой задач. Они пожертвовали 140 тыс. солдат, вбили новый клин в английское расположение глубиной в 15 км в направлении на Хазебрук, но не смогли даже захватить Фламандские горы. Полковник Швертфегер так оценивает результаты этого сражения: «И второе наступление не дало ожидавшегося стратегического успеха. Была создана у Армантьера новая, неудобная для обороны дуга, и противник мог взять новую позицию под фланговый огонь. Свежих сил и новых средств не было в достаточном количестве для нового наступления. Несмотря на тактический успех наше общее положение ухудшилось»⁵.

В это время германский народ и даже лидеры юнкерско-капиталистических партий ничего не знали о действительных результатах двух весенних наступлений. Живые сводки и руководимая начальником разведки полковником Николаи печать кричали об одержанных победах.

В двух весенних наступлениях немцы обескровили 126 своих дивизий (потеряли 339 тыс. человек), но не добились уничтожения английской армии. Однако германское командование не отказалось от этой своей идеи. 27 мая оно начало диверсионное наступление на Шмен-де-Дам, чтобы отвлечь французские резервы подальше от английского участка фронта, а затем броситься на англичан. На фронте в 55 км между Рейсом и Ализе-ле-Шато немцы имели 30 дивизий, а французы—в несколько раз меньше. На участке фронта, намеченном для прорыва, против 12 немецких дивизий находилось всего 3 французские дивизии. Плато Шмен-де-Дам было взято сравнительно легко. В тот же день немцы форсировали реку Эн и достигли реки Бель. Суассон пал. 30 мая немцы достигли реки Марны и форсировали её между Шато-Тьерри и Дорманом. Но 5 июня Гинденбург вынужден был приостановить наступление. Реймс не был взят, что ставило в опасное положение далеко продвинувшуюся вперёд германскую армию. Желая ввести общественное мнение в заблуждение и поддерживать победные настроения в народе,

¹ Volkman E. «Der grosse Krieg 1914—1918», S. 170. Berlin. 1922.

² Die Ursachen. Reihe 4. Bd. 6, S. 73.

³ Kronprinz Rupprecht von Bayern. Bd. 2, S. 382. München. 1929.

⁴ General-Feldmarschall von Hindenburg «Aus meinem Leben».

⁵ Die Ursachen. Reihe 4. Bd. 2, S. 188.

верховное командование заявило 6 июня: «Резервная армия Антанты, на которую враги возлагали столь гордые надежды, больше не существует»¹.

Факты очень скоро разоблачили эту ложь. 9 июня начался второй этап наступления Людендорфа на фронте шириной в 34 км, между Нуайоном и Мондидье, по обеим сторонам реки Уазы с направлением на Компьен—Виллер-Коттре. Немцы бросили в бой 13 новых дивизий, продвинулись местами на 12—15 км в глубину, но 11 июня были остановлены французами. Заняв Шмен-де-Дам, они продвинулись вперёд на 60 км, захватили, по их словам, 85 тыс. пленных и тысячу пушек, но и на этот раз решающего удара союзным армиям не нанесли. «И здесь,— пишет Гинденбург,— неожиданные успехи породили новые надежды и новые цели. Причины того, что они не были целиком достигнуты, заключаются в постепенном истощении предназначенных для этого наступления сил»².

Результаты наступления у Реймса и Суассона были в оперативном отношении плачевными. Французы загородили немцам путь на Париж, а тем временем англичане смогли пополнить потери своей армии и сделать её снова боеспособной. Исход этой битвы оказал различное влияние на верховное командование и на солдаты. Эрих Фолькман пишет по этому поводу: «Благоприятный оперативный результат битвы оживил надежды германского верховного командования и укрепил его решимость продолжать наступление. На фронтовика он, конечно, оказал другое действие... Он ждал, что наступление принесёт окончательное решение. Этого не случилось и в третий раз (во время третьего наступления.— Ф. Н.) несмотря на всю самоотверженность фронтовика, несмотря на все блестящие внешние успехи. Постоянно требовались всё новые усилия, новые жертвы, а конец войны всё не приближался. Разочарование росло»³.

Едва закончилось наступление на Шмен-де-Дам и на реке Маас, как австро-венгерская армия начала наступление в Италии с целью отвлечь англо-французские дивизии на этот фронт. Перешедшие 15 июня в наступление австро-венгерские дивизии не смогли сколько-нибудь продвинуться вперёд на главном направлении по обеим сторонам реки Бренцы. Зато на реке Пиаве они имели в начале наступления успех. Пиава была форсирована в нескольких местах, было взято важное в стратегическом отношении плоскогорье Монтелло и захвачено, по словам австро-венгерской военной сводки, до 21 июня около 40 тыс. пленных. Но 22 июня австро-венгры вынуждены были оставить Монтелло и очистить правый берег Пиавы. Наступление окончилось полной неудачей, и австро-венгры потеряли, по их

собственным признаниям, 100 тыс. человек. Это было последнее наступление австро-венгерской армии, целых два года агонизировавшей после того, как русская армия нанесла ей в 1914 и 1916 гг. смертельные удары.

★

Хотя немцы располагали относительным превосходством в живой силе, им не удалось добиться в течение трёхмесячных наступлений крупного оперативного успеха. Людские резервы уже иссякали. К концу июля превосходство сил, не только численное, но и техническое, начало переходить к армиям Антанты.

Однако, считая вопреки здравому смыслу войну выигранной, германские империалисты принялись за устройство «немецкой Европы». Были спешно заготовлены короли, герцоги и князья для Литвы, Польши, Прибалтики. На Украине был посажен гетман Скоропадский. Хотя Баку ещё не был взят, новые «хозяева» уже распределяли между собой его нефтяные богатства. Был составлен план, согласно которому Советской России должна была отпущаться часть азербайджанской нефти, украинской и кубанской пшеницы, донбасского угля и криворожской руды за соответствующую компенсацию другими видами сырья. Немцы уже в мае прибрали к рукам Австро-Венгрию и низвели её до положения провинции немецкой «Средней Европы». В разгорячённом воображении германских захватчиков рисовалась такая картина: Россия с её колоссальными богатствами является колонией Германии, которая эту колонию «оплодотворяет» своими капиталами, людьми, техникой и культурой. «Владея» русскими пространствами, Германия получает через Персидский залив выход к Индийскому океану, а через Владивосток— к Тихому океану. Отсюда она будет угрожать английским позициям. Отныне у Германии будет выход к двум океанам.

Все буржуазные партии при «критике» социал-демократической фракции с энтузиазмом одобрили в мае и в первой половине июля в главной комиссии рейхстага «немецкий порядок» на Востоке. Германские руководящие круги потеряли окончательно чувство реальности. Когда фон Кюльман заявил 24 июня в рейхстаге, что нельзя будет добиться мира на Западе без содействия дипломатии, то он был немедленно выброшен из министерства, а на его место был назначен адмирал фон Гинце. На совещаниях верховного командования с рейхсканцлером 1—3 июля были определены условия «немецкого мира» на Западе, которые германский империализм уже считал возможным навязать Антанте и США. Накануне последнего германского наступления фон Гинце спросил Людендорфа, уверит ли он в том, что в этом наступлении одержит решительную победу. «На это я отвечаю определённым «да»⁴,— последовал ответ генерала.

¹ «Berliner Lokal-Anzeiger», 7 Juni 1918, Nr. 286.

² General-Feldmarschall von Hindenburg, Op. cit.

³ Volkman E. Op. cit., S. 175.

⁴ «Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes 1918», Nr. 2, S. 7. Berlin. 1926.

15 июля Людендорф начал своё последнее наступление в Шампани и на Марне. Эту мощную операцию проводили 47 пехотных дивизий. Французам ожидали наступления на этих участках и хорошо к нему подготовились. Немецкие военные сводки уже раструбили по всему миру об одержанной победе, о том, что в первый день наступления захвачено 14 тыс. пленных и 50 орудий. Людендорф считал сражение уже выигранным и 16 июля ночью отправился во Фландрию, чтобы лично руководить новым и окончательным наступлением против англичан. Французы, однако, оказали такое сопротивление, что немцы уже 16 июля вынуждены были перейти в Шампани к обороне, а вскоре и начать поспешное отступление на Марне.

«Налицо была опасность,—пишет Гинденбург,—что войска будут напрасно истекать кровью или же, в лучшем случае, понесут такие потери, что едва ли будут затем в состоянии целиком использовать достигнутые успехи. Цель — Шалон — таким образом отодвинулась в неопределённую даль. Исходя из этих соображений, я дал своё согласие перейти в этом месте к обороне»¹.

18 июля совершалось нечто «невероятное», с точки зрения германских иллюзионистов: давно «уничтоженная» Людендорфом резервная армия генерала Фоша, подержанная 350 танками, перешла в контрнаступление у Виллер-Коттре на Суассон. Операция была хорошо подготовлена и оказалась чрезвычайно удачной: к началу августа французы отвоевали большую часть захваченной немцами в мае территории.

Чтобы предотвратить катастрофу, немецкое командование вынуждено было перебросить в район Суассона и Реймса большую часть из 50 дивизий, предназначенных для наступления во Фландрии, которое так и не состоялось. Последняя попытка вырвать победу стоила Германии 160 тыс. солдат (из них 40 тыс. пленными), больше тысячи орудий, 6 тыс. пулемётов и громадного количества военных материалов.

Военно-политический смысл контрнаступления 18 июля состоял, однако, не в этом, а в другом. К этому времени французы и англичане полностью возместили понесённые их армиями в марте — июне людские потери и восстановили их боеспособность. Отныне они были готовы не только к обороне, но и к мощному, длительному наступлению. Американские войска начали появляться всё в большем количестве на передовой линии фронта и показали свои прекрасные боевые качества.

18 июля Германия проиграла войну в военном отношении. Не 8 августа, а именно 18 июля можно считать чёрным днём в истории Германии. Истощив все свои людские резервы, германская армия, обескровленная и морально подавленная, не была уже больше способна к наступлению. Бли-

жайшие недели ещё до 8 августа, т. е. до начала наступления Фоша, показали, что Германия уже не была способна к длительной обороне. «Мы проиграли войну,—пишет фон Куль,—в момент неудачи июльского наступления. После этого речь могла идти лишь о том, чтобы сохранить боеспособность армии, чтобы во время переговоров иметь в руках боевой инструмент»².

Гинденбург и Людендорф всё ещё не признавали, что война проиграна, и, видимо, не сознавали этого. Желая обмануть народные массы, они переименовали поражение в победу. Отступление на Марне военная сводка преподнесла в таком виде: «Задача войск, дравшихся на левом берегу Марны, целиком выполнена; дальнейшее сохранение захваченных там линий бесполезно, и германское руководство теперь перевело войска для выполнения новой военной задачи на северный берег реки»³.

Оба генерала заявили корреспондентам газет в первые дни августа, что хотя план наступления 15 июля «на сей раз не удался», большой беды в том нет, так как уступлена не своя, а вражеская территория. Германская армия борется за уничтожение живой силы врага, а эта цель, сказал Людендорф, уже достигнута. Германское командование держит попрежнему инициативу в своих руках. «Но оперировать,—прибавил Людендорф,—значит передвигаться». Германская армия «передвигается», т. е. отступает под натиском Фоша, чтобы драться на выбранном ею месте. Дело обстояло, по словам Людендорфа, так прекрасно, что после уничтожения живой силы врага оставалось сделать немного: уничтожить волю врага к войне и его боевой дух. «Я попрежнему полон уверенности в хорошем исходе, и мы никому не позволим отнять у нас господство»,—сказал Людендорф. Гинденбург прибавил к сказанному Людендорфом: «Мы все стосковались по миру, но это должен быть почётный мир, и он будет таковым»; если немцы будут и впредь вести себя, как прежде, то «мы этого добьёмся с испытанной старопрусской и немецкой мощью»⁴.

История поражения Германии в первой мировой войне показывает, что современные гитлеровские стратеги с их «эластичной обороной» оказались вполне достойными учениками Людендорфа: они, как и он, ничего не извлекли из уроков истории.

Не признавая реальных фактов, германское верховное командование всё ещё готовилось к «наступлению». На вопрос майора Нимана, находившегося при кайзере для связи со ставкой в начале августа, не следует ли ему подготовить императора к тому, что командование собирается сократить фронт, так как очертание фронта, по его мнению, малоприспособно для обороны, Людендорф возразил: «Оборона? Я надеюсь,

² Die Ursachen, Reihe 4. Bd. 7, Teil I. S. 210.

³ Ibidem, S. 180.

⁴ «Kölnische Zeitung». Erste Morgenausgabe, 3 August 1918, Nr. 712.

¹ General-Feldmarschall von Hindenburg. Op. cit., S. 345.

что мы сможем продолжать наступление на Амьен, как только войска малю-мальски отдохнут»¹. Генерал Фош не дал германским армиям этого отдыха: 8 августа союзные армии неожиданно для немцев начали давно подготовленное крупное наступление в районе Амьена. Наступающие войска поддерживали многочисленные танки, а густой туман затруднял борьбу с ними. Удар предназначался главным образом для 2-й германской армии. В первый день наступления были почти уничтожены 16 германских дивизий: союзные войска захватили 24 тыс. человек и 400 орудий. Германская армия потеряла былую стойкость и была подавлена превосходящими силами противника. «Несчастье стряслось потому, — пишет фон Боze, — что уровень физических и моральных сил солдат был уже таков, что им оказалось не под силу отразить большую атаку; это несчастье приняло грандиозные размеры вследствие того, что 8 августа принесло 2-й армии такую массу трудностей, какие вряд ли когда-либо вставали перед обороной. Германскому командованию пришлось убедиться в горькой истине, что так ясно обнаружившееся во 2-й армии падение боевого духа было не единичным явлением: оно имелось в таких же размерах во всей армии»².

Наступление 15 июля в Шампани показало, что германская армия неспособна больше наступать. 18 июля показало, что она неспособна уже успешно обороняться, а 8 августа раскрыло всему миру, что Германия побеждена на Западе и Востоке.

Как только это стало ясно, союзники Германии, которых удерживали при ней не только вера в её победу, но и смертельный страх перед Германией, теперь отпали от неё, как падают с дерева гнилые яблоки. Как только в Австро-Венгрии почувствовали, что им нечего бояться Германии, центробежные национальные силы разнесли многонациональную монархию в клочья. В конце сентября капитулировала Болгария, а в конце октября — Турция.

Насколько германские империалисты не хотели понять, что они войну проиграли, видно из того факта, что ещё 14 августа на коронном совете, на котором обсуждался вопрос о необходимости начать переговоры с противником, Гинденбург заявил, что переговоры должны вестись на основе аннексии железорудных бассейнов Лонгви и Брие. 12 сентября вице-канцлер Пайер заявил в своей речи, что все захваты на Востоке останутся незыблемыми, что брест-литовский и бухарестский договоры останутся в силе независимо от того, «нравятся ли они или нет нашим врагам»³. А ровно через месяц Германия сдалась на милость победителя.

¹ Hermann von Kuhl «Der Weltkrieg 1914—1918», S. 400. Berlin. 1929.

² Боze Т., фон «Катастрофа 8 августа 1918 года», стр. 266. М. Воениздат. 1937.

³ «Kölnische Zeitung». Erste und zweite Morgensausgabe, 13 September 1918. Nr. 853 und 854.

Следует обратить внимание ещё на следующие факты: когда Гинденбург и Людендорф убедились 29 сентября, что армия сопротивляться больше не может, что дальнейшая борьба может привести к пленению армии или перенесению войны на германскую территорию, они тотчас же решили просить у Вильсона перемирия. Но так как они уже знали, что Вильсон не станет разговаривать ни с ними, ни с правительством Гертлинга, то 30 сентября прогнали старого канцлера. Как известно, в новое, «парламентское» правительство принца Макса Баденского были включены также и социал-демократы.

Вопреки измышлениям фашистских фальсификаторов истории, не до поражения Германии, а уже после того, как германское правительство приняло все условия капитуляции, а именно 2 ноября, восстали матросы в Киле. Революционное движение охватило широчайшие массы лишь 4—5 ноября, и революция в Берлине вспыхнула 9 ноября. Кайзер бежал в ночь с 9 на 10 ноября из ставки в Голландию.

Все эти события происходили после, а не до разгрома германской армии; после того как война была проиграна и Гинденбург и Людендорф признали, что дальнейшая борьба беспредельна; после того как были приняты условия капитуляции и союзники дали согласие на присылку уполномоченных германского верховного командования для подписания формального перемирия.

По перемирию, подписанному 11 ноября, на рассвете, в Компьенском лесу, Германия обязалась: 1) очистить все захваченные ею территории и вернуть Эльзас-Лотарингию Франции, 2) возместить все убытки за причинённые разрушения и грабежи германской армии и администрации в оккупированных областях, 3) выдать весь военный и торговый флот, всю боевую авиацию; передать союзным армиям 5 тыс. орудий, 25 тыс. пулемётов, 500 паровозов, 150 тыс. железнодорожных вагонов и т. д.

Руководящие политические и военные круги Германии жили иллюзиями о близкой победе, заставляя довольно широкие слои германского народа верить, что близок час установления «немецкого мира» в Европе.

Сообразно с этими иллюзиями они строили свою авантюристическую внешнюю политику, пропустив все сроки, когда Германия могла добиться сносного для неё мира, на основе сохранения границ 1914 года.

Навязав Советской России захватнический и грабительский мирный договор, германский империализм считал себя «победителем», но очень скоро обнаружилось, что это была такая же иллюзия, как и все предыдущие, так как награбленное на Востоке ещё надо было закрепить за собой победой на Западе. Когда на западном фронте необходимы были каждый солдат, каждая лошадь и каждое орудие, германскому командованию приходилось держать около 25%

своих вооружённых сил на «ликвидированном» восточном фронте. Брестлитовский мир не избавил Германию от войны на два фронта. Он ускорил разгром Германии летом и осенью 1918 года.

Германию и её союзников в 1918 г. разгромили на поле брани, и они вынуждены были сдать на милость победителя. Львиная доля заслуги и затраченных усилий в разгроме Германии в первой мировой войне принадлежит русскому народу и его вооружённым силам, которые на протяжении 51 месяца войны ни на один день не прекращали борьбы, постоянно истощали, изматывали вражеские силы и обескровливали их: в Польше и в Галиции, в Буковине и на Карпатах, на просторах России и Украины, от Луцка до Курска и от Ростова до Баку. Германские вооружённые силы были перебиты, обескровлены, а затем разбиты, и они капитулировали на чужой территории.

Не германская революция ослабила сопротивление германской армии и всадила ей «нож в спину», когда Германия якобы уже «победила», как это утверждают немецкие фашисты: лишь пять недель спустя после капитуляции началась революция в Германии. Когда германская делегация пробиралась через фронт в Компьен, чтобы подписать капитуляцию, то перед её глазами открылась картина развала и разгрома той самой армии, которая считала себя победительницей мира.

«Во время поездки на фронт, — рассказывал председатель делегации Эрихбергер на заседании учредительного собрания 25 июля 1919 г., — я был глубоко потрясён виденным. Я прибыл на последнюю станцию, отделявшую нас от врага, к одному заслуженному генералу, который, естественно, очень мало знал о том, что происходило внутри страны. Я осведомился о положении на фронте, и он сказал: «У меня две дивизии, в одной 437 человек, в другой 349 человек. Я снова и снова обращаюсь с просьбой о помощи, а мои несчастные люди выбиваются из сил и не получают замены, так как в Германии некем их заменить»¹.

¹ «Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung». Ste-nographische Berichte. Bd. 328, S. 1940. Berlin. 1920.

На вопрос Эрихбергера, как сможет эта горстка людей удерживать фронт, который раньше обороняли 20 тыс. солдат, генерал ответил: «Его невозможно будет удержать, если противник начнёт серьёзное наступление. Это сейчас удаётся потому, что в одной яме, в одном гнезде, вот здесь сидит человек с пулемётом, там сидит полковник с пулемётом, а там ещё один майор с пулемётом. Но если начнётся большой натиск, то, конечно, фронт будет здесь опрокинут и прорван»².

Когда в Германии иссякли источники пополнения солдат, были исчерпаны все экономические, продовольственные и морально-политические ресурсы и не оказалось больше доверчивых людей, способных поддаться победным иллюзиям, то германскому империализму оставалось только капитулировать.

Вторая мировая война неразрывно связана с первой. То, чего германский империализм не смог сделать в 1914—1918 гг., он пытался сделать во вторую мировую войну. Через четверть века после капитуляции гогенцоллернской Германии ни у кого не появляется сомнения в том, что исход второй мировой войны будет ознаменован безоговорочной капитуляцией и гибелью гитлеровской Германии.

Германские фашисты не менее чем их предшественники первой мировой войны плотовиты сейчас по части изобретения иллюзий. После капитуляции Франции они обещали «завоевать» Англию. Когда это не удалось, они обещали «завоевать» Атлантику. Потерпев и здесь неудачу, они бросились в новую авантюру: они вероломно напали в 1941 г. на СССР. За это гитлеровская Германия заплатит жизнью.

Трудно точно определить, когда в современной войне наступят для немцев их «август и сентябрь 1918 г.», но что они не за горами, это теперь, после побед, одержанных Красной Армией на фронте и советским народом в тылу, а также после успешных действий союзников, стало для всех ясно.

² Ibidem.

С. А. ЖЕБЕЛЕВ В РУССКОЙ НАУКЕ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Проф. Московского ун-та А. Мишулин

23 сентября 1943 г. исполнилось 75 лет со дня рождения академика С. А. Жебелева, историка, известного не только в СССР, но и на Западе своими многочисленными исследованиями древнейшего периода истории нашей родины, а также античной Греции и Рима. Учёный с мировым именем, с большими заслугами перед русской и европейской наукой, С. А. Жебелев был горячим патриотом своей родины, участником героической защиты Ленинграда. Здесь он и умер на своём посту 28 декабря 1941 года.

Акад. С. А. Жебелев получил прекрасное систематическое образование. В 1886 г. он окончил классическую гимназию, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Большое влияние на молодого студента оказали лекции профессоров В. И. Ернштедта, В. В. Никитина, И. В. Помяловского и особенно виднейшего знатока классической филологии и античной культуры — Ф. Ф. Соколова. Под влиянием последнего С. А. Жебелев ещё студентом посвятил много времени изучению языков и первоисточников. Древность привлекала С. А. Жебелева, во-первых, потому, что культуру древних Греции и Рима молодой студент рассматривал как исходный пункт развития мировой цивилизации; во-вторых, С. А. Жебелев считал, что именно в области древней истории исторические факты более устоялись и могут быть подтверждены не только литературными текстами древних авторов, но и археологическими памятниками, эпиграфическими и нумизматическими данными. Именно эти взгляды и определили его занятия одновременно археологией и эпиграфикой и литературными свидетельствами древних авторов.

По окончании университета в 1890 г. молодой учёный был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессорской деятельности.

С. А. Жебелева не удовлетворяло только книжное знание, хотя по знанию источников и литературы предмета он был исключительно эрудированным специалистом: молодой учёный читал курсы по истории Греции, греческой культуры, писал об античной археологии, давая интересное описание дошедших до нас памятников древности. Приступив к чтению курсов о древ-

них памятниках искусства, С. А. Жебелев отправился изучать памятники древности в Афины, на острова Эгейского моря, в Малую Азию, в Италию и в важнейшие музеи Европы. Приобретённые таким путём точные знания в области древней истории и археологии дали возможность С. А. Жебелеву выступать впоследствии на международных археологических конгрессах в качестве делегата от русской исторической науки (в Афинах в 1905 г.).

Молодого, но уже сформировавшегося учёного занимали более всего памятники греческой эпиграфики, или надписи. На изучении этих памятников построены были главные труды С. А. Жебелева: кандидатская диссертация — «Религиозное врачевание в древней Греции», 1893 г.; магистерская — «Из истории Афин, 229—31 г. до н. э.», 1898 г.; докторская — «В области древностей провинции Ахайи», 1903 год.

Остановимся сначала на характеристике больших работ С. А. Жебелева. Первое большое исследование его называлось «Из истории Афин, 229—31 г. до н. э.» и было посвящено истории падения Афин и окончательной потери ими своей политической независимости. Как правильно заметил ещё акад. В. П. Бузескул, это исследование «стояло в связи с общим направлением исторической науки, со стремлением изучать историю масс, а не только «великих людей», не только «деяния», но и состояние, бытие»¹.

Эти справедливые слова свидетельствуют о том, что прогрессивное направление в науке, оформившееся с конца XIX в., охватило своим влиянием и С. А. Жебелева. Широкие научные интересы толкают молодого учёного к изучению больших социальных и политических проблем. Одной из таких проблем явилась история Афин 229—31 г. до н. э. Ей посвящён труд С. А. Жебелева, носящий это название. Для С. А. Жебелева весь интерес проблемы заключался в том, что её раскрытие должно было осветить тот тёмный период древнегреческой истории, с которым связана последняя попытка Афин восстановить свою традиционную демократию и полити-

¹ Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России», Ч. 2-я, стр. 144, Л. 1931.

ческую независимость эллинских городов-государств.

Внутренняя социальная борьба, внешне-политические союзы, условия, сочетавшие внутренние и внешние явления в жизни афинского и всего греческого общества,— всё это становится предметом исследования С. А. Жебелева, стремившегося ответить на основной вопрос — о причинах падения Греции и утраты ею политической независимости. И автор блестяще разрешает эту проблему. Не внешние явления, не случайности исторической обстановки объясняют закономерность того процесса, который приводит Грецию к закату её самостоятельной политической жизни. Автор привлекает к объяснению этой проблемы действительные и решающие силы афинского общества — кризис рабовладельческого общества, настроения масс, их социальную борьбу и зависимость этих явлений от внешней политики Македонии, а потом и Рима, измотавших и без того ослабленные силы греческого общества, в том числе и Афин.

Эта работа С. А. Жебелева интересна как актуальностью темы, так и методом исследования. Литература по этой теме была бедна, литературных свидетельств недостаточно. Вопрос считался совершенно не разработанным и неинтересным. С. А. Жебелев привлёк совершенно новый и весьма трудный для исследования материал: греческие эпиграфические памятники — надписи, которые, по собственному выражению автора, суть «краеугольные камни всей науки классической древности». Эти надписи открывались в различное время, публиковались в различных книгах, но нигде не была дана их систематическая разработка. Публикация этих надписей была связана с массой допущенных при их чтении ошибок, которые впервые в ходе исследования исправлялись автором работы «Из истории Афин, 229—31 г. до н. э.». Нет «возможности перечислить целые десятки, даже сотни случаев, где он при обычном критическом отношении исправляет существенные и менее существенные ошибки и неточности Курциуса, Дройзена, Диттенбергера, Гартгаузена, К. Ф. Германа, Герцберга, Омоля, Келера, Лоллиига, Г. Моммзена, Низе, Рейнака и многих других», — писал в своё время акад. А. В. Никитский, посвятивший разбору книги С. А. Жебелева более 40 страниц в Журнале министерства народного просвещения за 1899 год. Эта работа С. А. Жебелева вызвала большой интерес не только в Петербурге и в Москве: она получила широкую известность и за границей.

В разработке материала греческих надписей молодой ещё специалист, каким тогда был С. А. Жебелев, сумел отточить метод своей работы, метод скрупулёзного и критического изучения материала эпиграфики. Избрав трудную тему для магистерской диссертации, автор сумел преодолеть все трудности, стоявшие на пути. Основатель русской школы эпиграфики проф. Ф. Ф. Со-

колов, выступавший оппонентом на защите этой диссертации, назвал книгу С. А. Жебелева «прекрасной книгой, украшением нашей научной литературы».

Продолжением работы по истории Греции в том же плане выяснения причин падения греческой независимости и превращения Греции в римскую провинцию является докторская диссертация С. А. Жебелева на тему «Achaïka» (в области древностей провинции Ахайи). Тот же материал надписей служит для автора основным видом источников. И в этой области не было сколько-нибудь значительных работ, кроме общих трудов Моммзена (т. V), Фиялея и Герцберга о Греции под римским владычеством. Специальная литература состояла из небольших справочных статей в немецких и итальянских словарях (например статья Брандиса у Паули-Виссова и Руджьеро в «Эпиграфическом словаре»). Источники находились также в несистематизированном виде. С. А. Жебелев, однако, не испугался трудностей в научном исследовании. Он собрал большой материал об Ахайе. В основном это опять материал надписей, но параллельно с ним привлекался и литературный, монетный и археологический. В своей докторской диссертации С. А. Жебелев выступает перед нами не только как недюжинный историк, но одновременно и как эпиграфист, филолог и археолог. Собрать столь значительный и разнообразный материал, автор нового труда по-новому подошёл и к выводам о состоянии Греции после 146 г., т. е. после разрушения римлянами Коринфа и открытого вторжения их в жизнь греческих городов-государств.

По установившемуся до С. А. Жебелева представлению, вся Греция с 146 г. под названием Ахайи составляла часть провинции Македонии и, следовательно, подчинялась Риму. С. А. Жебелев доказывает, что «Ахейская война», закончившаяся до 146 г. разрушением Коринфа, привела к включению в македонскую провинцию лишь земель Коринфа, Фив и Халкиды. И только значительно позже к составу этих земель, т. е. первоначальному зерну провинции Ахайи, были присоединены земли Ахейского союза в целом. Превращение же всех прочих греческих земель в римскую провинцию Ахайю совершается уже в 30-х гг. I в. до н. э., в эпоху Августа.

Особенностью этого труда является внимательное изучение внутренней муниципальной жизни греческих общин. И лучшую оценку правильной постановке этой проблемы в диссертации даёт чл.-корр. АН СССР проф. И. И. Толстой в своей прекрасной статье, посвящённой 50-летию научной деятельности акад. С. А. Жебелева: «Свобода», т. е. право самостоятельной организации государственной власти у греков после 145 г., не была отнята римлянами, и в течение всего республиканского периода греческие общины сохраняли своё самоуправление: разбирая материал эпиграфических памятников вплоть до времени Диоклетиана, С. А. не раз обращает внима-

ние на то, что различные общины, входившие в состав позднейшей провинции Ахайи, пользовались самоуправлением и продолжали сохранять каждая свою особую политическую организацию. Оценивая, однако, изучаемые им явления по существу, С. А. показал на ряде примеров, как эта внешне устойчивая политическая организация греческих общин постепенно теряла своё внутреннее содержание и становилась пустой, бессодержательной формой»¹. «Нигде положение Греции после 146 г. не представлено с такой ясностью», — говорил строгий критик этого труда проф. Ф. Ф. Соколов, учитель С. А. Жебелева и воспитатель целой школы русских эпиграфистов.

С. А. Жебелев испытывал чувство благоговения перед историческим фактом. И это чувство историка он сформулировал в положении: «Я фактопоклонник». Но, зная цену историческим фактам, С. А. Жебелев отнюдь не переоценивал их. В личных беседах, в дружеских разговорах он предостерегал от формального знания фактов, «Факты нужно не только знать, но и понимать их», — любил говорить С. А. Жебелев, как бы подчёркивая разницу между формальным и творческим знанием, между историком словарных познаний и настоящим исследователем, пример которого являл собою сам С. А. Жебелев.

На вышеприведённых мыслях учёного мы остановились потому, что они, в сущности, объясняют наличие множества небольших статей С. А. Жебелева, которые представляют собою исследовательские миниатюры об отдельных исторических фактах. Статей такого рода, вносящих в науку не формальное знание, а свежую мысль, дававших новое толкование и правильное понимание давно известных фактов, у С. А. Жебелева более двухсот. Среди них — работа о декрете в честь Днофанта, получившая мировую известность. Известно, что новое толкование и чтение этого декрета вскрыло совершенно новый факт в древнейшем периоде истории СССР — восстание Савмака в конце II в. до н. э. в Боспорском царстве. Из миниатюр С. А. Жебелева заслуживают внимания и такие, как «Афина и Афины», «Парфенон в «Парфеноне», «Асклеиады и жрецы Асклепия», «Киренская конституция», «Фрагмент Элевсинской надписи» и другие². В этих небольших статьях-исследованиях, как выше уже было отмечено, речь идёт не о новых фактах, а о новом понимании этих фактов в соответствии с девизом автора: «Факты нужно не только знать, но и понимать их». Как это осуществлял С. А. Жебелев в своей творческой работе историка-исследователя, можно показать на примере его статьи «Парфенон в «Парфеноне»³. Формальная филология утверждала, что Парфенон своё

название получил от сакрального прозвища богини Афины «Дева» (по-гречески — партенос). В своей статье о Парфеноне, написанной в 1939 г., С. А. Жебелев опроверг такой формальный подход. Он доказал, что Парфенон название своё получил не от сакрального прозвища богини Афины, как это думали до сих пор. «Официальное прозвище богини Афины, засвидетельствованное бесчисленным множеством афинских эпиграфических документов, было «защитница города» (Полиада), и основная цела Акропольского храма богини, в которой стояла её культовая статуя, называлась не Парфеноном, а «Гекатомпедом», название же «Парфенон» дословно — «девичья», перешедшее впоследствии и на весь храм в целом, первоначально носило другое, находившееся в задней части храма и отделённое от Гекатомпеда глухой стеной помещение меньших размеров, в котором находилась ткацкая мастерская, отведённая афинским «девушкам», изготовлявшим священный пеплос богини»⁴. Так сжато, но весьма точно были сформулированы большие результаты этого маленького исследования чл.-корр. АН СССР И. И. Толстым, известным специалистом по классической филологии, принявшим это новое понимание известного факта.

Особые заслуги имеет С. А. Жебелев перед русской историографией в изучении античных культур Северного Причерноморья. Очаги греческой культуры на юге России давно интересовали русскую науку. Открытия археологических памятников, надписей, различных украшений создали целую науку о греческих колониях Северного Причерноморья. И эта наука, как и изучение древних скифов (скифология), отразивших своё обратное влияние на греческие колонии юга СССР, занимала в мировой науке издавна одно из первых мест. Без трудов русских учёных, особенно Латышева (изданный им свод греческих надписей Причерноморья в нескольких томах приобрёл международную известность) и Ростовцева, до сих пор нельзя приступать к изучению таких культурных образований, как Ольвия (в устьях Буга), Херсонес (у Севастополя), царство Боспора с центром в Понтикапее (Керчь).

Громадный вклад в науку об античных цивилизациях юга СССР сделал и С. А. Жебелев. Его работы по размерам незначительны, но по значению велики. Число таких его работ — около ста⁵. Они касаются Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства. Туземное население являлось немаловажным фактором политического развития греческих городов на Причерноморье, и учёт его местной (скифской) культуры бросает свет на своеобразие стиля открытых в своё время памятников материнской культуры юга России.

¹ «Вестник древней истории» № 1 за 1940 г., стр. 163.

² Там же, стр. 177—187. Список печатных трудов С. А. Жебелева.

³ Там же, № 2 за 1939 год.

⁴ Там же, № 1 за 1940 г., стр. 163.

⁵ Там же, стр. 177—187. Список печатных трудов С. А. Жебелева.

В работе С. А. Жебелева «Милет и Ольвия»¹ выясняются взаимоотношения этих двух полюсов и одновременно даётся полностью текст договора между Милетом и Ольвией, интересный как по существу, так и с точки зрения тех форм международного права греков, которые слагались в процессе внешних связей греческих городов-государств. По устанавливаемой С. А. Жебелевым датировке, этот договор относится приблизительно к моменту осады Ольвии полководцем Александра Македонского Зоуприоном в 331 г. до нашей эры.

Изучая древнейшие очаги культуры на юге СССР, С. А. Жебелев не мог не коснуться истории Херсонеса. Его работа «Возникновение Херсонеса Таврического»² также даёт новое понимание давно известных фактов. Анализ источников позволяет установить, что основание Херсонеса относится ещё к VI в. до н. э. и что он первоначально был теосской торговой факторией. Другая работа — «Херсонесская присяга»³ — также посвящена Херсонесу. В этой работе, как и в предшествующих, филологическое исследование сочетается с новым историческим построением на основе анализа текста надписи, так называемой «Херсонесской присяги». Автору данной работы впервые удалось указать на значение присяги как документа, отражающего внутренние социальные потрясения, борьбу классов и партий в Херсонесе того времени.

Больше же всего С. А. Жебелев посвятил времени изучению истории Боспора с его центром в Понтикапее. И это понятно, ибо Боспорское царство было самым значительным политическим образованием на территории СССР в античную эпоху.

Первым значительным исследованием этого вопроса явилась работа «Возникновение Боспорского государства»⁴. Здесь С. А. Жебелев исследует начальную фазу греческой колонизации крымского побережья и обстоятельства возникновения главных городов Боспора — Понтикапеи, Фанагории, Феодосии и др.

Из дальнейшей глубокой разработки истории Боспорского царства рождаются новые работы: «Основные линии экономического развития Боспорского государства»⁵ и «Боспорские этюды»⁶.

Изучение Боспора приводит исследователя к ряду весьма важных и ранее не фиксированных выводов. Во-первых, С. А. Жебелевым было установлено, что политическое развитие Боспорского царства не могло осуществляться без тесной экономи-

ческой связи с туземным населением, «варварами», а под этим именем фигурировали у греков скифы и сарматы. Более того, С. А. Жебелев пришёл к выводу, что туземцы являлись весьма значительным фактором в политической и культурной жизни Боспора. Таким образом, следует говорить о Боспоре не как о греческом, а как о скифо-греческом или сармато-греческом государстве. Происходила не только этническая диффузия греков и «варваров», но и культурная, отражающаяся на своеобразии стиля памятников искусства древнего Боспора. Мотивы местные, идущие от скифов и сарматов, нашли своё отражение в творчестве тех памятников материальной культуры, которые дошли до наших дней и поражают нас своей оригинальностью. «Тем самым вопросы изучения Северного Причерноморья оказались выведенными из сферы интересов относительно узкого круга специалистов»⁷.

Весь талант и исключительная эрудиция С. А. Жебелева выступают в его исследовании «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»⁸. Эта работа, вышедшая в 1933 г., сразу обратила на себя внимание учёного мира и у нас и за границей. Через несколько лет она была издана во Франции и во второй раз перепечатана в «Вестнике древней истории» (№ 3 за 1938 г.). В основе этого исследования лежит текст херсонесской надписи в честь Диофанта, полководца Митридата Понтийского. Новое филологическое толкование текста, новый смысловой анализ некоторых греческих понятий, в особенности глаголов, дали возможность автору исследования сделать новое историческое построение. Ниже мы приведём декрет в честь Диофанта в новом переводе С. А. Жебелева, и нам будет ясно всё значение сделанного учёным открытия:

«Когда скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв (в Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны (следующего года) прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) на трёх судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией и Понтикапеей, наказал виновников восстания, Савмака же — убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (т. е. в Понт) и снова приобрёл власть (над Боспором) для царя Митридата Евпатора».

Новое чтение фрагмента убедительно доказывало, что Савмак — не царский воспитанник, а выкормленный раб, притом скиф по происхождению. Таким образом, перед нами

¹ «Известия Академии наук СССР» за 1929 г. Т. XII, сер. 6, стр. 427—435.

² Доклады Академии наук СССР. Вып. 9-й, стр. 157—162.

³ «Известия Академии наук СССР» № 10 за 1935 г., стр. 913—939.

⁴ Там же, № 10 за 1930 г., стр. 799—820.

⁵ Там же, № 8 за 1934 г., стр. 589; № 9, стр. 661 и далее.

⁶ «Известия Академии истории материальной культуры». Вып. 104-й, 1935.

⁷ «Вестник древней истории» № 1 за 1940 г., стр. 170.

⁸ «Известия Академии истории материальной культуры». Вып. 70-й, 1933.

вырисовывается никем не подмечавшийся факт восстания боспорских рабов, поднявшихся против своих угнетателей. Это восстание явилось государственным переворотом, ибо Савмак был провозглашён вождём (царём) восставших рабов, скифов по происхождению (найлены монеты с изображением Савмака). Подавление восстания было длительным и далось Диофанту нелегко. «Таким образом,— писал С. А. Жебелев,— восстание боспорских рабов отличается от прочих одновременных с ним восстаний тем, что в нём объединилось открытое проявление обострённой классовой борьбы с элементами национально-этнического движения». В другом месте автор заключает, что «восстание скифских рабов на Боспоре представляет особый интерес как первое революционное восстание угнетённых против их угнетателей в античных колониях на территории СССР»¹.

Это открытие имеет большое научное значение, ибо оно показывает на стремление скифов южнорусских степей к большому и мощному политическому объединению. Уже до этого восстания в Крыму образовалось скифское государство Скигура и Палака. Освободительное движение народов юга СССР во II в. до н. э. разрослось и поставило перед собой цель—сбросить владычество рабовладельческих колонизаторов в районе Боспорского царства, находившегося на поводу Митридата, царя Понта. Самый факт массового наступления во главе с Савмаком свидетельствует о том, как почти одновременно с подготовкой кельтскими и германскими племенами удара по рабовладельческому Риму на Западе здесь, на Востоке, скифо-славянские племена готовили мощный удар по умиравшей рабовладельческой цивилизации.

«Статья С. А. Жебелева,— писал акад. Б. Д. Греков,— прозвучала как сигнал. Смысл этого призыва поняли прежде всего его ученики. Не могли не откликнуться и историки славянства и, в частности, восточного славянства, преимущественно связанного с племенами скифскими. Получилась возможность широкого построения судеб нашей страны в далёкий докиевский период её истории в связи с фальшю «варварского» мира в Европе, получилась возможность осмысления того тёмного периода нашей истории, который предшествует нашему феодальному средневековью»².

Таково значение наиболее интересной работы С. А. Жебелева.

Широка и разнообразна была деятельность этого неутомимого учёного. Его зна-

ние древних языков позволило ему дать нашей отечественной науке замечательные переводы таких политических трактатов древности, как «Политика» Аристотеля, «История Пелопонесской войны» Фукидида и «Законы» Платона. За свои научные заслуги С. А. Жебелев в 1914 г. был избран чл.-корр. Академии наук, а в 1927 г. — действительным её членом.

Не только чисто учёная деятельность характерна для С. А. Жебелева. Он занимался также научно-организационной работой. С 1903 по 1918 г. С. А. Жебелев был редактором отдела классической филологии Журнала министерства народного просвещения. В тяжёлые годы гражданской войны он занимал ответственные посты: декана историко-филологического факультета в 1918—1919 гг., ректора Ленинградского университета в 1919 году. Одновременно будучи заместителем председателя Комитета по охране памятников искусства и старины, С. А. Жебелев тщательно оберегал сокровища Государственного Эрмитажа, председателем Учёного совета которого он состоял с 1920 года.

С. А. Жебелев прошёл плодотворную школу петербургского профессора Ф. Ф. Соколова, при этом ученик наследовал все достоинства своего учителя и сам стал учителем большой школы историков. Некоторые из его учеников — члены и корреспонденты АН СССР, видные исследователи и профессора. Достаточно назвать И. И. Толстого, С. Я. Лурье и др. Более молодое поколение — Д. П. Калистов, А. И. Болтунова и др. являются видными работниками Академии по древней истории.

С. А. Жебелев очень любил свой родной Ленинград. Там и застала его Великая отечественная война. Партия и правительство назначили его руководителем по эвакуации научных учреждений Ленинграда. С. А. Жебелев оставался на посту до последнего своего вдоха. Ему предлагали в тяжёлые дни ноября — декабря 1941 г. эвакуироваться из Ленинграда, но Сергей Александрович считал, что он не вправе это сделать. Оставляя свои академические учреждения, своих питомцев, материалы, с которыми он был связан всю свою жизнь, он считал невозможным. Организм 75-летнего учёного не выдержал тягот войны, и в ночь на 28 декабря 1941 г. С. А. Жебелева не стало.

В 1940 г. советская наука отмечала 50-летие общественно-научной деятельности акад. С. А. Жебелева. Юбилею было посвящено немало научных заседаний и статей, характеризующих его огромную и многогранную деятельность как учёного и гражданина. Партия и правительство присудили ему высокое звание заслуженного деятеля науки (27 декабря 1940 г.). Ровно через год, в декабре 1941 г., историческая наука СССР потеряла своего виднейшего учёного. Имя С. А. Жебелева войдёт навсегда в русскую историографию по древней истории.

¹ «Вестник древней истории» № 3 за 1938 г., стр. 71

² Там же. № 1 за 1940 г., стр. 175.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В. И. ЛЕНИН И РУМЯНЦЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

(Ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина)

В. Эйнгорн

Уже в первые годы своей кипучей революционной деятельности Владимир Ильич Ленин во время редких и кратковременных остановок в Москве работал в библиотеке Румянцевского музея, которую москвичи называли сокращённо Румянцевской библиотекой. Во время переезда из Самары в Петербург Владимир Ильич пробыл некоторое время в Москве и посещал библиотеку. 26 августа 1893 г. в книге собственноручных записей читателей библиотеки под № 236 он написал своим мелким, но чётким почерком: «Владимир Ульянов, помощник присяжного поверенного, Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3»¹.

Даже во время весьма непродолжительного пребывания в Москве в феврале 1897 г., перед отправкой в ссылку, Владимир Ильич проработал несколько дней в Румянцевской библиотеке².

После переезда в 1918 г. из Петрограда в Москву Владимир Ильич продолжал пользоваться книгами Румянцевской библиотеки. Сохранилась собственноручная записка Владимира Ильича от 1 сентября 1920 г., в которой он просил выдать ему несколько книг по истории греческой философии, ряд философских словарей и словарь греческого языка³.

Вот текст требования Владимира Ильича на одно из сочинений Гегеля, относящегося к 28 июня 1921 года:

«В Румянцевский Музей

Прошу выдать мне книгу Гегеля «Логика» для временного пользования. Доверяю получить таковую самокатчику т. Лачугину. Предсовнаркома Ленин».

Владимир Ильич, как известно, придавал большое значение библиотечному делу. Гигантская работа по укреплению Советского государства, борьба с внутренними врагами народа и интервентами не мешали Владимиру Ильичу заботиться о сохранности

книжного фонда Румянцевской библиотеки. Эта забота особенно ярко проявилась во время конфликта библиотеки с некоторыми народными комиссариатами, переведёнными в Москву: они обращались в Румянцевскую библиотеку с требованиями высылать им в большом количестве официальные издания для пользования в помещении комиссариатов.

27 апреля 1918 г. Учёная коллегия Румянцевского музея обратилась в Совнарком с ходатайством—предложить народным комиссариатам присылать в Румянцевскую библиотеку для наведения справок своих сотрудников и только в исключительных случаях получать из библиотеки книги, и то лишь с разрешения Управления делами Совнаркома. Свой отказ выполнять требования комиссариатов о высылке им официальных изданий Учёная коллегия обосновывала тем, что отсылка изданий в какой-либо комиссариат лишает возможности пользоваться ими в библиотеке другие комиссариаты, научные учреждения и частных лиц. Кроме того при отсылке изданий не исключена была возможность их утери, которая была бы непоправимой, так как издания имелись в библиотеке в одном экземпляре⁴.

Владимир Ильич отнёсся с большим участием к ходатайству Румянцевского музея. Уже 10 мая 1918 г. это ходатайство было заслушано на заседании Совнаркома, который постановил послать в Румянцевскую библиотеку распоряжение: «Никаких книг никому не выдавать на руки»⁵.

Когда в 1918 г. для работ мирной делегации на Украине понадобились карты и книги по географии и диалектологии России, Владимир Ильич разрешил «ввиду исключительной государственной важности», как исключение из общего правила, выдать делегации нужные ей карты и книги на определённый срок⁶. Не довольствуясь этим

¹ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 17, д. № 2361, л. 12.

² Об этом мне сообщил бывший директор Румянцевского музея А. К. Виноградов, который получил эти сведения от сестры Владимира Ильича—Анны Ильиничны Елизаровой. На одном из столов главного читального зала был помещён плакат с надписью о том, что здесь занимался Владимир Ильич в феврале 1897 года.

³ Подлинник записки передан в Музей Ленина.

⁴ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 1, д. № 803, ч. II, л. 13.

⁵ Там же, л. 17.

⁶ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 1, д. № 803, ч. II, л. 25. Отношение Совнаркома от 26 июня 1918 г. за № 4597, подписанное Владимиром Ильичём. Подлинник отношения в январе 1936 г. передан в Музей Ленина.

указанием. Владимир Ильич прислал в Румянцевскую библиотеку следующую записку: «Копию списка книг и документов, выданных т.щущ... прислать в Упр. делами СНК. Ленин».

Очень много сделал Владимир Ильич для пополнения книжного фонда Румянцевской библиотеки. 4 сентября 1919 г. Владимир Ильич подписал декрет Совета народных комиссаров¹ о передаче из бывших частных библиотек, отданных в общественное пользование или оставленных во временном распоряжении прежних владельцев, всех книг, представляющих большой исторический, учёный и литературный интерес, в специальные общественные книгохранилища — в Румянцевский музей и т. п.

Второй пункт этого декрета гласил: реквизировать и передать в пользование и распоряжение соответствующим просветительным учреждениям все библиотеки, на которые выданы охранные грамоты их прежним владельцам, не нуждающимся в этих библиотеках для своих профессиональных занятий.

Основываясь на этом декрете, Румянцевская библиотека разослала по всей стране эмиссаров, которые разыскивали и свозили в своё книгохранилище наиболее ценные книжные собрания. В Румянцевскую библиотеку нахлынула огромная лавина книг — реквизированных, конфискованных, бесхозных. 400 больших и малых библиотек влилось в то время в книгохранилище Румянцевской библиотеки, спасено было почти два миллиона книг².

Владимир Ильич не ограничил заботу о Румянцевской библиотеке предоставлением ей возможности в значительной степени пополнить свою наличность. Он настоятельно требовал, чтобы собранные библиотекой книжные сокровища стали доступны массовому читателю. 12 декабря 1921 г. Совнарком вынес постановление, которое сделалось основным законом Румянцевского музея и его библиотеки. Привожу полный текст этого замечательного примера заботы Владимира Ильича о Румянцевской библиотеке:

«1. Обязать Государственный Румянцевский Музей иметь все вышедшие и выходящие в России произведения печати.

2. Обязать все ведомства, учреждения, организации и частные издательства безвозмездно снабжать Государственный Румянцевский Музей, независимо от установленного порядка снабжения через посредство Книжной Палаты, всеми издаваемыми ими печатными произведениями и материалами, а также печатными документами как секретного и специального, так и общего характера в одном экземпляре.

¹ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 14, л. № 1, л. 405. 1922.

² Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник. Вып. 1-й. Изд. библиотеки, стр. 7—8. М. 1928.

3. Предоставить Государственному Румянцевскому Музею право самостоятельных покупок на вольном рынке книг, коллекций, предметов научно-художественного характера, — для пополнения библиотеки и Музея — в изъятие из существующего правила о выжидательном сроке отказа органов государственного снабжения.

4. Обязать Наркомпрос из назначаемых ему ежемесячно бронь дензнаков обеспечивать бронировкой все общие и сверхсметные кредиты Румянцевского Музея в полной мере его действительной потребности.

5. Признать за Государственным Румянцевским Музеем право на тарифные ставки для своих работников по нормам, установленным для предприятий особой государственной важности, с применением внеклассных ставок, утверждаемых установленным порядком.

6. Обязать Наркомпрос снабдить служебный персонал Г.Р.М. необходимым количеством пайков.

7. Закрепить за Музеем предоставленные в его распоряжение дома и помещения и поручить ЦЖО отвести для Музея Нарковедения подходящее здание.

8. Обязать Р.М. к 1-му июня 1922 г. привести в порядок все книжные резервы, представляющие возможность их использования.

9. Поручить Наркомпросу совместно с ВЧК разработать инструкцию о порядке хранения и пользования секретными материалами и документами».

Работники библиотеки неоднократно обращались к Владимиру Ильичу за помощью. Когда выяснилась крайняя необходимость пополнить те пробелы в библиотечной наличности по иностранной научной литературе, которые образовались во время первой мировой империалистической войны и блокады, руководители библиотеки, минуя Наркомпрос, 28 ноября 1921 г. обратились непосредственно к Владимиру Ильичу с просьбой ассигновать весьма крупные суммы (в рублях довоенного времени 135 тыс.), с рассрочкой на три года³. Ходатайство Румянцевской библиотеки было удовлетворено: в смету 1922—23 г. была внесена нужная сумма для пополнения библиотечной наличности иностранной научной литературой⁴.

Переданное государству в 1828 г.⁵ книжное собрание графа Румянцева более 30 лет находилось в Петербурге и только в 1861 г. было перевезено в Москву⁶.

До перевода Румянцевской библиотеки в Москву она насчитывала всего 28 512 то-

³ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 1, д. № 868, ч. II, лл. 393—394.

⁴ Сборник. Вып. 1-й, стр. 17.

⁵ Второе полное собрание законов. Т. III, стр. 325.

⁶ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 1, д. № В, л. 126.

мов¹, но в Москве её книжная наличность стала быстро увеличиваться благодаря бесплатной доставке вновь выходящих изданий согласно положению о Московском публичном и Румянцевском музеях от 19 июня 1862 г.², а также благодаря многочисленным пожертвованиям и отчасти покупке³. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции, через 55 лет после перевода библиотеки в Москву, она насчитывала уже полтора миллиона томов; это было очень большое книжное собрание⁴ местного, московского значения⁵. За первые шесть лет (1918—1923) существования советской власти библиотека приобрела около 2 миллионов книг. И по количеству томов и по полноте подбора книг библиотека превратилась в центральное книгохранилище всего Советского Союза, заняла почётное место среди мировых библиотек⁶.

Библиотека насчитывала более 3 миллионов томов, и в этой массе совершенно затерялись 28 512 томов, собранных графом Румянцевым. Но, тем не менее, библиотека носила название Румянцевской, и над одним из входов в её здание — знаменитый Пашков дом — сияла большими золотистобронзовыми буквами та же самая надпись, которая была на здании Румянцевского музея в Петербурге: «От государственного канцлера графа Румянцева на благо просвещение». Эта надпись не соответствовала действительности: новое книгохранилище было создано под руководством великого народного вождя Ленина, при участии всего народа. Это несоответствие сознавал коллектив сотрудников Румянцевской библиотеки. Ещё 17 апреля 1920 г. Учёная коллегия Государственного румянцевского музея приняла единогласное решение о преобразовании Румянцевской библиотеки во Всероссийскую публичную библиотеку.

24 января 1924 г., через три дня после смерти Владимира Ильича, коллегия Наркомпроса постановила: «Переименовать Ру-

¹ Отчёт по Московскому публичному и Румянцевскому музеям от времени основания его до 1 января 1864 г., стр. 139. СПб. 1864.

² Там же, приложение А, стр. 147, р. 2.

³ Путеводитель за 1823 г., стр. 48, 49, 81. Статья проф. Ю. В. Готье.

⁴ Сборник. Вып. 1-й, стр. 5.

⁵ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 14, д. № 1, л. 51; 1924.

⁶ Сборник. Вып. 1-й, стр. 5.

мянцевскую библиотеку в Российскую Публичную библиотеку имени Владимира Ильича Ульянова (Ленина)»⁷.

5 февраля 1924 г. нарком по просвещению А. В. Луначарский обратился во Всероссийскую библиотеку имени В. И. Ленина с письмом следующего содержания: «Библиотека Ваша, фактически играющая более центральную роль, чем даже Публичная библиотека Ленинграда, по постановлению Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению получает высокое наименование Всероссийской библиотеки имени Ленина. Правительство уверено, что это высокое отличие вызовет повышенную энергию со стороны персонала, на ответственности которого лежит забота о Библиотеке и её развитии; правительство сделает всё необходимое для обеспечения Библиотеке роли не только Всероссийского библиотечного центра в пределах РСФСР, но и центра Всесоюзного. Мы все помним, с каким глубоким интересом относился покойный великий вождь пролетариата к библиотечному делу, и мы твёрдо уверены, что под знаменем его имени библиотека развернётся мощно, будет держаться близко к народному читателю и окончательно станет одним из оплотов культурного строительства нашей первой в мире социалистической родины»⁸.

10 февраля 1925 г. Президиум ЦИК Союза ССР, заслушав сообщение «О переименовании Государственной Румянцевской Публичной Библиотеки во Всесоюзную Публичную библиотеку имени В. И. Ленина», постановил: «Румянцевскую Публичную библиотеку переименовать в Публичную Библиотеку Союза ССР имени В. И. Ленина, сохранив при ней отдельный кабинет имени Румянцева для хранения пожертвованных последним книг»⁹.

В 1940 г., в семидесятую годовщину со дня рождения великого вождя пролетариата всего мира Владимира Ильича Ленина, Библиотека имени В. И. Ленина украсилась прекрасной мемориальной доской из белого мрамора; на этой доске под бронзовым барельефом Ленина — надпись: «Владимир Ильич Ленин занимался в 1893 г. в библиотеке Румянцевского Музея». Мемориальная доска находится рядом с той дверью, через которую Ленин входил в библиотеку.

⁷ Общий архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, оп. 14, д. № 2, л. 16. 1924.

⁸ Там же, л. 25а.

⁹ Там же, д. № 1, л. 66. 1925.

ВЕРОЛОМСТВО ПРУССИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В 1812 ГОДУ

Проф. Московского ун-та Н. Завиш

Немецкая историография затратила немало усилий для того, чтобы оправдать вероломную политику Пруссии в 1812 г., во время Отечественной войны России против Наполеона. Несмотря на то что, как это не раз подчёркивал сам Наполеон, Пруссия была обязана России самым фактом своего существования, а русское оружие и русская дипломатия неоднократно её спасали, — Пруссия в 1812 г. заключила союз с Наполеоном, против России. При этом Пруссия предоставила в распоряжение Наполеона 20-тысячный корпус, участвовавший в русской кампании, хлопотала о территориальных приращениях за счёт России на случай совместной с Наполеоном победы и во всём обнаружила величайшую угодливость перед угнетателем и душителем народов Европы.

Нельзя не изумляться самодовольству и самомнению немецких историографов, взявшихся за выполнение столь неблагодарной задачи. Следует учесть, что в Германии историческая мысль вновь обратилась к усиленному изучению войн против Наполеона вскоре после франко-прусской войны 1870—1871 годов¹. Победа над французской Второй империей, легко доставшаяся немцам, опьянила и без того одурманенные самодовольством мозги прусско-германских казённых историков; к геллертерской самоуверенности присоединилась капральская заносчивость.

Трейчке, этот реакционнейший идеолог пруссачества, казённо-полицейский историк, рассматривая в I томе своей истории Германии XIX в. развитие событий в Пруссии с 1806 по 1814 г., уделяет несколько страниц «русской войне». Он не только осмеливается утверждать, что кампания в России не имела большого значения для судеб Европы, но также, что разгром наполеоновской Франции был достигнут якобы силами немцев, призванных, дескать, самой историей решать судьбы мировых империй.

¹ I том работы Г. Трейчке (*Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert von Heinrich von Treitschke*) вышел первым изданием в 1879 г.; сборник М. Дункера (*Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich Wilhelms III von Max Duncker*) со статьёй на тему «Пруссаки во время французской оккупации» вышел в 1876 г.; работа Леманна о Кнезебеке и Шёне (*Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege von Max Lehmann*) — в 1875 г. и в том же 1875 г. — многотомная работа Л. Ранке о Гарденберге (*Leopold von Ranke. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*). К той же теме немецкая историография вернулась в начале XX столетия, накануне первой мировой войны.

В этой связи не удивительно, что Трейчке, а за ним и другие представители немецкой историографии совершенно искажают дипломатическую историю Отечественной войны 1812 г. в части, касающейся Пруссии. Одни немецкие историки следуют при этом за Трейчке и оправдывают поведение Пруссии высшей государственной мудростью, заключающейся будто бы в том, что не было оснований доверять выдержке России и её военным средствам в борьбе против Наполеона. Отсюда и оправдание поведения Пруссии в 1812 г. лозунгом трезвого политического расчёта. Другие немецкие историки вслед за Томушатовом² приписывают, вопреки исторической истине, самую победу России над Наполеоном военным и дипломатическим советам, которые давали Александру I немцы (Шарнгорст, Кнезебек, Фуль и др.). Поэтому немецкие историки особенно склонны скрывать тот важнейший исторический факт, что наиболее прогрессивные элементы в Пруссии, да и в Германии вообще, с полным основанием связывали с борьбой русского народа свои надежды на освобождение от иноземного ига, поскольку не видели у себя на родине никакого просвета, не находили такого центра, вокруг которого могло бы быть организовано сопротивление Наполеону.

Так, крупнейший прусский политический деятель Штейн последовал приглашению Александра I и участвовал в создании на русской территории немецкого добровольческого легиона для войны против Наполеона; в России писал свои призывы к немецким солдатам поэт и публицист Арндт, приглашая их в союзе с русским народом бороться против французского ига; в Россию отправились прусский военный теоретик Клаузевиц, офицеры Гнейзенау, Дона, Тидеман и многие другие прусские патриоты. Да и создатель прусской армии генерал Шарнгорст стремился к союзу с Россией.

Таким образом, наиболее дальновидные люди Пруссии и Германии призывали к борьбе против Наполеона и против прислуживавшихся к нему прусских министров с королём Фридрихом-Вильгельмом III во главе. Эту сторону вопроса, а именно предательство немецких национальных интересов руководителями прусской реакции, намеренно «забывает» немецкая историография.

Действительный ход событий дипломатической истории Отечественной войны

² Мы имеем в виду работу *Tomischat W. Preussen und Napoleon I*. В этой работе, написанной в 1911 г., содержатся многочисленные восхваления бездарного и трусливого Фридриха-Вильгельма III и верноподданнические излияния по адресу династии Гогенцоллернов вообще.

1812 г. в части, касающейся Пруссии, выявляет тенденциозность и лживость немецкой историографии от Трейчке до Томашата, включая Дужкера, Леманна и других опытных Седаном авторов исторических работ, написанных за последнюю четверть XIX в. и в первые десятилетия XX века.

В начале 1811 г. в руки прусского короля Фридриха-Вильгельма III попал сфабрикованный журналистом Эмменаром подложный меморандум Шампаньи — герцога Кадорского — касательно грядущих судеб Пруссии, якобы представленный Наполеону. В меморандуме речь шла о разделе Пруссии между Вестфалией, Саксонией, герцогством Варшавским и Австрией. Прусский посланник в Париже генерал Круземарк сообщил текст этого подложного меморандума прусскому канцлеру Гарденбергу. С этого момента король Фридрих-Вильгельм III преисполнился страхом перед полной ликвидацией Пруссии как государства. Для того чтобы предотвратить это, Фридрих-Вильгельм III решил доказать Наполеону объективную полезность для самой Франции дальнейшего существования Пруссии.

Первое поручение завязать переговоры с Францией о союзе и тем убедить Наполеона в желательности сохранения Пруссии было дано графу Гацфельду. Современники характеризовали его как «француза» с голы до ног; французский посол в Берлине Сен-Марсан был о нём самого лучшего мнения, как о стороннике французской ориентации. Этот прусский *affranchessado* (выражаясь термином, принятым тогда в Испании для «французенных» предателей испанской независимости, лизавших сапоги угнетателей — Наполеона, Иосифа Бонапарта и их солдат) был отправлен в Париж с официальной миссией — передать Наполеону поздравления и наилучшие пожелания прусского двора по поводу рождения короля Римского (сына Наполеона). В инструкции Гацфельду от 30 марта 1811 г. Гарденберг писал: «Пусть Наполеон забудет наши преступления (*nos torts*) и сообразовит (*qu'il lui plaise*) привязать к себе Пруссию тем способом, который достоин его величия, тем самым снизжав её благодарность»¹.

Гацифельд поспешил обо всём этом поставить в известность Наполеона, но не получил от него определённого ответа. Тогда прусскому послу в Париже Круземарку 14 мая 1811 г. было поручено передать Наполеону конкретное предложение о союзе. Пруссия обещала предоставить в распоряжение Франции вспомогательный корпус войск. В прусском меморандуме Наполеону предусматривалась также и цена предательства Пруссии по отношению к России. Обещая хорошо служить французскому хозяину в будущем, Пруссия хлопотала о немедленном снижении контрибуции, а также о скорейшем освобождении прусской крепости Глогау от французских войск.

Что же касается дальнейшего вознаграждения, то об этом в меморандуме было сказано глухо: «Прусский король надеется, что его императорское величество (Наполеон.— И. З.) охотно согласится дать от себя гарантии независимости и целостности ныне существующих границ и владений короля. Кроме того король с уверенностью полагается на дружбу и щедрость своего августейшего союзника»². В Пруссии помышляли о захвате прибалтийских областей России, но не решались ещё ясно высказываться по этому поводу на бумаге; вот почему и понадобилось до поры, до времени «с уверенностью полагаться». Круземарку было предложено избегать всего того, что могло бы вызвать у Наполеона какие бы то ни было подозрения. Вместе с тем прусскому представителю надлежало осторожно осведомиться о взглядах Наполеона в отношении Пруссии вообще, т. е. выведать, оказала ли на французского императора аргументация меморандума Шампаньи какое-либо действие. Войну между Францией и Россией в Пруссии считали уже в конце 1810 г. неизбежной. Так как Фридрих-Вильгельм III всё же побаивался не только войны с Францией, но и войны с Россией, то Круземарку надлежало также испросить для Фридриха-Вильгельма III и его семьи позволения удалиться от военной суеты в тихий Бреславль, при условии, что прусская Силезия в случае войны с Россией будет объявлена нейтральной зоной.

Если, используя фальшивый меморандум, наполеоновская дипломатия стремилась повергнуть прусское правительство в трепет, то эта цель, как мы видели, была достигнута. Но одно это не было конечной целью усилий французской дипломатии, которая к тому времени ещё не решила, как ей поступить с Пруссией в случае войны: превратить ли её в союзницу Франции, готовую на всё, или же, не доверяясь такому «союзу по принуждению», попросту оккупировать прусскую территорию, покончив по существу или даже формально с прусской самостоятельностью. Для начала Наполеон, как всегда, действовал террором. От немедленного ответа на полученное от Гацфельда прусское предложение о союзе Наполеон воздержался, уполномочив Сен-Марсана сообщить Гарденбергу, что ещё нет оснований считать войну между Францией и Россией неизбежной. Сен-Марсан сделал Гарденбергу соответствующее сообщение 18 апреля, генерал Круземарк в свою очередь известил 11 апреля Берлин о мнении Шампаньи, что в отношениях между Францией и Россией существуют лишь преходящие трения, которые отнюдь не должны привести к вооружённому конфликту³.

В конце апреля 1811 г. Сен-Марсан сделал в Берлине новые представления о том,

¹ Ranke L., *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*. Bd. IV, S. 268.

² Ranke L. *Op. cit.*, S. 269.

³ Duncker M. *Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich Wilhelms III*, S. 352.

что Наполеон считает прусские вооружения излишними и вредными и настаивает на их прекращении. Когда Круземарк повторил предложение Гацфельда о союзе в уже изложенной выше конкретной форме, Наполеон уполномочил в июне своего нового министра иностранных дел Маре (герцога де Бассано) подтвердить Пруссии, что Франция опасается, как бы её согласие на предложение Пруссии о союзе не вызвало подозрений России¹.

Фридриху-Вильгельму III и его окружению пытались противостоять немногие прусские деятели с генералом Шарнгорстом во главе. Шарнгорст уповал не только и не столько на силы самой Пруссии, сколько на помощь России. Он отказывался верить в непобедимость Наполеона и в апреле 1811 г. выступил с меморандумом на имя короля; в этом меморандуме он решительно высказывался против союза с Францией². Шарнгорст указывал, что Россия отстояла Пруссию в 1806 и 1807 годах. Весьма вероятно, что и впоследствии Пруссия была бы уничтожена, если бы Наполеон мог получить на это согласие России. Теперь, по мнению Шарнгорста, с переходом Пруссии во французский лагерь, Россия будет свободна от всяких обязательств дружбы и Пруссия окажется изолированной. Возможно, что нынешний момент ещё не столь опасен, но когда опасность возникнет, спрашивал Шарнгорст, хватит ли у Пруссии времени, чтобы изменить характер своих политических связей? Шарнгорст не разделял надежд Гарденберга на возможные территориальные приобретения для Пруссии за счёт России в случае победы Наполеона. По мнению Шарнгорста, союз с Наполеоном должен был явиться предюдием к полной ликвидации прусской самостоятельности. В заключение Шарнгорст предлагал в своём меморандуме как можно скорее обратиться к русскому императору с предложением теснейшего союза. Точка зрения Шарнгорста выражала настроения прогрессивной части прусского общества.

Не получая положительного ответа от Наполеона и зная о непопулярности своей политики, король и канцлер испугались перспективы полной изоляции как внутри страны, так и за её пределами. 16 июля 1811 г. Фридрих-Вильгельм III обратился к Александру I с письмом, в котором просил помощи против Наполеона. В это самое время по его же, Фридриха-Вильгельма, поручению прусский посол в Париже Круземарк продолжал переговоры о союзе с Францией. Фридрих-Вильгельм униженно умолял царя помочь Пруссии и ссылался на то, что только участие России в войне против Наполеона может ободрить народ. Шарнгорст получил предписание отправиться в Россию для переговоров с Александром I и 10 сентября 1811 г. под чужим именем выехал в Петербург. Двойная дип-

ломатическая игра, которую вела Пруссия, серьёзно затруднила миссию Шарнгорста и его переговоры о заключении военной конвенции с Александром I. Последний заставил Шарнгорста более десяти дней дожидаться приёма. В переговорах, которые Шарнгорст вёл с русским правительством, принимали участие сам Александр I, Румянцев и Барклай де-Толли; подписями двух последних и подписями Шарнгорста был скреплён текст заключённой между Россией и Пруссией 17 октября 1811 г. военной конвенции³.

Согласно этой конвенции Россия и Пруссия обязывались сообщать друг другу сведения о каждом движении, приготовлении или предпрятии французских войск, а также помогать друг другу в случае таких действий Франции, после которых война станет неизбежной. Такими действиями решено было считать: а) нападение на какую-либо часть владений Пруссии или России; б) значительное увеличение численности французских войск или войск союзников Франции на Висле; в) всякое занятие части владений Пруссии под каким бы то ни было предлогом⁴.

Русские владения нигде не соприкасались с владениями Франции, и, таким образом, передвижение французских войск могло угрожать в первую очередь только Пруссии, ибо введение французских войск в герцогство Варшавское — на границу с Россией — предполагало движение их через Пруссию. Военная конвенция сводилась, таким образом, в первую голову к обязательству России защищать Пруссию от нападения. В военной конвенции предусматривались совместные действия русского и прусского военачальников — Витгенштейна и Йорка (будущих участников Тауроггенской конвенции). Конвенция предусматривала в случае войны введение на территорию Пруссии русского вспомогательного корпуса из 12 батальонов, 8 эскадронов и 2 казачьих полков с соответствующим количеством артиллерии. Особенные меры должны были быть приняты для защиты Кёнигсберга. Начальство над всеми соединёнными силами союзников (Россия и Пруссия) должно было принадлежать русскому генералу, но в пределах Пруссии командование предполагалось поручить прусскому генералу или принцу.

Таким образом, Шарнгорсту удалось получить от русского правительства безусловное согласие защищать Пруссию от всяких попыток наполеоновской Франции ликвидировать существование Пруссии как государства.

По заключении военной конвенции Александр I отправил русскому послу Ливену в Берлин для передачи Фридриху-Вильгельму собственноручно изготавленный им проект союзного договора между Россией и Пруссией. Этот договор шёл дальше, чем

¹ D u n c k e r M. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich Wilhelms III, S. 364.

² L e h m a n n M. Scharnhorst. Bd. II, S. 362—366;

³ Текст конвенции см. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. VII, стр. 24—37.

⁴ См. там же, § 3 конвенции.

конвенция. Так, по прямому смыслу предложенного Александром договора, война против Франции признавалась неизбежной. Россия и Пруссия обязывались отвергнуть всякие новые требования Наполеона, которые могли бы в дальнейшем ослабить эффективность союза между ними. Согласно параграфу 4 проекта союзного договора, составленному Александром I, Пруссия и Россия, начав войну, обязывались не прекращать её иначе, как по обоюдному согласию.

Между тем возможность сближения Пруссии и России обеспокоила Париж. Наполеон поручил своему министру иностранных дел Маре снова начать с прусским послом в Париже — Круземарком — переговоры по вопросу о союзе и одновременно выразить недоумение по поводу вооружений Пруссии. «Эти вооружения, — гласила инструкция, пересланная от имени Маре в Берлин Сен-Марсану и зачитанная самим Маре Круземарку, — производят на императора Наполеона плохое впечатление, ибо могут привести дело к войне с Россией, которой Наполеон вовсе не желает»¹.

Наполеон лицемерил: нисколько не доверяя Пруссии, он делал вид, что рекомендует прусскому правительству воздержаться от вооружений во имя сохранения мира с Россией. Гарденберг, по поручению короля, поспешил тотчас же заверить Сен-Марсана, что все французские пожелания о приостановке вооружений будут исполнены. Гарденбергу нужно было выиграть время и выждать развития переговоров, которые вёл Шарнгорст в России.

21 сентября Сен-Марсан посетил Гарденберга с новыми сообщениями от имени императора, которые состояли из немногих лестных обещаний и серьёзных угроз. Наполеон решительно обещал Пруссии союз, но на определённых условиях, которые предполагалось сообщить дополнительно, а пока ещё раз в ультимативной форме предложил Пруссии прекратить вооружения, и притом в трёхдневный срок. 26 сентября 1811 г. король отдал приказ приостановить работы по крепостным сооружениям у Кольберга и Шпандау, но этот приказ показался Сен-Марсану недостаточным. 10 октября 1811 г., т. е. за неделю до подписания конвенции в Петербурге, был смещён со своего поста прусский генерал Блюхер, сторонник союза с Россией, на которого возлагали надежды прусские патриоты, и заменён бездарным Тауенциеном. 22 октября прусское правительство выдало секретарю французского посольства Лефёвру разрешение совершить поездку к местам укреплений, чтобы лично убедиться в том, что разоружение прусских войск производится и крепостные работы приостановлены. Унижение Пруссии перед Наполеоном достигло предела. Теперь Наполеон считал момент подходящим для того, чтобы по существу ответить на прусское предложение о союзе, сделанное более пяти месяцев назад. 29 октября Сен-Марсан вручил Гарденбергу

предложение Пруссии либо вступить в Рейнский союз либо заключить оборонительно-наступательный союз с Францией на все времена и случаи. Из прусских предложений о союзе от 14 мая теперь исключалось всё, что так или иначе напоминало о какой-то самостоятельности Пруссии: отпадал пункт, ограничивавший союзные обязательства лишь такими войнами, которые в какой-то мере затрагивали бы интересы Пруссии; отпадало признание особого положения прусского вспомогательного корпуса; отпадали условия о возвращении крепости Глогау, снижении контрибуции; отпадало увеличение численности прусских войск и даже обещание участия в дележе будущих завоеваний — всего этого как не бывало. Наполеон соглашался лишь на нейтрализацию Силезии, и эта уступка была лишь кажущейся: необходимо было, чтобы Россия также согласилась на неё, а в таком согласии не было и не могло быть никакой уверенности².

Но ещё раньше, 25 октября, прибыли первые известия из Петербурга о заключении военной конвенции. Надо было решать, с кем идти. 2 ноября Гарденберг представил торопившему его королю новый меморандум, в котором даже он на этот раз рекомендовал союз с Россией. «Если даже союз с Францией, — писал Гарденберг, — и даст нам земли, которые навеки нас компрометируют, то король окажется во главе несчастной, истощённой страны, гораздо более слабой, чем теперь; а между тем самодержец Наполеон может в любой момент отнять у короля часть этой страны и перелать её другому государю или даже забрать её себе. А если, наконец, Наполеон отнимет у короля всю Пруссию — ведь в этом тоже нет ничего невозможного, — что станет тогда с нашим любимым монархом и его династией?!» — восклицал Гарденберг. Напоминая о судьбе испанских Бурбонов, доверившихся союзу с Наполеоном, потерявших трон и ставших пленниками французского императора, Гарденберг советовал королю покинуть Берлин, продолжать вооружения, подтвердить военную конвенцию с Россией и вести дальше переговоры с Австрией и Англией. Гарденберг напоминал о всегданней готовности Англии к союзу с противниками Наполеона. С начала октября на рейде в прусском порту Кольберге находились корабли с оружием и порохом, присланные из Англии.

Вопреки Гарденбергу, король Фридрих-Вильгельм III решил отказаться от союза с Россией и согласиться на предложение Наполеона о союзе.

Французский историк Вандаль замечает по этому поводу, что король, как и все слабые, трусливые натуры, высказался в пользу того предложения, которое обещало ему безопасность на ближайшее будущее, не стремясь загадывать далеко вперёд. Поэтому, дескать, Фридрих-Вильгельм ре-

¹ Vandal A. Napoléon et Alexandre I. T. III, p. 259.

² Lehmann M. Scharnhorst. Bd. III, S. 420. Прим. I.

шитительно предпочёл союз с Францией¹, так как в противном случае территория Пруссии могла бы немедленно подвергнуться полной французской оккупации.

Это психологическое объяснение Вандаля представляется нам недостаточным и неточным. Важнее, гораздо важнее, на наш взгляд, другая причина отказа Фридриха-Вильгельма от союза с Россией: страх, который испытывал Фридрих-Вильгельм в связи с необходимостью поднять народ на освободительную войну против Наполеона. Ещё в августе 1811 г., просматривая представленный Шарнгорстом меморандум по поводу развёртывания народной войны в Пруссии по образцу Испании и Тироля, король Фридрих-Вильгельм сделал на полях этого меморандума резко отрицательные замечания. Король Фридрих-Вильгельм не желал народной войны и боялся её больше, чем Наполеона. Ознакомившись с мнениями Гарденберга и Шарнгорста и полагая, что союз с Россией неминуемо вызовет необходимость народной войны, король запросил также совета у Ансильона — своего советника, придворного историографа и воспитателя наследного принца. Ансильон, один из лидеров «французской партии» при дворе, давно уже внушал королю мысль о необходимости союза с Францией. Представитель интересов прусского юнкерства, более всего боявшийся потерять власть над крестьянами, Ансильон возражал против борьбы с Наполеоном, так как такая борьба предполагала вооружение крестьян и «союз с нищетой» (так Ансильон именовал партизанскую войну). Уйти от народной войны и освобождения крестьян от крепостной зависимости (пожалуй, героев народной войны пришлось бы ещё наделять землёй за собственный счёт) было для Ансильона ещё важнее, чем уйти от французского завоевания, важнее, чем избежать контрибуции или ослабить её. Сохранить существование прусского государства Ансильон и ему подобные стремились постольку, поскольку прусские дворяне и помещики были в этом государстве хозяевами; прусский король был самодержавен, пока творил их волю (*der König absolut, wenn er unsern Willen tut*). Вот почему Ансильон рекомендовал союз с Францией, а король его послушался; вот почему советы Ансильона возымели своё действие.

С 6 ноября 1811 г. Гарденберг вопреки подписанной в Петербурге военной конвенции, по приказу короля, послушно возобновил переговоры с Сен-Марсаном, забывая о своём собственном меморандуме. Тем временем Наполеон, осведомлённый через своих агентов о заключении союза с Россией, в инструкции от 14 ноября 1811 г. предлагал Даву представить план действий на случай «измены Пруссии»². 25 ноября Даву представил императору

план движения французских войск на Берлин, Штеттин и Кёнигсберг одновременно. Выполняя предписание, Даву показал себя хорошим учеником своего государя. В своём плане оккупации Пруссии Даву советовал воспользоваться в качестве предлога вымышленным сообщением о том, что русская армия вступила в пределы герцогства Варшавского, и заявить в Берлине, что перед лицом такого неспровоцированного нападения французам ничего не остаётся, как «позаимствовать» (*emprunter*) территорию Пруссии для того, чтобы нанести удар России. «Можно поручить какому-либо способному офицеру дать устно соответствующие заверения Пруссии, а для того, чтобы ему скорее поверили, лучше не посвящать этого офицера в наши подлинные намерения (ликвидировать Пруссию)».

Начав переговоры с Наполеоном, прусское правительство решило всё же предложить Сен-Марсану некоторые поправки к французскому проекту союза. Пруссия отказалась войти в состав Рейнского союза, отказалась распространить свои союзные обязательства на участие в испанской войне Наполеона или на другие войны, которые Франция вела или собиралась вести вдали от прусских границ; прусское правительство настаивало попрежнему на том, чтобы прусский вспомогательный корпус оставался под командой прусского генерала, просило о разрешении увеличить общую численность прусской армии до 48 тыс. человек (с 42 тыс.). Далее, Пруссия ставила дополнительные требования: отказ Наполеона от невыплаченной части контрибуции, от военных реквизиций в Пруссии и категорическое обещание, что крепости Глогау, Кюстрин и Штеттин будут возвращены Пруссии после благополучного окончания войны с Россией. Наполеон соглашался на уступки прусскому правительству лишь в отношении прусского вспомогательного корпуса, которому разрешено было сохранить известную самостоятельность в рамках армии в целом. О снижении контрибуции, о прусских крепостях, о дальнейших реквизициях, о вознаграждении в будущем, наконец о гарантиях не было речи. В сущности, единственным утешением для Фридриха-Вильгельма III могла быть почерпнутая из донесений Круземарка уверенность, что Наполеон доверяет отвращению Гогенцоллернов к народной войне. 27 декабря 1811 г. Сен-Марсан сообщил Гарденбергу о полученных им инструкциях из Парижа. Прусский король решил подписать союз с Наполеоном на предложенных последних условиях. Конвенция и договор с Россией были вероломно нарушены.

Но как же быть с обещаниями, данными России? Фридрих-Вильгельм III с полным основанием боялся также, что союз с Наполеоном оттолкнёт от династии и от правительства многих прусских деятелей — противников союза с Наполеоном. Отсюда и возникло решение перенести переговоры с Россией в новую плоскость. Пруссия решила стать непрощённым посредником между Россией и Францией; она делает попытку запугать Россию войной и побудить

¹ Vandal A. Napoléon et Alexandre I. T. III, p. 274. Недаром эта глава носит у Вандоля красочное название: «Les tribulations de la Prusse» — «Терзания Пруссии».

² Correspondance de Napoléon I. T. XXIII, p. 14.

правительство Александра I к тому, чтобы оно, по примеру Пруссии, простёрлось ниц перед Наполеоном. Эта попытка и является существом так называемой миссии полковника Кнезебека, прибывшего в Петербург в январе—феврале 1812 года. Кнезебеку было поручено ходатайствовать перед Александром о разоружении России, т. е., по существу, о капитуляции России без войны.

Впоследствии, когда Наполеон был разбит, Кнезебеку пришлось устыдиться той позорной роли, которую он играл в переговорах с Александром I в 1812 г., и он постарался в своих мемуарах присочинить задним числом свои заслуги перед Россией и Европой. Кнезебек в своих мемуарах дерзко называет себя составителем принятого русскими плана обороны—отступления в глубь страны¹. Хвастун и враль. Кнезебек в 1811—1812 гг. не пользовался доверием таких людей, как Шарнгорст. Прусский поверенный в делах Шелер в письме от 9 февраля 1812 г. сообщает Александру I мнение Шарнгорста о Кнезебеке, как о «двоедушном и лживом интригане, который имеет дерзость считать себя умнее всех».

Поручения, полученные Кнезебеком, нашли отражение в составленной Кнезебеком и отредактированной Ансильоном обширной инструкции. Эта инструкция датирована 21 января 1812 года². Инструкция Кнезебека представляет интерес как обоснование вероломной политики Пруссии по отношению к России в 1812 году. Рассматривая эту инструкцию, не знаешь, чего в ней больше: трусости или глупости, подлого пресмыкательства перед Наполеоном или недомыслия, вызванного тупым нежеланием понять мощь России. Пруссаки были поистине ослеплены легендой о непобедимости Наполеона.

Кнезебек прибыл в Петербург 13 февраля. 14-го он просил через посредство Румянцева аудиенции у Александра I и 16 февраля был им принят. Он вручил Александру личное письмо Фридриха-Вильгельма III. Последний предлагал России во что бы то ни стало избегать войны и вступить вновь в переговоры с Наполеоном. Для этой цели Кнезебек советовал послать в Париж особого уполномоченного (Нессельроде), так как, дескать, с русским послом Куракиным в Париже недостаточно считаются. В заключение прусский король писал: «Я считаю сохранение мира в настоящий момент столь же важным для спасения Европы, как и для обеспечения той великой задачи, которую вы (Александр I.—И. З.) всегда ставили перед собой; отказываясь от иных соображений меньшего значения, Вы, государь, избави-

те человечество и меня, Вашего друга, от величайшего несчастья»³.

Александр I ответил Кнезебеку, что никто более России не желает мира, а сосредоточение русских войск на границе является мерой оборонительной и следствием вооружений Франции. Россия не сделала поводом к войне ни ольденбургского вопроса, ни присоединения к французской империи Гамбурга и Любека. Россия не собиралась также воевать из-за занятия французами шведской Померании. Когда же Кнезебек взял на себя также неблагодарную роль защищать перед Александром I требование Наполеона, чтобы Россия проводила континентальную блокаду ещё строже, чем сама Франция, Александр прямо сослался на непопулярность континентальной системы в России: «Народ имеет свои права, которые я обязан принимать во внимание. Первое из них есть право на существование. Уступать в этом случае, имея наготове войска, было бы слабостью»⁴.

В ответ на попытки Кнезебека запугать его перспективой войны, Александр ещё раз сослался на народ: «Я не хочу показать слабость характера перед моим народом; это была бы именно слабость с моей стороны, если бы я теперь отправил уполномоченного в Париж искать мира»⁵.

Так миссия Кнезебека закончилась полным провалом. Но и после миссии Кнезебека Александр I стремился сохранить для Фридриха-Вильгельма возможность уклониться от союза с Наполеоном. Об этом свидетельствует письмо Александра Фридриху-Вильгельму от 12 марта, когда франко-прусский союз стал уже свершившимся фактом. Александр писал: «Итак, мы враги, и Вы, Ваше Величество, можете представить себе, что я должен чувствовать, имея эту печальную и суровую уверенность. Проблематический исход войны, которая должна начаться, становится после того, как Ваше Величество связались с Францией, ещё сомнительнее. Судьбу Европы решит судьба России. Если бы решение, принятое Вашим Величеством, могло бы спасти Вашу монархию, то я первый готов был бы согласиться с тем, что у Вас не было другого выбора и Вы последовали зову долга. Но можете ли Вы верить, государь, что если Россия будет позергнута ниц, то Франция сохранит существование Пруссии, что даже во время самой войны Наполеон будет считать Вас союзником, на которого он может положиться? Я согласен, что опасности союза с Россией для Вас велики, однако в случае успеха этот союз вернул бы Вам в борьбе славу прусской монархии, а в случае неудачи, по крайней мере, Вы бы дорого продали жизнь Вашей страны. Лучше найти славный конец, чем жить в рабстве. Таково моё мнение. Я не могу умолчать об этом перед Вами. Простите

¹ Ср. по этому поводу мнение Лемана в его книге *Knesebeck und Schön*, S. 1—76. В наши дни у Кнезебека нашёлся запоздалый и неумелый защитник—Герберт Вюнш (*W ü n s c h H. Die politische Ideenwelt des Generaladjutanten K. F. von dem Knesebeck*. Berlin. 1935).

² Текст инструкции см. *D u n c k e r M. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich Wilhelms III*, S. 565 ff.

³ Текст письма в цит. работе Лемана и *M. Knesebeck und Schön*, S. 31.

⁴ *D u n c k e r M. Op. cit.* S. 575.

⁵ *I b i d e m*.

мне мою откровенность, ибо она вызывается моей дружбой к Вам. Я могу лишь сожалеть о создавшихся обстоятельствах и возложить надежду на божественный промысел, выполняя мой долг с твердостью и выдержкой»¹.

Слова Александра I были рассчитаны не столько на самого Фридриха-Вильгельма III, который, как мы видели, готов был «жить в рабстве», только бы не лишиться своих собственных рабов, сколько на оппозицию в Пруссии. Одновременно с письмом Фридриху-Вильгельму III Александр I дал инструкцию русскому послу Ливену снести с Штейном, Гренером и другими прусскими патриотами с целью завербовать их на русскую службу во имя борьбы с Наполеоном. Что же касается Фридриха-Вильгельма III и Гарденберга, то, как мы видели выше, они решили согласиться на заключение союза с Наполеоном уже в тот момент, когда отправили Кнезебека в Петербург. Для заключительных переговоров король и канцлер отправили государственного советника Бегелина, который прибыл в Париж 11 февраля 1812 года.

21 февраля в 5 часов утра союзный договор между Францией и Пруссией и финансовое соглашение были подписаны Круземарком и Бегелином. Основные пункты союзного договора были уже предуказаны ходом дипломатической борьбы. Численность прусской армии была ограничена 42 тыс. человек; 20 тыс. из них должны были образовать прусский вспомогательный корпус и войти в состав французской «великой армии». Пруссия обязывалась пропустить французские войска через свою территорию и снабдить их всем необходимым в счёт следуемой с Пруссии контрибуции.

Круземарк и Бегелин не имели формальных полномочий на подписание договора. Их угнетала ответственность, навязанная им наполеоновской «стремительной дипломатией». Зная трусость и подлость своего «обожаемого» монарха — Фридриха-Вильгельма, — эти его верные слуги опасались

¹ Düncker M. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich Wilhelms III, S. 575—578.

какого-нибудь подвоха или предательства с его стороны. Даже оттяжка в ратификации могла бы вызвать серьезное раздражение Наполеона. По словам Коленкура, Наполеон уже решил воевать с Россией, Австрия почти согласилась стать пособницей Наполеона, и он твердо намеревался заставить Пруссию «нарезать розги для собственной порки»².

Но затяжки в ратификации франко-прусского союза не последовало. Французские войска двинулись тут же, чтобы «позаимствовать» территорию Пруссии на правах её союзников. Сказанное ужасом перед Наполеоном, правительство Фридриха-Вильгельма предало свою страну и свой народ в его руки, не смея надеяться ни на внутренние силы, которых оно больше всего опасалось, ни на военную мощь России, которая в конечном счёте привела к разгрому Наполеона.

Политика прусского правительства в 1812 г. была не только вероломством по отношению к России. Немецкие патриоты Штейн, Арндт и Клаузевиц в 1812 г. расценивали эту политику как забвение интересов самой Пруссии и немецкого народа. Когда Арндт писал в «Солдатском катехизисе» 1812 г., что «отечество немцев там, где их честь», он имел в виду, что защита национальных интересов немецкого народа осуществлялась тогда Россией, а не Пруссией или другим немецким правительством, которому, как указывал Арндт, немцы не обязаны и не могут быть обязаны послушанием и присягой. Арндт и Штейн, как и другие подлинные прусские патриоты, понимали, что в 1812 г. Пруссия могла быть спасена от последствий своей собственной политики только поражением Наполеона в России. Разгром наполеоновской «великой армии» в России дал возможность командиру прусского вспомогательного корпуса Йорку заключить соглашение с русскими о прекращении военных действий (Таурооггенская конвенция) 30 декабря 1812 г. и тем положить конец участию Пруссии в затеянной Наполеоном и развязанной Фридрихом-Вильгельмом III войне против России.

² Коленкур А. Мемуары, стр. 72. М. 1943.

ИЗ ИСТОРИИ ШИРВАНА (Конец XV века)

И. Петрушевский

Внутренняя история североазербайджанского государства Ширван (государство ширваншахов) в XV в. освещена источниками скудно. Местные хроники этого периода до нас не дошли или, по крайней мере, пока не обнаружены, а большие персоязычные хроники типа «всеобщих историй» почти не касаются внутренней истории Ширвана в XV веке. Несколько больше данных сообщают эти хроники по истории внешней политики ширваншахов дербендской династии

(1382—1538)¹. Однако и этот участок истории стран Закавказья данного периода пока недостаточно освещён. Тем более ценны для исследователя некоторые данные, содержащиеся в неопубликованной части «Лучшей из

¹ См., например, у Мирхонда, Роузат-ассафа бомбейское литографированное издание 1261 г. хиджры (в дальнейшем—г. х.). Т. VI, стр. 240—243, 256—257, 294—296, 307—310, 326—328, 332—333, 443—446.

историй» (Ахсан-ат-таварих) Хасан-бека Румлу, автора XVI века¹.

Как известно, этот большой труд состоял из 12 томов, из которых до нас дошел только том XI, обнимающий историю стран Передней и Средней Азии от смерти Тимура (807 г. х. = 1404—1405 г. н. э.) до 900 г. х. (1494—1495 г. н. э.), и том XII, содержащий историю Кызылбашского государства до 985 г. х. (1577—1578 г. н. э.). Из этих двух томов последний недавно опубликован в Индии, а первый, сохранившийся в немногих рукописях, до сих пор не издан и почти не был использован исследователями². Хасан-бек Румлу, азербайджанец по происхождению, хотя и писавший, подобно многим своим современникам, по-персидски, сообщает интересные подробности по истории Ширвана конца XV века.

Как ни мало освещена источниками внутреннего история Ширвана, мы всё же знаем, что XV век был периодом экономического и политического его расцвета. Это процветание обращало на себя внимание европейских путешественников и восточных географов. Военные силы ширваншаха венецианский посланник Иосафат Барбаро определял в 8—10 тыс. всадников. Эту цифру следует признать для того времени внушительной, если принять во внимание, что и соседняя огромная держава Ак-Койунлу (объединения туркменских племён Белого Барана), во много раз превышавшая своими размерами небольшое Ширванское государство, могла выставить в поле едва ли многим более 25 тыс. всадников.

В 1405—1406 гг. Ширван был главным очагом и центром объединительного и патриотического движения, охватившего почти все уголки Азербайджана. Позже объединение страны надолго стало невозможным вследствие образования державы туркменских кочевников Кара-Койунлу (Чёрного Барана). Позднее утверждение на её месте в Южном Азербайджане, Карабахе, Армении, Курдистане, Ираке Арабском и Западном Иране державы другого объединения туркменских кочевников — Ак-Койунлу (1468) при Узун-Хасане (1453—1478) привело к созданию союза Ак-Койунлу и Ширвана. К началу 1469 г. три государства Азербайджана — Узун-Хасан Ак-Койунлу, ширваншах Фаррух-Ясар (1462—1500) и владетель Ардебеля шиитский дервишеский шейх Хейдар Сефевид (1456—1488), сын шейха Джунейда (1447—1456)³ — объединили

¹ Родился в 938 г. х. (1531—1532 г. н. э.), был ещё жив в 985 г. х. (1578 г. н. э.). Библиографические данные об этом авторе скудны.

² Единственная в СССР рукопись «Ахсан-ат-таварих», содержащая оба последних тома, находится в Ленинградской государственной публичной библиотеке, каталог Dogn, № 287.

³ Мы здесь останавливаемся на Сефевиде исключительно как на южноазербайджанских владетелях, каковыми они и были в XV в., в плане их взаимоотношений с Ширваном, не касаясь последующей деятельности Сефевидов в качестве шаханшахов Ирана.

свои военные силы против пришедших с Азербайджан, дабы поддержать обломки державы Кара-Койунлу, войск тимуридского султана Хорасана Абу-Саида.

Общие стремления государей Азербайджана и их вассалов в победоносной борьбе с султаном Абу-Саидом выразил представитель ширваншаха, главный казий ширванский, потребовавший на военном совете союзников, происходившем в ставке Узун-Хасана на Мугани, казни пленного Абу-Саида, дабы уберечь «эту страну» (т. е. Азербайджан в целом, а не только отдельные государства его) от новых иноземных вторжений. Все присутствовавшие на совете эмиры, т. е. военная знать, единодушно поддержали казия ширванского.

Благодаря тактичной и благоразумной политике Узун-Хасана союз трёх государей Азербайджана продолжал существовать до самой смерти (январь 1478 г.) этого талантливого правителя и полководца. Позднее усилилось начавшееся ещё раньше шиитско-дервишеское, так называемое кызылбашское движение, возглавляемое ардебильскими шейхами Сефевидами и опиравшееся на азербайджанские кызылбашские кочевые племена (шамлу, румлу, устаджлу, текелю и ветви племён афшар, кадждар и зулкадар). Эти тюркские племена переселились между XIII и XV в. частью из Средней Азии, частью из Рума (Малая Азия) и позднее ассимилировались с азербайджанцами. Под религиозной оболочкой шиизма развивалось движение, руководителем которого шейх Хейдар стремился прежде всего к политическому объединению Азербайджана под своей властью. Эти планы шейха Хейдара, ясно обозначившиеся в 80-х годах XV в., были разгаданы султаном Якуб-падишахом Ак-Койунлу (1478—1490)⁴ и ширваншахом Фаррух-Ясаром, следствием чего и явилось их враждебное отношение к ардебильскому шейху. Не в интересах ширваншаха было поддерживать объединительное движение, поскольку оно возглавлялось не им, а ардебильским шейхом. Воинствующий и непримиримый шиизм кызылбашей также вызывал вражду ширваншаха-суннита. Враждебные отношения ширваншаха с ардебильским шейхом привели к военному столкновению между ними (летом 1488 г.), закончившемуся для шейха Хейдара трагически.

Ещё в 50-х годах XV в. походы, совершаемые ардебильским владетелем дервишеским шейхом Джунейдом (отцом шейха Хейдара) против «северных черкесов»⁵ и Грузии, под знаменем «войны за веру», вызвали подозрение ширваншаха Халилудлаха I

⁴ См. у Али Лахиджи, Тарих-и хани, изд. Б. Дорна, в серии Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meeres. Ч. 2-я, стр. 102. СПб. 1857.

⁵ «Черкесами» в то время обычно называли все племена и народы Северного Кавказа и Дагестана; даже среди горцев Дагестана в то время язычники преобладали над мусульманами. См. об этом Barthold W. Daghestan, Encyclopedie de l'Islam. Vol. I (там же, см. библиографию вопроса).

(1417—1462): отправляясь в поход, шейх Джунейд каждый раз проходил через территорию Ширвана. В 1456 г. на берегу реки Самура между войсками обоих владетелей произошла битва, в которой шейх Джунейд погиб¹. Затем в 80-х годах XV в., как уже сказано, отношения между ширваншахом и ардебильским владетелем снова обострились. В эти годы шейх Хейдар ежегодно отправлялся для «войны за веру» с «черкесами», т. е. с дагестанскими горцами-язычниками, проходя через Ширван, к великому неудовольствию ширваншаха. В те же годы Я'куб-падишах Ак-Койунлу разорвал дружбу с шейхом Хейдаром, какую поддерживал с последним отец Я'куба Узун-Хасан. Эту новую линию поведения Я'куб-падишаха некоторые источники объясняют тем, что Я'куб женился на дочери ширваншаха Фаррух-Ясара и в силу родственной связи поддерживал своего тестя. Однако Я'куб был в то же время двоюродным братом и шурином шейха Хейдара². В действительности родственные связи, повидимому, не имели влияния на внешнеполитическую линию Я'куб-падишаха. Мотивы, руководившие последним, хорошо освещаются упомянутой выше неопубликованной частью (т. XI) «Ахсан-ат-таварих» Хасана Румлу.

Рассказывая об отношениях трёх азербайджанских государей в 1488 г., Хасан-бек Румлу³, несомненно, пользовался рассказом Хондемира; отдельные фразы в обеих хрониках почти совпадают текстуально. Но Хондемир не был единственным источником для Хасан-бека Румлу, и последний приводит подробности, которых нет в других дошедших до нас источниках⁴. Конечно, как представитель кызылбашской кочевой знати (из азербайджанского племени румлу) и ревностный шиит, Хасан-бек Румлу относится к ширваншаху и к Я'куб-падишаху крайне враждебно. Однако это не мешает нашему автору быть достаточно объективным при передаче фактов.

По рассказам Хасана Румлу (под 893 г. х. = 1488 г. н. э.) ещё перед очередным походом шейха Хейдара против «черкесов» ширваншах Фаррух-Ясар обратился к Я'куб-

падишаху с просьбой о помощи и получил обещание поддержки. Под знамёнами шейха Хейдара на этот раз собралось 6 тыс. «газиев» (борцов за веру), «суфиев» и «дервишей» — так обычно именовались кызылбаши, мюриды (последователи) и вассалы ардебильского шейха. Первый город, лежавший на ширванской территории, к которому прибыло войско шейха Хейдара, был Махмудабад в Муганской степи у Каспийского моря. Жители его открыли враждебные действия против шейха Хейдара и не пожелали пропустить его, но были разбиты. Город был разрушен и обезлюдел, так что, по словам Хасана Румлу, «в той стране не осталось обитателей»⁵. События в Махмудабаде испугали ширваншаха. Он вновь послал доверенного человека к Я'куб-падишаху с просьбой о немедленной помощи, поручив передать ему: «Султан Хейдар⁶, подняв знамёна завоевания, прибыл с победоносным кызылбашским войском в Ширван. Если он покорит эту страну, то он пожелает [овладеть] Азербайджанским государством»⁷ (в данном значении державой Ак-Койунлу). Я'куб-падишах ответил ширваншаху благосклонным письмом, в котором вполне соглашался с его доводами, и послал на помощь ему 4 тыс. всадников под начальством Сулеймана Бижан-оглу, лучшего из полководцев державы Ак-Койунлу.

Тем временем шейх Хейдар со своими газиями двинулся в Дагестан. Ширваншах отказался пропустить его через свои владения. По сообщению Хондемира, шейх Хейдар прибыл в «страну неверных», именно в Южный Дагестан, через пограничную с Грузией область Шеки⁸. Неясно, для чего понадобилось идти к Дербенду таким длинным и кружным путём. Можно предположить, что шейх Хейдар желал всё же избежать, хотя бы на ближайшее время, столкновения с ширваншахом, пройдя окольным путём на северозапад, через Шеки и перевалы Главного Кавказского хребта, в обход Ширвана. Как бы то ни было, столкновения всё же не удалось избежать. Город Дербенд, понадеявшись на крепость своих стен, отказался пропустить шейха Хейдара и открыл военные действия. Кызылбаши осадили Дербенд. Когда одна из башен крепости была разрушена, горожане заявили о готовности сдаться и просили пощады (аман). В это время один из представителей кызылбашской знати, Пири-бек Каджар, прибыл в ставку шейха Хейдара и уведомил его о том, что Сулейман Бижан-оглу прибыл на помощь к ширваншаху и что «оба полководца» (сардара) с соединённым большим войском выступили из Шемахи.

Получив это известие, шейх Хейдар, по словам Хасан-бека Румлу и Хондемира, немедленно выступил навстречу своим про-

¹ Дата смерти шейха Джунейда 860 г. х. (1456 г. н. э.) установлена у Фр. Бабингера Schejch Bedr-ed-din, S. 83. Berlin—Leipzig. 1921.

² Мать шейха Хейдара—Халиджа, жена шейха Джунейда, была сестрою Узун-Хасана Ак-Койунлу; дочь последнего и греческой трапезундской царевны Катерины (Деспинахатун), Алемшах-бегум, была женою самого шейха Хейдара и матерью его трёх сыновей, в числе их и шаха Исмаила (родился в 1486—1487 г. н. э.).

³ Ахсан-ат-таварих, фотокопия рукописи Ленинградской публичной библиотеки, каталог Jorg, № 287, лл. 156—157; не имея под руками рукописи, мы пользовались фотокопией Института имени Н. Я. Марра Академии наук Грузинской ССР.

⁴ В свою очередь, и у Хондемира есть детали, которых нет у Хасана Румлу, например относительно маршрута похода шейха Хейдара (см. ниже).

⁵ Ахсан-ат-таварих, цит. рукопись, л. 156.

⁶ Историографы XVI в. обычно называют духовных феодалов, ардебильских дервишеских шейхов Джунейда, Хейдара и Али султанами, подчёркивая этим их положение независимых правителей.

⁷ Ахсан-ат-таварих, цит. рукопись, л. 156.

⁸ Этой детали нет у Хасана Румлу.

тивникам. Встреча с ними и битва произошли в округе Табарсаран (т. е. Табасаран). Район этот расположен в Восточном Дагестане, к северу от Дербенда, и, следовательно, не по дороге к Шемахе. Это обстоятельство заставляет предполагать, что шейх Хейдар и на этот раз не имел в виду встретиться с войсками противников, а, напротив, вопреки сообщениям источников, думал избежать военного столкновения с неприятелем, вернувшись в свои владения снова через Нагорный Дагестан и Шеки, в обход Ширвана. Тем не менее встреча противников состоялась. Хасан Румлу отмечает храбрость, проявленную с обеих сторон.

Во время сражения шейх Хейдар, по сообщениям источников, лично сразился с Сулейманом Бижан-оглу и «ударом своего огнемётного копья сбросил его с лошади на землю презрения», однако не убил его, а проявил великодушие и даровал ему пощаду (аман). Когда удивлённые кызылбаши спросили шейха о причине такого рыцарского поступка, шейх будто бы ответил, что час смерти Сулеймана ещё не пришёл, а, напротив, самому шейху предопределено вскоре «испробовать мёд мученичества за веру», т. е. быть убитым. По всей вероятности, здесь мы встречаемся с позднейшим легендарным мотивом, вошедшим в хроники. По словам Хондемира и Хасана Румлу, успех склонился на сторону кызылбашей, и Сулейман Бижан-оглу с ширваншахом готовы были дать сигнал к отступлению, когда шейх Хейдар неожиданно был убит стрелой. Хасан-бек Румлу прибавляет, что стрела не была вражеской: её пустил один из кызылбашей и случайно и помимо воли попал в своего шейха.

Умер шейх Хейдар 20 раджаба 893 г. х. (30 июня 1488 г. н. э.)¹.

Смерть вождя вызвала смятение в рядах кызылбашей, и битва закончилась их поражением. Это поражение было настолько полным, что Я'куб-падишаху вслед за тем удалось занять самый Ардебиль и захватить трёх сыновей шейха Хейдара — Султан-али, Ибрахима и Исмаила с их матерью; они были заключены сперва в крепость Истахр в области Фарс, а потом в армянский Ахтамарский монастырь на острове озера Ван. Ардебильское духовное княжество на время (1488—1492 гг. н. э.) перестало существовать. О своей победе Я'куб уведомил османского султана Байазид II и получил в ответ от него поздравительное письмо². Из писем обоих суннитских госу-

дарей явствует, что они усматривали в шиитском кызылбашском движении опасность для целостности своих владений и придавали поражению кызылбашей международное значение.

Я'куб-падишах не бескорыстно оказал помощь ширваншаху Фаррух-Ясару: воспользовавшись затруднительным положением последнего, Я'куб добился того, что ширваншах вскоре согласился признать себя его вассалом.

Подробности этого эпизода сообщает Хасан-бек Румлу под 894 г. х. (1489 г. н. э.), приводя и копию договорной грамоты. Русский перевод этого документа мы здесь воспроизводим, опустив лишь слоговые: «В этом году падишах Ширвана Фаррух-Ясар, прислав опытных послов ко двору (дергах) Я'куб-падишаха, представил договорную грамоту (шерт-намэ), копия её такова: «Клянусь богом... что в течение жизни [моей]я пребуду другом с друзьями его величества (а'ля хазрет) хагана Абу-л-Музаффар-Султан-Я'куб-Бахадур-хана и врагом с врагами их. И в отношении заботы о подданных и распространения справедливости я буду следовать старинному образу действий и прямому пути того государя. И в уплате суммы в пять тысяч туманов тебризских, каковую я согласился [вносить] наместникам (наибам) его величества³, я безусловно не допущу отговорки и нерадения. И эмиров, и столпов государства (аркан-и доулет), и именитых правителей (хакимов), и вельмож (а'ийан), и известных людей страны Ширванской, которые в эти дни были заодно с моим отцом⁴; без согласия и разрешения со стороны наместников (наибов) его величества я не буду наказывать, казнить и подвергать их конфискации имущества (буквально: «грабить их». — И. П.). И на призыв и на службу того государя

³ Согласно принятому этикету, вассал не дерзал обращаться непосредственно к монарху, а обращался к его «наместникам», «слугам», «рабам», от имени которых якобы и получал ответ, т. е., по сути дела, от самого монарха. «Наместники», «наибы» — здесь условное техническое выражение, обозначающее особу монарха. См. об этом И. П. Петрушевский Персидские официальные документы как источник по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. «Проблемы источниковедения», Т. III, М. и Л. 1940.

⁴ Тёмное место. Речь не может идти об отце Фаррух-Ясара, ширваншахе Халилуллахе I, умершем ещё в 1462 году. Возможно, что здесь ширваншах называет отцом, как это практиковалось иногда на Востоке, своего нового сюзерена Я'куб-падишаха. Если эта догадка правильна, то здесь, возможно, содержится намёк на то, что ширваншах был вынужден подписать данную договорную грамоту под давлением части своих эмиров и знатных людей, вступивших в соглашение с Я'куб-падишахом и имевших основание опасаться в будущем мести со стороны ширваншаха.

¹ Дата установлена Э. Г. Броуном. См. его «A Literary History of Persia», Vol. IV, p. 47.

² Текст письма Я'куб-падишаха к Байазиду II Османскому и ответ последнего (на персидском языке) приведены в Мунша'ат-и салатин (дипломатические документы османских султанов, собранные Февзидун-беем в 982 г. х. = 1574 г. н. э. и изданные в Истамбуле в 1274 г. х. = 1858 г. н. э.). Т. I, стр. 309—310.

явлюсь согласно порядку, [установленному] счастливым хаганом, эмиром Тимуром, и пошлю войско по любой дороге, куда прикажут, и ни под каким предлогом и ни по какому извинительному поводу не задержу [явки]. И относительно действий, какие проявятся в делах всего царства, я ничего не скрою и не утаю от его величества, а, как достойно, доложу. По этой причине я дал клятву и обязательство. И если — упаси, боже, — из всех дел в некоторых я проявлю неповиновение и упорство, выйду из ограды бога всевышнего, — да будет он прославлен, — и посланника божьего, — да благословит бог его и потомство его, — и да буду я достоин гнева божьего и кары падишаховой»¹.

Эта договорная грамота при условии, если бы она соблюдалась ширваншахом, должна была бы поставить его в зависимость от державы Ак-Койунлу. Действительность, однако, не оказалась для Ширвана столь печальной, как можно было бы думать. Принятые ширваншахом договорные обязательства если и соблюдались, то не дольше 1—2 лет. Уже в 1490 г. Я'куб-падишах умер, отравленный по ошибке своей матерью. Сын и преемник Я'куба Байсунгур, внук ширваншаха по матери, подчинился влиянию последнего. Когда вскоре Байсунгур был свергнут с престола державы Ак-Койунлу своим двоюродным братом Рустамом (1492), он бежал к деду — шир-

¹ Ахсан-ат-таварих, цит. рукопись, лл. 158—159.

ваншаху — и пытался затем вернуть себе престол при помощи последнего. Правда Байсунгур был разбит и погиб², но военные действия между ширваншахом и Рустам-падишахом (1492—1497 гг. н. э.) продолжались и в последующие годы³. Попытка падишахов Ак-Койунлу подчинить себе свободолюбивый Ширван не удалась, и последний остался независимым. Приведённая договорная грамота, однако, сохраняет интерес для историка как документ, свидетельствующий о неудачной попытке державы Ак-Койунлу подчинить Ширван.

² См. об этом Хабиб-ас-сийар бомбейское литографированное изд. 1273 г. х. = 1857 г. н. э. Т. III. Ч. 4-я, стр. 18—19. Ахсан-ат-таварих, цит. рукопись, лл. 160 и сл.; Шереф-намэ, изд. персидского текста О. Вельяминова-Зернова. Т. II, стр. 128—129. СПб. 1862.

³ Что военные действия между ширваншахом и Рустам-падишахом, на стороне которого на этот раз сражался владетель Шеки Шах Хусейн, продолжались ещё в 1496 г. и завершились успехом ширваншаха видно из памятной записи, приложенной к служебнику, составленному армянским католикосом гандзасарским Аракемом в 946 г. арм. эры (1497 г. н. э.) в рукописи б. Вагаршапатской государственной библиотеки, № 6964. См. неизданный русский перевод Т. И. Тэр-Григорьяна, руководителя Института истории Азербайджанского филиала АН СССР, № 2927, стр. 1—2.

ВИЗАНТИЯ И МОНГОЛЫ В XIII ВЕКЕ

(По известиям Георгия Пахимера)

Н. Лебедев

Время правления Палеологов в истории Византии — это период политического и экономического упадка империи. Но в это столь тяжёлое для Византии время в развитии византийской культуры наблюдается подъём, напоминающий лучшие годы существования византийского государства. Этот подъём проявился и в искусстве, и в литературе, и в науке византийцев. Константинополь снова привлекает людей, жаждущих получить знания. В Византии появляется целый ряд писателей, учёных, философов, историков, в сочинениях которых нашли отражение события того времени. Назовём хотя бы философа Никифора Влеммида, жившего в Никее, филолога-монаха Максима Плануда, поэтов Мануила Олобола и Мануила Фила. Из числа историков особенно известны Георгий Акрополит (1217—1282), дипломат и видный государственный деятель при династии Ласкарей, правившей Никеей и при Палеологах; Никифор Григора (приблизительно, 1295—1359), также государственный деятель и крупнейший византийский учёный, и, наконец, Георгий Пахимер.

Георгий Пахимер, родившийся в 1242 г.

и умерший приблизительно около 1310 г., в течение всей своей довольно продолжительной жизни занимал ряд высоких должностей в государстве как по церковному, так и по гражданскому управлению. Пахимер близко стоял к делам государства и был знаком с такими его сторонами, которые для другого лица были бы навсегда скрыты. Поэтому его известия особенно ценны.

Выдающийся по своему образованию и по своей литературной деятельности среди своих современников, Пахимер оставил несколько сочинений, дошедших до нас в сохранности¹. Важнейшим трудом Георгия Пахимера является «История Михаила и Андроника Палеологов», охватывающая период с 1255 по 1308 год. В этом произведении Пахимер приводит свидетельства о взаимоотношениях Византии и монголов при первых Палеологах.

Первое известие о монголах в «Истории» Пахимера относится к тому времени, когда

¹ K r u m b a c h e r K. Geschichte der Byzantinischen Literatur, S. 288, 2 Aufl. München, 1897.

Михаил Палеолог, уже объявленный соправителем малолетнего Иоанна, сына никейского государя Феодора II Ласкаря, и коронованный на царство, начинает проявлять стремление к единодержавию. Хронологически известие датируется 1261 годом. В это время монголы, которых Пахиммер называет везде *го х а р а м и*, представляли грозную силу. Их столкновения с восточными соседями Византии имели своим результатом то, что «тохары, называемые в просторечьи атарами, растекались по Персии, наподобие бурно текущего потока»¹. Монголы внушали населению панический страх; каждый думал, как пишет дальше Пахиммер, только о собственном спасении. Правительство же Рума, потрясаемое внутренними неурядицами и раздорами, не было в состоянии оказать какое-либо сопротивление; сам султан Азатин² должен был бежать и искать убежище в Византии у Михаила Палеолога, так как он не мог надеяться на другое спасение³.

Это замечание византийского историка следует считать в общем соответствующим действительному положению вещей. Средине XIII в. является в истории монголов верхом их могущества. На Ближнем Востоке одна Византия сохраняла свою независимость и самостоятельность. Вот почему султан Рума Азатин обратился к Михаилу в поисках спасения.

Итак, опасность монгольского нападения для Византии была вполне реальна; враг находился в непосредственной близости. Политическая и военная обстановка ухудшалась. Дав убежище в своём государстве Азатину, Михаил усугубил опасность нападения монголов. По свидетельству Пахиммера, византийский император в этот момент принимал ряд мер к тому, чтобы обеспечить безопасность государства, которое не было подготовлено к отпору. Даже больше: незадолго до этого защита восточных границ в известной степени была ослаблена некоторыми мероприятиями центральной власти в Византии по отношению к так называемым акритам, пограничным феодалам, которых Михаил VIII пытался взять под свой контроль, отобрав у них большую часть их доходов, после чего они не могли защищать границы империи с прежней энергией.

Как указывает Пахиммер, император Михаил Палеолог старался организовать для защиты пограничное с Византией население Румского султаната и принимал в византийское подданство ту его часть, которая согласна была подчиниться грекам. Что же касается монголов, то Михаил, как сообщает Пахиммер, стремился всячески расположить их в свою пользу и даже выражал

готовность породниться с «варварами» путём брачных союзов с их вождями.

В рассказе Пахиммера чувствуются нотки недовольства политикой византийского правительства в «монгольском вопросе». Георгий Пахиммер — большой патриот своей родины. Он скорбит об её упадке. Пахиммер уверяет, что Византия (вернее, Никейская империя времени Ласкарей) была сравнительно в недалёком прошлом более сильным государством, чем то, которое видит и наблюдает современник Михаила Палеолога — Пахиммер. В этом суждении сказывается то, что Пахиммер был родом из Никей, о чём он сам говорит в начале своей «Истории».

Для нас сетования и жалобы Пахиммера ценны в том отношении, что они дают возможность сравнить Никейскую империю Ласкарей с Византийской империей Палеологов во время монгольской опасности.

Так, Пахиммер, говоря о поведении Михаила Палеолога по отношению к монголам, вспоминает никейского императора Иоанна Дуку Ватца (1229—1254), который в своё время энергично готовился к войне с татарами, запасаясь хлебом и оружием, «лишь только известие услышал о них»⁴, хотя никто ещё не знал, «когда они двинутся из своих расположений и с какими намерениями — намерениями войны или мира». При этом Дука, как сообщает Пахиммер, ввёл некоторую систему в распределение съестных припасов: население оставил только необходимое количество, а остальное отобрал и, запечатав медными печатями, приказал изъять из потребления как долговременный запас.

Весма своеобразно поступает преемник Иоанна Дуки — император Феодор Ласкарь (1254—1258), которому пришлось вступить в непосредственные переговоры с послами монголов. Феодор решил, скрывая свой страх перед этим неизвестным для византийцев народом, обмануть послов и представить перед ними своё государство как большое, сильное, имеющее многочисленное войско и в то же время труднодоступное по своему топографическому положению. Феодор решил также блеснуть пышностью своего двора и собственным величием. Для этого особо приставленные к прибывшим послам проводники вели их по дальним и трудно проходным путям; по приказанию царя на глазах послов устраивались передвижения одних и тех же отрядов греческого войска, создавая иллюзию его многочисленности; послам показывали свиту и придворных, а также родственников царя, наряженных в богатые одежды. Император принял послов высокомерно, восседая на роскошном троне, причём вначале его отделяла завеса от присутствовавших на приёме. Сказав послам несколько слов, он отпустил их домой, приказав вести их обратно по тем же непроходимым местам. Но за всей этой декорацией и маскировкой таился страх, который испытывали византийцы пе-

¹ Georgii Pachymeris. De Michaelis Palaeologo. I, 129, ed. Bonnæ. Пахиммер имеет в виду Румский (Иконийский) султанат турок-сельджуков.

² Азатин, или Азеддин Кайкауз II, — один из последних правителей Румского султаната, правивший с 1247 по 1266 год.

³ Pachymeris G. Op. cit. I, 131.

⁴ Ibidem, 131.

ред стоявшими около их границ монгольскими завоевателями. Пахимер об этом говорит вполне определённо: он сообщает, что царя Феодора при известии о приближении послов «объяли страх и трепет»¹.

Впрочем, Пахимер одобряет такой маскарад, который устраивали в Никее перед чужеземцами, и отзывается о нём с известной похвалой. «Так, — пишет Пахимер, — обстояли дела раньше, и так благоразумно поступали правители, хотя и боявшиеся, но скрывшие страх. Тогда на равных началах и весьма любезно отправляли посольства к ним (т. е. к «варварам». — *Н. Л.*) и от них принимали послов, тогда как теперь приходится заботиться о заключении союза посредством брака»².

Таким образом, у Пахимера мы находим характеристику византийской внешней восточной политики при трёх правлениях: при императоре Иоанне Дуке Ватаце, Феодоре Ласкаре и Михаиле VIII Палеологе. Михаил в изображении Пахимера далеко не так энергичен, как Ватац, оружием он особенно не бряцает. Михаил не пытается также поразить монголов тем, чего в действительности нет, как это делал Феодор Ласкарь. Правда, Михаил принимает некоторые военные меры, но не ставит эти меры во главу угла своей политики на Востоке. Учитывая свои силы, он предпочитает дипломатию открытому единоборству с врагом, выгодный брачный союз — прямому вызову монголам.

«История» Пахимера содержит довольно много сведений, более или менее подробных, относительно заключённых или же только предполагаемых Михаилом Палеологом брачных союзов между его довольно многочисленными родственниками и соседними правителями. Только изредка он роднится со своими полководцами или с высшими чинами своего двора.

Георгий Пахимер в некоторых случаях довольно подробно рассказывает об этих браках, иногда же касается их только мимоходом. По поводу некоторых браков он высказывает свою точку зрения, одобряет или осуждает их; о других он сообщает как о совершившихся фактах, не вдаваясь в их обсуждение.

Для нас все эти матримониальные отношения, которые складывались между правящими кругами Византии, с одной стороны, и монголами и другими соседями империи, — с другой, интересны и ценны потому, что они до некоторой степени характеризуют состояние византийского государства в середине XIII века. С этой точки зрения особого внимания заслуживает тот брачный союз, который был заключён Михаилом Палеологом с известным монгольским вождём, грозным Хулагу, разрушителем Багдада. В жёны этому хану была предназначена, как рассказывает Пахимер, дочь самого Михаила: «Мария, незаконнорождённая от брака с Дипловатациною. И

Принкипе, бывший тогда архимандритом монастыря Пантократора, вёз девицу с великим блеском, пышностью и богатством. Был с ним и храм из прочных шёлковых тканей, (нёс он) святые иконы, имевшие золотые украшения, поддерживаемые крестами и шнурами, и многочисленные священные сосуды для совершения святого таинства. И когда, таким образом, готовилось (всё) к великому соединению, Хулагу умер, прежде чем они достигли расположения татар. Девица впоследствии вышла замуж за его сына Абагха, ставшего преемником Хулагу»³.

Это известие Георгия Пахимера важно в том отношении, что, кроме сведений чисто бытового порядка (пышность свадебного поезда, описание походного храма и пр.), оно даёт нам ценные сведения о поведении Михаила Палеолога как государственного деятеля. Столь необходимый ему союз с монголами он пытался укрепить браком татарского хана со своей дочерью. Этот факт, думается нам, говорит о большом упорстве, о большой изворотливости византийского императора и энергии при достижении поставленных им перед собою целей, хотя и под натиском слагавшихся обстоятельств.

Однако Пахимер недоволен такой политикой Михаила. И вот, когда он рассказывает о браке между византийской принцессой Евфросинией (другой дочерью императора) с известным татарским временщиком Ногаем, он этого недовольства скрыть отнюдь не старается. Пахимер сетует на то, что византийское правительство сдерживает натиск монголов не своею смелостью и храбростью, а рабски заискивая, заключая с ними брачные союзы, сопровождаемые крупными и ценными подарками. Пахимеру не нравится соглашение с Ногаем, так как оно было достигнуто не средствами войны, а посредством брачного договора.

Много горечи розлито в словах византийского историка: Пахимер, горячий патриот своей родины, проникнутый верой в могущество греков, не может равнодушно относиться к тому, на какие соглашения с «варварами» идёт император ромеев. Но реальное соотношение сил было таково, что Византия не могла противопоставить агрессивным намерениям Ногаю военную мощь и была вынуждена прибегать к дипломатии.

Очень интересны в «Истории» Пахимера те страницы, которые содержат описание внутреннего быта монголов, их военных обычаев и нравов. Эти страницы с большой убедительностью доказывают, что в лице монголов Византия имела перед собою действительно грозного врага, полного силы и энергии.

О монголах Пахимер отзывается как об отважных воинах, привычных к тяготам и лишениям походной жизни. Законы, которыми управлялись монголы, предписывали им не быть изнеженными в жизни, довольствоваться тем, что есть, помогать

¹ Pachymeris C. Op. cit. I. 134.

² Ibidem, 137.

³ Ibidem, 174—175.

друг другу, по-дружески относиться к тем, с кем они живут, не добиваться и не хлопотать об удобствах жизни, пользоваться всякой пищей, ничего не считая плохим. Законы запрещали монголам приобретать имущество и жить в домах, так как они должны были вести кочевой образ жизни. Если пищи мало, надо её добывать охотой или утолять голод во время похода кровью собственного коня.

Законы предписывали монголам иметь несколько жён и поручать им добывать всё необходимое для жизни; сам монгол должен был лишь воевать, не будучи обременён никакими заботами.

Таковы были законы, по которым жили монголы, таковы были их обычаи и их нравственный облик. Здесь всё подчинялось одной цели — завоевательной, всё было к ней приурочено. Строгие, железные законы вырабатывали воинов с высокими духовными качествами, крепко спаянных в своей среде, сильных и выносливых физически, выходявших победителями из самых тяжёлых столкновений. И, конечно, с таким народом византийцы, обессиленные внутренними классовыми противоречиями, существовавшими в их государстве, вряд ли могли справиться в случае открытого столкновения.

Кроме того не следует забывать, что татары представляли и количественно весьма значительную силу, что отмечено в летописях. Так, например, Густинская летопись под 1259 г. следующим образом говорит о них: «Придоша татары в наши страны в бесчисленном множестве, со Бурундаем царём своим и Ногаем»¹. Если также принять во внимание, что по некоторым свидетельствам мусульманских писателей размеры владений Ногай простирались от Дуная до Яика², то это явится ещё одним дополнительным доказательством силы и могущества монголов, а кроме того объяснит всё значение попыток византийского правительства избежать войны и пойти на установление с татарами мирных отноше-

ний всеми способами, в том числе и путём заключения браков, что так не нравится Георгию Пахимеру.

Для всех этих брачных союзов, конечно, требовались средства, деньги. Мы видели уже, что византийская принцесса, предназначенная в жёны хану Хулагу, везла с собой довольно значительные богатства. Несомненно, то же самое происходило и в других подобных же случаях, тяжело отражаясь на состоянии государственной казны и без того истощённой империи, ложась тяжким бременем податей на византийское население.

Пахимеру, близко стоявшему к делам государства, всё это было известно, и он в своём историческом труде счёл нужным упомянуть об этом с оттенком явного осуждения. Указывая на бедственное положение жителей ряда византийских провинций, Пахимер причину этого видит в том, «что император расточал сокровища на заключение брачных договоров»³.

Михаил Палеолог неустанно следит за тем, что совершается вокруг его государства, и стремится использовать все возможности, чтобы облегчить положение Византии и обезопасить её границы. Основными принципами, на которых он строил свои отношения с соседями и в первую очередь с монголами, были: сугубая осторожность, маневрирование при дипломатических переговорах, вступление на путь военных действий лишь в крайнем случае.

Георгий Пахимер в своём историческом труде весьма убедительно показывает, какую большую роль играли монголы в жизни византийского государства XIII в. и какие сложные задачи поставили завоевания монголов перед правителями Византии. Византийское правительство должно было прибегать к искусной и тонкой дипломатии и к дальновидной политике мирных соглашений и договоров, когда ни один шаг не должен и не мог быть опрометчивым, когда нужно было применять все средства, все возможности.

Заслуга Михаила Палеолога заключается в том, что его дипломатия предохранила Византию от грозившей ей опасности монгольского нашествия.

¹ Веселовский Н. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время, стр. 23. Пггр. 1922.

² Там же.

³ Pachymer G. Op. cit I, 221.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

К переизданию трудов В. В. Бартольда

В 1944 г. (15 ноября) исполняется 75 лет со дня рождения Василия Владимировича Бартольда, крупнейшего историка Средней Азии и Востока вообще.

Когда-нибудь, если в нашей науке станет так же популярен, как в художественной литературе, жанр «творческой истории» учёного, вероятно, выяснится, насколько целеустремлённой была вся деятельность В. В. Бартольда даже в том возрасте, когда человек смутно представляет свою будущую специальность. В своей автобиографии, написанной во второй половине 20-х годов, Бартольд рассказывает, что уже в детстве он почувствовал в себе «некоторый талант историка», и со слов родных мы знаем, что в детские годы в школьных тетрадях он уже писал по-своему историю Персии. Это можно было бы считать наивным детским увлечением, но линия развития шла твёрдо и дальше, не прерываясь, а только приобретая с годами полную определённости и ясности. Очень рано, без всяких видимых колебаний, молодой учёный осознал себя не только историком, но именно историком Востока и целью своей жизни поставил подготовку истории именно Средней Азии.

Чувствуя себя до конца дней «преимущественно историком Средней Азии», В. В. Бартольд постепенно расширял свой горизонт до полного охвата мусульманского мира во всём масштабе его географических и хронологических рамок. И кругозор его и строго научные приёмы дали право Н. Я. Марру с полным основанием сказать, что «востоковедов-историков калибра Бартольда на Западе не было ни одного». Но этого мало. Его строгий историзм ни на минуту не позволял ему забывать про единство развития Езропы и мусульманского Востока, а поэтому не в малой мере показательной можно считать и другую оценку Н. Я. Марра, подчёркивавшего, что Бартольд — «не меньший историк Запада, чем историк Востока».

Может быть, именно теперь особенно поучительно вспомнить некоторые из методических приёмов Бартольда, которые он применял на своих лекциях и систематически проводил в своих работах, настойчиво стремясь к рано поставленному идеалу. У него никогда не слабело пристальное внимание к деталям и связанное с ним стремление к детальным исследованиям, как не слабел интерес к постановке

общих проблем и привлечению материала во всей полноте. Одно Бартольд считал обязательным: только после детальных изысканий подходить к широким проблемам, только в результате долголетних специальных исследований создавать популярные обзоры. Хронологический список его работ за все годы представляет прекрасную иллюстрацию к этому выводу.

В наше время, когда правильная мысль о необходимости серьёзной филологической базы для всякого историка начинает приобретать всё большее признание, интересно отметить, что совсем молодым человеком Бартольд писал Розену в ноябре 1891 г. из Галле: «Каждый занимающийся историей Средней Азии должен быть до известной степени филологом». В первую очередь этот тезис он неуклонно уже в молодые годы применял к себе. Не ограничиваясь основательным усвоением трёх главных языков исторических источников Переднего Востока, Бартольд стал настоящим туркологом, и его товарищ П. М. Мелиоранский, известный турколог-лингвист, отдавал ему пальму первенства. Расширяя свою семитологическую базу на занятиях у гебраиста Д. А. Хвольсона, он изучил не только древнееврейский язык, но счёл нужным усвоить и более поздний язык талмуда и раввинской литературы.

В анализе письменных источников он был непревзойдённым мастером; они стояли для него на первом плане. В своей автобиографии он подчеркнул, что «вполне в своей сфере... чувствовал... себя только во время кабинетной работы над письменными источниками». Он не только умел открывать и привлекать новые материалы, но даже из тех источников, которые пребывали в руках многих первоклассных учёных, он искусно извлекал не замеченные никем детали и давал новое освещение в целом.

Будучи выдающимся нумизматом и археологом, он всё же не чувствовал особого влечения к последней области, преуменьшая свой талант в ней. Ещё 31 мая 1904 г. он писал В. Р. Розену из Самарканда: «Я всё больше и больше убеждаюсь в своей органической неспособности к археологии». Это, конечно, было несправедливо по отношению к самому себе, но любопытно отметить, что именно археоло-

гические исследования последних десятилетий вносят наибольшее количество дополнений и поправок в работы Бартольда.

Документальная, так сказать, база исследований Бартольда была очень велика, но не менее важен был в известных случаях его подход к материалу. Интересно, что в его трудах можно заметить систематическое применение отдельных приёмов, которые получили общее признание в науке значительно позже, иногда в наши дни. Больше тридцати лет назад Бартольд, заканчивая свой небольшой этюд из области малопривычной ему новой истории Персии, писал, что «представление о бабизме, как историческом явлении, останется неполным, пока не будет рассмотрен вопрос, насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века». Десятью годами позже, в 1922 г., он подчёркивал, насколько опасны «много научные выводы, в основу которых положены такие неопределённые понятия, как в области жизни природы—процесс изменения климата, в области человеческой жизни—факты расовой психологии». Оглядываясь на свою, тогда тридцатилетнюю научную жизнь, Бартольд имел полное основание сказать в автобиографии, что «везде, где давали возможность источники, обращалось внимание на значение в истории экономического фактора и основанной на экономических причинах социальной борьбы».

Научное наследие Бартольда велико, разнообразно и поучительно, и при жизни его и после смерти оно часто недооценивалось, обыкновенно в связи со случайными обстоятельствами, вплоть до плохого знакомства с самими произведениями Бартольда. «Пифос расстояния» и здесь сыграл свою роль: можно сказать, что его труды уже выдержали суд истории и вошли в золотой фонд науки. Одним из показателей этого служит переиздание его работ именно в Средней Азии—в той стране, которой он в сущности посвятил всю свою жизнь и которую, несмотря на суровую скупость в выражении своих эмоций, горячо любил.

Перед нами лежат две его брошюры, вышедшие в городе Фрунзе в 1943 г. с малым промежутком. Первая — «Киргизы (исторический очерк)» — выпущена Киргизским институтом истории, языка и литературы, состоящим при Комитете наук при СНК Киргизской ССР; вторая — «Очерк истории Семиречья» — издана Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Обе вышли под редакцией А. Н. Бернштама, которым написаны соответственно две статьи: «Академик Василий Владимирович Бартольд» и «Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана».

Редактор — серьёзный учёный, составивший себе известность ценными многочисленными трудами по истории и археологии Средней Азии, — очень добросовестно отнёсся к своей задаче. При переиздании книги «Киргизы», одной из последних ра-

бот Бартольда, напечатанной в 1927 г. тоже в городе Фрунзе, он имел в распоряжении подлинную рукопись-автограф, найденную в архиве б. Киргизского научно-исследовательского института краеведения; благодаря ей удалось установить, что работа была написана Бартольдом в течение 1926 г. (стр. 10). Автограф дал возможность выверить текст и оговорить в примечаниях все сколько-нибудь существенные отличия сравнительно с изданием 1927 года. Во вводящей статье А. Н. Бернштам дал общую характеристику научного творчества В. В. Бартольда (стр. 3—6), в особенности его работ по истории Киргизии (стр. 6—7), и указал ряд существенных дополнений и поправок, которые можно в настоящее время сделать к печатаемой работе на основе вновь найденных материалов и археологических открытий (стр. 7—9). А. Н. Бернштам справедливо замечает, что и в настоящее время, через 15 лет после своего появления, работа Бартольда остаётся настольной книгой для всех, занимающихся историей киргизов (стр. 7).

В противоположность «Киргизам» вторая книга — «Очерк истории Семиречья» — относится к раннему сравнительно периоду деятельности Бартольда: она была напечатана в 1898 г. в «Памятной книжке Семиреченской области» (в г. Верном), но явилась уже итогом целого ряда работ Бартольда, начиная с первой его поездки в Семиречье в 1893—1894 годах. При жизни Бартольда новых материалов, которые заставляли бы значительно менять его концепцию, обнаружилось сравнительно мало, и только археологические исследования, широко развернувшиеся после 1930 г., существенно дополняют и уточняют работу, особенно с точки зрения периодизации. Несмотря на это, и до сих пор при изучении истории Киргизстана невозможно обойтись без «Очерка».

При переиздании «Очерка» редактор пошёл тоже правильным путём. Оставляя неизменённым текст, согласно первому изданию (с удалением, конечно, довольно многочисленных в нём опечаток), в своей вводящей статье «Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана» он дал обширную характеристику его работ в этой области как до «Очерка», так и после него (стр. 4—6); в дополнение к этому он привёл достаточно полную в библиографическом отношении сводку всех новейших печатных работ, посвящённых истории Киргизстана и новейшим археологическим исследованиям (стр. 6—8). Таким образом, и исследователь и учащийся получают ценное и авторитетное пособие, благодаря которому могут не только располагать выверенным текстом основополагающей работы В. В. Бартольда, но и дополнить её всеми необходимыми сведениями по новейшим исследованиям.

С технической стороны оба издания выполнены более чем удовлетворительно; последнее снабжено внимательно составлен-

ыми указателями соответствующих имён, географических названий, племён и народов (стр. 95—104). Избежать полностью опечаток, особенно в латинском шрифте, всё же не удалось, но количество их при достаточно сложном наборе невелико.

Инициатива учёных Киргизии имеет очень большое принципиальное значение. Она важна не только потому, что благодаря ей все интересующиеся получают возможность пользоваться двумя крупными работами В. В. Бартольда, которые почти со времени своего первого издания представляли библиографическую редкость,—она показывает, что потребность и необходимость серьёзного изучения его наследия осознаны ясно; учёные круги должны всячески поддерживать эту инициативу. Киргизия показала и реальный путь к этому. Полное издание сочинений В. В. Бартольда — дело сложное, требующее большой подготовки, но, может быть, пользуясь уже осуществлённым опытом, следует в первую очередь перепечатать так же внимательно те работы, которые имеют непосредственное отношение к отдельным республикам Средней Азии, как его «Таджики» (Ташкент, 1925) или «Очерк истории туркменского народа» (Ленинград, 1929). В таком же плане, вероятно, следовало бы подумать о переиздании его «Ирана» (Ташкент, 1927), давно представляющего библиографическую редкость.

Этого, однако, мало. Нельзя забывать и про другие работы Бартольда, представляющие более широкое значение не для одной только республики. Известным укором для нашего востоковедения является то, что исключительно ценные «Двенадцать лекций» В. В. Бартольда по истории турок Средней Азии, прочитанные им в Стамбуле в 1926 г., до сих пор доступны только на турецком (1927) и немецком (1935) языках; последний перевод, выполненный туркологом Т. Менцелем, был просмотрен и частично дополнен самим В. В. Бартольдом в год его смерти. Перевод этого издания на русский язык, насколько нам известно, был подготовлен одним из близких учеников В. В. Бартольда—И. И. Умняковым в Самарканде. Средней Азии по праву должна принадлежать честь осуществить это издание.

Полностью осветить вопрос обо всём научном наследии В. В. Бартольда и целиком обрисовать его настоящую «творческую историю» будет возможно только после издания двух его работ, совершенно уже законченных. Первая — это аналитическая библиография всех его печатных трудов (более 700), которая в течение ряда лет упорно и методически составлялась И. И. Умняковым. Она содержит не только перечень всей печатной продукции Бартольда, но кроме того даёт краткое содержание отдельных работ, всех связанных с ними печатных упоминаний, в некоторых случаях даже историю их написания. В нашей литературе существует только один опыт подобной аналитической библиографии трудов известного кавказоведа

М. И. Броссе, составленной на французском языке его сыном. Для пользовавшегося аналогичными изданиями ясно, насколько они наущно необходимы в различных областях науки и насколько большой и систематической работы требуют для своей подготовки. Редактор двух упомянутых книг В. В. Бартольда А. Н. Бернштам ссылается на библиографию И. И. Умнякова как напечатанную Институтом востоковедения Академии наук в 1941 г. («Киргизы», стр. 3, прим. 1); это может дать повод к некоторым недоразумениям. Работа была, действительно, полностью набрана, но блокада Ленинграда помешала закончить её печатание. Институту востоковедения при первой возможности необходимо озаботиться завершением издания, не останавливаясь даже в случае необходимости перед частичным или полным вторичным набором текста. Этого требуют не только память В. В. Бартольда, но и интересы науки в самом широком смысле.

Вторая работа, аналогичная первой, в известных отношениях не менее важная, — это описание архива В. В. Бартольда, в основной части поступившего в архив Академии наук. Он содержит ряд неопубликованных работ покойного учёного, оригиналы напечатанных трудов, деловые бумаги, различные автобиографические материалы, ряд писем многочисленных корреспондентов. Как всегда в таких случаях, архив вводит читателя в лабораторию учёного, давая исключительно ценную основу для его научной биографии и творческой истории отдельных произведений. Он даёт много нового и ценного для науки даже в современном её состоянии, особенно в статьях и набросках Бартольда, почему-либо не увидевших света. Полное описание фонда уже давно подготовлено архивом с участием специалистов-востоковедов и должно быть опубликовано по возможности быстрее. Только при наличии его появится возможность приступить к планомерному печатанию неопубликованных работ В. В. Бартольда и до последнего времени неизвестных материалов относительно его изданных трудов. До сих пор это делалось спорадически и случайно: стали доступны некоторые статьи из ранней истории ислама и очень ценная обобщающая работа об арабских сведениях о русах.

Издание этих двух вспомогательных пособий—аналитической библиографии печатных работ и описи архива,—естественно, должно быть осуществлено Академией наук, которой принадлежит в известной мере инициатива их создания. Но Академии наук после этого придётся, вероятно, подумать о переиздании и тех трудов, вопрос о которых ещё не поднимался. Едва ли нормальным можно считать то положение, что классический фундаментальный труд Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» доступен русскому читателю только в издании 1900 г., представляющем сейчас библиографическую редкость; значительные дополнения, включённые самим автором в английское издание 1928 г., остаются неизвест-

тыми широким кругам советских учёных. Надо добавить, что английское издание имеется обыкновенно только в больших библиотеках крупных центров. Эти дополнения должны быть включены в первую очередь при русском переиздании капитального труда, в котором необходимо, конечно, учесть и всё движение науки в нашей стране после 1928 года.

В такой же мере ненормально то положение, что советский читатель не располагает всеми статьями В. В. Бартольда по истории народов СССР, особенно Средней Азии, и вообще Ближнего Востока, помещённых им в «Энциклопедии ислама» за период почти в четверть века. Количество их очень велико — доходит до нескольких сотен; по своему достоинству они составляют, несомненно, одну из лучших частей этого исключительного по важности, но далеко неравномерного по качеству выполнения издания. Некоторые статьи В. В. Бартольда представляют в сущности самостоятельные исследования; объединение их в одно целое составило бы тоже своеобразную энциклопедию, в первую очередь по истории Средней Азии, нигде ещё не существующую. «Энциклопедия ислама», выходявшая выпусками с 1908 г., была законче-

на изданием незадолго до первой мировой войны; печаталась она на трёх языках: французском, немецком и английском. Недоступность её для широкого читателя усиливается тем, что далеко не все даже большие библиотеки располагают полным комплектом этого дорогого издания. Достоинство нашей науки требует настоятельно, чтобы все эти статьи В. В. Бартольда вошли в научный обиход всей нашей страны возможно скорее, в продуманном, полном издании, на русском языке.

Трудно было бы указать среди работ выдающегося историка такие, которые не заслуживали бы переиздания с соответствующими, конечно, дополнениями. Их порядок и технические возможности осуществления, разумеется, должны быть серьёзно обсуждены как нашими центральными научными учреждениями, так и особенно среднеазиатскими. Учёные Киргизии заслуживают особой благодарности за проявленную ими инициативу, за то, что своим примером напомнили об этой важной задаче, а предстоящее 75-летие со дня рождения В. В. Бартольда говорят о её своевременности.

*Действ. чл. АН СССР
И. Крачковский*

«Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков». В составлении книги участвовали работники отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана, научные сотрудники Института экономики АН СССР, писатели, журналисты Казахстана. Ответственный редактор М. Абдыкалыков. Казогиз. Алма-Ата. 1943. 248 стр. 10 руб.

БЕРНШТАМ А. *Материалы по истории Киргизии в дни Великой отечественной войны*. Киргизгосиздат. Вып. I. Фрунзе. 1943. 60 стр. 2 р. 80 к.

Славные страницы вписал казахский народ в историю Великой отечественной войны. Значительна и многообразна роль Казахской ССР в обороне страны. Казахстан — богатейший арсенал Красной Армии, поставщик меди, свинца, молибдена, марганца и целого ряда других цветных и редких металлов для военной промышленности. Из десяти пуль, выпущенных по врагу бойцом Красной Армии, девять отлиты из казахстанского свинца.

Казахстан даёт уголь, нефть, а также скот, но особенно возросла его роль как поставщика зерна и сахара в период разбойничьей оккупации Украины германскими полчищами.

Сыны казахского народа стяжали заслуженную славу на полях сражений Великой отечественной войны. Три гвардейские дивизии насчитывает казахский народ: это 8-я гвардейская имени генерал-майора И. В. Панфилова, оборонявшая Москву, 30-я гвардейская и 73-я гвардейская дивизия — участница сталинградской эпопеи.

Задача будущих историков — показать во всей полноте героическую борьбу казахского народа в тылу и на фронте. Но уже сейчас, когда ещё нельзя полным голосом сказать о работе промышленности, железнодорожного транспорта и всего нашего хозяйства в военное время, книга «Казахстан в первый год Отечественной войны» представляет захватывающий интерес.

В книге последовательно показаны хозяйственные успехи Казахстана в различных областях промышленности и сельского хозяйства. Развёрнута яркая картина мобилизации казахского народа на борьбу. Эта мобилизация начинается с партийных организаций (стр. 40), охватывает людей на важнейших предприятиях Казахстана: в Караганде, Балхаше, Лениногорске, Джезказгане и др., доходит до самых отдалённых колхозов Казахской ССР. Колхозники сельскохозяйственной артели «Красные горные орлы», Урджарского района, Семипалатинской области, находящейся на границе с Китаем, 20 июля 1941 г., отвечая на призыв товарища Сталина, объявляют себя мобилизованными и призывают всех стать на сталинскую вахту до полного разгрома врага. Они повышают нормы выработки на 20—50%, сокращают сроки сельскохозяйственных работ на 30—50% (стр. 121—127).

Авторы показывают, как мобилизуются знания, творческие способности, изобретательность, смекалка, все физические и духовные силы советских людей, чтобы скорее дать всё нужное Красной Армии.

Ценность книги в большом богатстве фактического материала, в том, что для истории сохранены имена и дела 165 замечательных людей Казахстана в первый год Отечественной войны.

Среди этих людей знатный бурильщик Георгий Хайдин, зачинатель славного движения тысячников в КазССР, выполнивший в ночь на 20 сентября 1941 г. задание на 1230% (стр. 80); Чаганак Берсиев, колхозник сельскохозяйственной артели «Курман», Уильского района, Актюбинской области, вырастивший неслыханный урожай проса — 101 ц с га (стр. 128); бригадир колхоза «Кзыл-Дихан» Есет Калыбеков, который, трудясь на плантации дни и ночи, собрал по 54,6 ц с га прекрасного, отливающегося матовым, жемчужным блеском риса (стр. 144), и многие другие замечательные люди.

В книге есть и недостатки. Не выделен и не очерчен кульминационный пункт первого года войны — борьба за Москву. Недостаточно показаны герои-казахстанцы на фронтах. К концу первого года войны казахский народ насчитывал уже шесть Героев Советского Союза, кроме 22 Героев Советского Союза, участников незабываемого подвига 28 гвардейцев-панфиловцев. Об этих шести героях в книге ничего не сказано. Не вскрыты глубокие истоки благородного патриотизма 28 гвардейцев-панфиловцев, а это можно было бы очень ярко показать хотя бы на примере тт. П. Д. Дутова и Я. А. Бондаренко — членов образцового колхоза имени Сталина, Кугалинского района, Казахской ССР, узнавших в колхозе радостную, счастливую, изобильную жизнь.

Авторы не уделили внимания огромной работе республики по приёму и размещению эвакуированного населения.

Книга написана неровно. Яркие, живые очерки перемежаются с разделами, написанными сухим, протокольным языком. И всё же книга явится ценным источником для изучения роли Казахской ССР в дни Великой отечественной войны.

Книга А. Бернштама «Материалы по истории Киргизии в дни Великой отечественной войны» построена иначе, чем книга «Казахстан в первый год Отечественной войны». Это 1-й выпуск издания, посвящённый определённому этапу — борьбе за Москву. Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Киргизии наметила ряд таких выпусков. Подготавливается 2-й выпуск, посвящённый борьбе за Сталинград, и др.

Поскольку в книге А. Бернштама очерчен определённый этап, она выгодно отли-

чается от книги «Казахстан в первый год Отечественной войны» целеустремлённостью материала, чётко выдержанным историческим принципом. Хорошо написаны первые две главы книги: историческая справка о Киргизии в прошлом и глава о социалистическом расцвете страны за годы советской власти.

Книга написана живо, хорошим литературным языком, но по сравнению с книгой казахстанцев она беднее фактическим материалом и поэтому не так ярко отображает трудовой героизм работников Киргизской ССР. Существенным недостатком книги является то, что упущены вопросы пар-

тийно-политической работы в массах, работа по перестройке партийных организаций на военный лад.

Почин Казахстана и Киргизии, сделавших первую попытку обобщить материал о героической борьбе народов национальных республик СССР против германского фашизма, заслуживает одобрения и должен послужить примером для комиссий по составлению хроники Великой отечественной войны других республик и областей Советского Союза.

Б. Лихтер

«Средние века». Ответственный редактор А. Д. Удальцов. Вып. 1-й. Изд. Академии наук СССР. М. и Л. 1942.

Несмотря на то что в первом выпуске рецензируемого сборника приняли участие только московские медиэвисты, и то не в полном составе, сборник отличается богатым и интересным содержанием, являясь во многом показательным для степени зрелости советской медиэвистики.

Больше всего места уделено в нём проблемам аграрной истории средневековья. Заслуженные мастера советской медиэвистики — проф. Н. П. Грацианский и чл.-корр. АН СССР проф. Е. А. Косминский — представлены в сборнике статьями, которые тесно примыкают к их большим исследованиям по аграрной истории Запада. Проф. Грацианский в своей статье «О разделах земель у бургундов и у вестготов» даёт углублённый анализ далеко не полных и потому трудных для понимания источников, какими являются варварские «правды» бургундов и вестготов, особенно по таким частным вопросам, как отношение германцев к римскому населению и распределение земель между победителями. К сожалению, Н. П. Грацианский лишь мимоходом касается проблемы существования деревенской общины, ибо автор убеждён, что у вестготов, как и у бургундов, «община эта быстро разрушалась в результате имущественного расслоения свободных людей и натиска крупной земельной собственности» (стр. 19).

Чл.-корр. АН СССР проф. Е. А. Косминский опубликовал в сборнике статью «Английское крестьянство в XIII веке», которая является продолжением его статьи, помещённой в «Учёных записках» Московского государственного университета (вып. 41-й за 1940 г.) на ту же тему. В настоящей статье автор рассматривает крестьянское свободное держание в XIII в., основываясь на «Сотенных свитках» 1279 года. Как и во всех своих предыдущих работах, советский исследователь порывает с методологическими приёмами историков юридической школы. Несмотря на чрезвычайную пестроту правовых норм, определявших положение различных групп свободного крестьянского населения

в средневековой Англии, наиболее важное отличие свободного держания от обычного, виланского, крепостного держания состояло в том, что первое было свободно от барщины или связано лишь с незначительными барщинными работами, в то время как виланское было барщинным держанием (до процесса коммутации).

Ученик Е. А. Косминского — Ф. Я. Полянский опубликовал результаты своих исследований по истории феодальной земельной ренты в Англии — «Манориальные источники средств производства в хозяйстве Глостерского аббатства». Даже в XIII в., когда в хозяйстве крупного феодала, каким был манор Глостерского аббатства, появились значительные денежные доходы и установилась ежегодная связь с рынком, феодальная земельная рента продолжала оставаться основой всей экономической системы: зависимое крестьянское хозяйство попрежнему не только обеспечивало аббатство необходимой рабочей силой, но поставляло также все остальные средства производства и оставалось единственным источником денежного накопления. Статья Ф. Я. Полянского служит наглядным опровержением теории «вотчинного капитализма» в средние века, хотя и на одном лишь частном примере.

Проф. В. Ф. Семёнов выступил с исследованием «Огораживания в Англии конца XV — начала XVI века» на основании данных правительственных комиссий 1517—1518 гг. по шести срединным графствам. Локальный характер исследования не даёт права для далеко идущих обобщающих выводов, но добытые результаты представляют значительный научный интерес. Оказывается, что самыми активными участниками в ограблении сельского населения Англии и рыцарями первоначального накопления начала XVI в. были фермеры, представители крупной капиталистической аранды. На их долю приходится 49% всех «огораживателей». За ними следуют дворяне-землевладельцы — 18,67%, копигольдеры — 13%, фригольдеры — 12,7% и монастыри — 6%. Среди пострадавших от

огораживаний, по материалам автора, были главным образом мелкие крестьяне из лизгольдеров, держателей по обычному праву.

Аграрной истории раннего средневековья посвящена статья проф. А. О. Неусыхина «Об общественном строе лангобардов в VI—VII веках». Автор расходится с мнением П. Г. Виноградова, который полагал, что и после лангобардского завоевания в оккупированных лангобардами частях Италии сохранились прежние группы свободного сельского населения. На основании анализа эдикта Ротари 643 г. проф. А. О. Неусыхин даёт характеристику общественного строя лангобардов и обосновывает свой тезис о том, что в связи с особым способом заселения целыми племенными союзами процесс образования лангобардского государства резко отличался от хода возникновения варварских государств у бургундов, вестготов и франков. Указанный способ заселения Италии не приостановил ни исчезновения родовых связей, ни мобилизации земельной собственности, ни процесса социального расслоения лангобардского общества. Эдикт Ротари не знает судебного собрания свободных по сотням или округам, хорошо известных по Салической правде (*mallus*). Другой особенностью лангобардского общества является сосуществование сильной королевской власти и власти герцогов.

Чл.-корр. АН СССР проф. С. Д. Сказкин в статье «Февдист Эрве и его учение о цензиве» возвращается к старому спору между М. М. Ковалевским и И. В. Лучицким о характере крестьянского землепользования во Франции в последние десятилетия старого порядка. Автор примыкает к теории Лучицкого о существовании в XVIII в. «условной», или «феодальной», крестьянской собственности и углубляет её понимание на основе анализа учения февдистов как знатоков феодального права. Самый крупный из них — Эрве, который представляет особый научный интерес своей попыткой выразить «феодальное право в понятиях и нормах буржуазного права» и отстаивает интересы гибнущего класса феодалов. Несмотря на явное пристрастие в пользу последнего Эрве показывает, что права сеньера ограничивать собственность цензитариев были «весьма эфемерны», меньше, нежели обычные права кредитора на собственность должника. Было бы желательно, чтобы С. Д. Сказкин продолжил свой интересный анализ других видов держаний, которые, по его же словам, «предоставляли сеньеру гораздо больше прав, чем цензива».

Проф. Б. Ф. Поршнев опубликовал часть своего капитального исследования по истории плебейских движений во Франции; эта проблема впервые представлена им в нашей научной литературе. На этот раз автор останавливается на восстании «босоногих», которое «не было ни преимущественно плебейским, ни преимущественно крестьянским восстанием, но представляет собой образец слияния того и другого». К дви-

жению «босоногих» и даже к самому руководству присоединились и другие социальные группировки, в том числе представители городской буржуазии и некоторой части дворянства. Это «нижклассовые», по выражению Б. Ф. Поршнева, элементы помешали движению принять открыто антифеодальное и антиабсолютистское направление, ограничив борьбу выступлением против системы налогов.

Проф. В. Э. Грабарь выступил с интересным исследованием «Священная Римская империя в представлении публицистов начала XIV века». В пределах данной статьи автор ограничивается рассмотрением борьбы мнений средневековых публицистов по поводу столкновения папы Бонифация VII с Филиппом IV Красивым в начале XIV в., считая их взгляды в достаточной мере характерными и для второй половины XIV и даже для XV века. Раньше всего во Франции, а потом и в других странах Западной Европы публицисты в противовес претензиям папства и империи на универсальное господство над христианским миром начали отстаивать права и независимость национальной церкви и государства.

Истории реформации посвящены две статьи: М. М. Смирин и проф. Н. И. Радцига. Смирин освещает деятельность Томаса Мюнцера в Цвиккау в 1520—1521 гг., когда народная реформация отошла от партии Лютера и заняла по отношению к вождю бюргерского течения в реформации открыто враждебные позиции. Руководствуясь методологическими указаниями Энгельса, М. М. Смирин подвергает тщательному анализу эволюцию взглядов Мюнцера, используя его переписку и другие источники этого периода. Вывод автора: «Как показали уже первые выступления Мюнцера, из самой сущности его концепции реформации, сделавшейся идеологическим оружием крестьян и плебеев, вытекала необходимость революционных действий народа».

Проф. Н. И. Радциг обращает внимание историков реформации на трактат Кальвина, направленный против почитания реликвий («*Traité des reliques*» Кальвина, его происхождение и значение). По своей остроумной аргументации, острой и злобной иронии, а также по общекультурному значению трактат Кальвина, по мнению Радцига, «может занять место рядом с крупнейшими критическими работами этой эпохи, каковы творения Эразма, Лоренцо Валлы, Лефевра д'Этапля и др.».

З. В. Мосина в статье «Хронологические выписки» Маркса» обращает внимание читателей на богатство теоретической мысли и ценные методологические указания Маркса в третьей тетради его «Хронологических выписок». Как правильно указывает автор, «историю отдельных европейских стран Маркс изучает не изолированно, а как бы стремясь охватить одним взглядом весь исторический поток, составлявшийся из бесчисленного множества струй». В нашей исторической литературе постоянно делались и делаются ссылки на отдельные

места «Хронологических выписок» Маркса, но тов. Мосина впервые делает попытку свести в систему разбросанные в третьей тетради замечания и приходит к выводу, что «в тонкой дипломатической игре, скрытых конфликтах и открытых вооружённых столкновениях Маркс умел проследить основное: процесс формирования и укрепления первых национальных государств в Европе».

А. Д. Люблинская в своей статье «О. А. Добиаш-Рождественская как историк» даёт характеристику жизни и научной деятельности своей покойной учительницы. О. А. Добиаш-Рождественская приобрела

широкую известность как крупнейший специалист по латинской палеографии в СССР и как великолепный знаток средневековых источников. С её смертью советская средневековедение понесла большую потерю в этих специальных отраслях исторической науки.

Заканчивая обзор весьма интересного по содержанию и ценного в научном отношении первого выпуска сборника «Средние века», присоединяемся всецело к пожеланиям его редакторов о необходимости скорейшего выпуска следующих сборников, которые хотя бы частично заменили специальный журнал по истории средних веков.

Я. Зугис

ХРАБРОВИЦКИЙ А. *Замечательные места Пензенской области (Суворово. Чембар. Тарханы. Верхнее Аблязово. Дубровка и Кромщина).* Издание газеты «Сталинское знамя». Пенза. 1943. 40 стр. 2 руб.

Небольшая брошюрка А. Храбровицкого воскрешает в памяти образы великих русских людей, которыми гордится наш народ, — Суворова, Белинского, Лермонтова, Радищева — и описывает ряд мест Пензенской области, связанных с жизнью и деятельностью этих людей.

В селе Суворове (ранее Маровка) жил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. Местное население с любовью хранит память о славном сыне русского народа. 7 ноября 1942 г. состоялось торжественное открытие памятника Суворову на площади села Суворова. Было получено много писем с фронта от красноармейцев — уроженцев этого села, — проявляющих горячий интерес к увековечению памяти своего знаменитого земляка.

Чембар — город, в котором провёл своё детство и юность великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский. Не раз в своих произведениях Белинский вспоминает об этом маленьком, тихом провинциальном городке. Советская власть заботливо хранит всё, относящееся к пребыванию Белинского в Чембаре: дом, где он жил, взят под государственную охрану, в нём открыт музей; на здании школы, где он учился, воздвигнута мемориальная доска и т. д.

В Тарханах рос Лермонтов. В этом очаровательном уголке сохранилось много мест, напоминающих о нём. Здесь же находится склеп с гробом поэта, а над ним шумят ветви дуба, посаженного над могилой поэта его бабушкой, во исполнение его предсмертного желания:

«Надо мной чтоб, вечно зеленея,

Тёмный дуб склонялся и шумел...»

Село Верхнее Аблязово тесно связано с именем великого русского патриота Александра Николаевича Радищева. Здесь он впервые столкнулся с ужасами крепостного права, так ясно описанного им в его «Путешествии из Петербурга в Москву».

Два села Пензенской области — Дубровка и Кромщина — получили известность в связи со смелым выступлением В. Г. Короленко в дни чёрной реакции 1911 г. Отдыхая в селе Дубровке, Короленко узнал о бесчеловечных истязаниях, которым подвергли крестьян в соседней деревне, Кромщине, пьяные царские опричники — урядник и два стражника. Статья В. Короленко «В успокоенной деревне» вызвала такой отклик в широких слоях общества, что царским чиновникам не удалось замять это дело: они вынуждены были произвести расследование и наказать истязателей.

Брошюра А. Храбровицкого вышла в свет на третьем году Великой отечественной войны. Фашистские мерзавцы разрушили и осквернили немало замечательных исторических памятников, глубоко чтимых советским народом. Тем больше заботы проявляет теперь советская общественность о сохранении и популяризации памятников, оставшихся в неприкосновенности. Брошюра А. Храбровицкого прекрасно доказывает это. Следует только пожелать, чтобы и в других памятных и священных для нашего народа местах были изданы подобные книжки.

Б. Креморгат

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Morgan W. T. *A Bibliography of British History (1700—1715)*. Five Volumes. Indiana University. 1942.

Морган У. Т. Библиография по истории Великобритании (1700—1715). В пяти томах.

Galdames Luis. *A History of Chile*. Translated and edited by Isaac Joslin Cox, professor of History in Northwestern University. The University of North Carolina Press. 565 p.

Гальдамс Луис. История Чили. Перевод Исаака Кокса, профессора истории Северозападного университета.

Robertson William Spence, professor of History in the University of Illinois. *History of the Latin-American Nations. Second edition revised and enlarged*. New York — London. 1942. 821 p.

Робертсон У. История латиноамериканских наций. 2-е, пересмотренное и расширенное издание.

White John W. *Argentina. The Life Story of a Nation*. New York. 1942.

Уайт Дж. Аргентина. Жизнеописание нации.

Политическая, социальная и экономическая история Аргентины.

Leonhardt Hans L. *Nazi Conquest of Danzig*. The University of Chicago Press. Chicago. 1942. 363 p.

Леонардт Г. Захват Данцига гитлеровцами.

Crawford R. M. *Ourselves and the Pacific*. Melbourne University Press. 1942. 252 p.

Крауфорд Р. Мы и Тихий океан.

История Австралии и стран Тихого океана с доисторических времён до наших дней. Учебник, предназначенный для школьников и для самообразования.

Fitzpatrick Brian. *A short History of the Australian Labour Movement*. Melbourne. 1942. 182 p.

Фитцпатрик Б. Краткая история австралийского рабочего движения.

Tissier Pierre. *Le procès de Riome*. Londres. 1943.

Тиссье П. Риомский процесс. Материалы и документы. История возникновения риомского процесса. Стенограммы процесса с комментариями автора и с предисловием де Голля.

Seton-Watson R. W. *Massaryk in England*. Cambridge at the University Press. 1943.

Сетон-Уотсон Р. Массарик в Англии.

Воспоминания и документы о пребывании Массарика в Англии, об отношении его к революции в России, документы, речи и доклады Массарика о подготовке независимости Чехословакии, о роли малых наций в европейском кризисе и т. д.

Birley Robert. *Speeches and Documents in American History*. Oxford University Press. New York. 1943.

Берли Р. Речи и документы по истории Америки.

Haines C. Grove, Hoffmann Ross. *The Origins of the Second World War*. Oxford University Press. New York. 1943.

Хейнес К. Г. и Гофман Р. Происхождение второй мировой войны. Сборник статей.

Roosvelts Foreign Policy 1933—1941. New York. 1943.

Внешняя политика Рузвельта 1933—1941 годов. Документы и очерк.

Mc Lachean Jean O. *Trade and Peace with Old Spain, 1667—1750*. Cambridge University Press. Mass. 1942.

Маклечин Дж. *Торговля и мир со старой Испанией 1667—1750.*

Faulkner, Harold Underwood. *American Political and Social History.* New York.

Фолкнер Г. *Американская политическая и социальная история.*

Brodrick Alan Houghton. *North Africa.* Oxford University Press. New York. 1943.

Бродрик А. *Северная Африка.*

Subercaseaux Benjamin. *Chile.* New York. 1943.

Сюберкасо Б. *Чили.*

Sturmthal Adolf. *The Tragedy of European Labor 1918—1939.* Columbia University Press. New York. 1943.

Штурмгаль А. *Трагедия европейского рабочего 1918—1939.*

Beu Amine Jousset, *Independent Egypt.* London. 1943.

Бей А. *Независимый Египет.*

Sforza Carlo, count. *Fifty Years of War and Diplomacy in the Balkans.* Columbia University Press. New York.

Сфорца К. *Пятьдесят лет войны и дипломатии на Балканах.*

Hancock W. K. *Survey of British Commonwealth Affairs.* Vol. I.—Problems of Nationality, 1918—1936; Vol. II, Part I—Problems of Economic Policy, 1918—1939; Vol. III, Part II—Problems of Economic Policy, 1918—1939. Oxford University Press. New York. 1942.

Хэнкок У. *Обзор проблем, касающихся Британской империи.* Т. I—Проблемы национальности, 1918—1936; Т. II. Ч. 1-я—Проблемы экономической политики, 1918—1939; Т. III. Ч. 2-я—Проблемы экономической политики, 1918—1939.

U. S. Department of State. *Foreign Relations of the United States.* 1928. Vol. I, II, III. Washington. 1943.

Государственный департамент США. Внешние отношения США в 1928 году. Сборник документов. Тома I, II, III.

Meyers Gustavus. *History of Bigotry in the United States.* New York. 1943. 504 p.

Майерс Г. *История мракобесия в США.*

Тщательно документированное исследование расовых, социальных и религиозных предрассудков в США и деятельности различных изуверских, антисемитских, фашистских (типа Ку-клукс-клана) организаций.

Bryan George S. *The Spy in America.* Philadelphia. 1943. 256 p.

Брайэн Дж. *Шпион в Америке.* История шпионажа в США, основанная на оригинальных материалах и документах.

Langsam Walter C. *The World since 1914.* New York. 1943. Rev.

Лэнгзэм У. *Мир после 1914 г.* Пересмотренное издание.

Robertson William S. *History of the Latin American Nations.* New York. 1943. Rev.

Робертсон У. *История латино-американских наций.*

Lesuer Larry. *Twelve Months That changed the World. From the Defence of Moscow to the Defence of Stalingrad.* New York. 1943.

Лезюер Л. *Двенадцать месяцев, которые изменили мир. От обороны Москвы до обороны Сталинграда.*

Wintrigham Tom. *The Story to Weapons and Tactics from Troy to Stalingrad.* Boston. 1943. 230 p.

Уинтригэм Т. *История оружия и военной тактики от Трои до Сталинграда.*

История развития техники, тактики, стратегии, транспорта, снабжения и подготовки армий на протяжении тысячелетий человеческой истории. Автор—военный корреспондент газет «Дэйли миррор» и «Пикчер пост».

Singer Kurt. *Duel for the Northland. The War of Enemy Agents in Scandinavia.* New York. 1943. 212 p.

Зингер К. *Поединок за северные страны. Разрушительная деятельность вражеских агентов в Скандинавии.*

Книга о политическом, военном, морском и экономическом шпионаже Германии в северных странах: Гренландии, Исландии, Дании, Швеции, Норвегии и др.

Chase Allan. *The Axis Secret Army in the America*. New York. 1943. 278 p.

Чейз А. *Секретная армия оси в Америке*.

Автор исследования называет имена, приводит даты, факты, выдержки из секретных документов о роли и значении «Фаланги», как гитлеровской «пятой колонны» в Латинской Америке.

Carlson John Roy. *Under Cover*. New York. 1943.

Карлсон Дж. Р. *Под покровом*.

История фашизма в Америке.

Cole Charles Woolsey. *French Mercantilism*. Columbia. 1943.

Коул Ч. У. *Французский меркантилизм*.

Исследование по истории экономической мысли во Франции в период от 1683 до 1700 г.

Guedalla Philip. *The Two Marshals*. New York. 1943. 346 p.

Гедалла Ф. *Два маршала*.

Политико-биографический очерк о Базене, сдавшем Мец пруссакам в 1870 г. и приговорённом к смерти, и о Петэне, сдавшем Францию в 1940 г. Гитлеру и ставшем её правителем.

Brebner J. B. and Nevins Allan. *The Making of Modern Britain*. New York. 1943.

Бребнер Дж. и Невинс А. *Становление современной Британии*.

Mowatt R. B. and Slosson Preston. *History of the English Speaking Peoples*. Oxford University Press. New York. 1943. 577 p.

Моуат Р. и Слоссон П. *История народов, говорящих на английском языке*.

Crowe S. E. *The Berlin West African Conference 1884—1885*. New York, Longmans, Green & Co. 1943.

Крауи С. *Берлинская конференция по вопросам Западной Африки, 1884—1885 гг.*

Исследование о значении конференции для разрешения вопросов современности.

Howe Laurence Lee. *The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180—305)*. The University of Chicago Press. Chicago.

Хауи Л. *Преторианские префекты от Коммода до Диоклетиана (180—305 гг. н. э.)*.

Sherman Charles P. *Roma Civilization in the Modern World*. New Haven, Conn.

Шерман Ч. *Римская цивилизация в современном мире*.

А. Шубников

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Конференция по историческому роману

С 12 по 15 октября 1943 г. в Москве происходила конференция в Союзе советских писателей о задачах исторической художественной литературы.

Акад. А. Н. Толстой, открывая конференцию, отметил, что весь советский народ, весь мир ждёт от наших писателей «осмысления происшедшего и происходящего», ждёт «творческого взгляда в будущее...» Совершенно так же, как Отечественная война 1812 г. и все глубочайшие социальные и экономические изменения XIX в. породили великую русскую литературу, так и Великая отечественная война советского народа должна пробудить великие творческие силы в нашей литературе. И особенное внимание нашей литературы должно быть обращено на историю, ибо невозможно понять какое-либо явление вне связи его с прошлым.

Акад. Е. В. Тарле в своём выступлении указал на ряд трудностей, которые стоят перед автором исторического романа. Иногда это скудость материала, при которой даже самый могучий талант не может достигнуть нужных результатов (Флобер в его романе «Салаambo»), иногда, напротив, обилие материала одолевает романиста, и он душит читателя излишними подробностями (Мережковский). Часто автор подпадает под власть своих предвзятых мыслей. Примером может служить «Война и мир», где Л. Толстой заставляет исторические персонажи высказывать его собственные взгляды.

Сравнивая советский исторический роман с современным историческим романом на Западе, акад. Тарле приходит к выводу о бесспорном превосходстве советского романа. Основной задачей наших романистов должно явиться отображение того исключительного места, которое занимает наша страна в истории. По своим огромным размерам наша родина превосходит все существовавшие империи. Показать средствами художественного творчества становление этого колоссального организма — большая задача. Кроме того наши писатели должны помнить, что спасение, которое Красная Армия несёт миру, будет заключаться не только в освобождении народов, поработанных фашизмом, но и в том, что будут восстановлены моральные принципы.

Это тот исходный пункт новой советской истории, который должен быть художественно отображён нашими писателями.

Доклад об историческом жанре в художественной литературе и о современных задачах этого жанра сделал писатель К. Оси-

пов. В художественных произведениях этого рода, сказал К. Осипов, притягательные черты истории выступают с особой силой. Не удивительно, что это один из любимых видов литературы ещё со времён Гомера и Эсхила. На стороне историка строгая достоверность. Писатель должен изобразить не только ткань исторических событий, но и характеры, колорит эпохи, передать обаяние реальности в правдивых и выпуклых картинах.

Попытка установить точные границы жанра всегда схоластична. В особенности это относится к историческому жанру, но основные признаки, характеризующие этот жанр, можно установить. Среди действующих лиц произведения обязательно должны быть такие, которые знакомы читателям из истории; это не должны быть непременно выдающиеся личности, но необходимо, чтобы читатель мог убедиться из истории в том, что эти персонажи действительно существовали и что автор представил их в основном верно. Материал исторического романа должен быть отлит, исчерпан в биографиях частных лиц. В нём должна звучать тема широких, массовых движений с решающей ролью народа. Наконец, в нём должны быть использованы исторические документы. Не во всех произведениях перечисленные признаки встречаются в чистом виде, но, во всяком случае, сумма их позволяет отнести произведение (роман, повесть, рассказ) к историческому жанру.

Докладчик подчеркнул, что исторические романы имеют большое политическое значение; расцвет этого жанра наступает всегда в эпоху общественного подъёма, обострения национального чувства в народе. В СССР, где высоко развито чувство советского патриотизма, исторический роман был понят, воспринят и развит больше чем где бы то ни было.

Советский исторический роман отличается тем, что в нём фабульная линия, преобладавшая ранее, сменилась исторической, которая не подчиняется параллельно развивающейся интриге, а имеет самодовлеющее значение. В первое время советская историческая проза преимущественно разоблачала старые мифы и иллюзии, насаждавшиеся царизмом, а также изображала пафос революционной борьбы. Затем важнейшую роль стали играть темы о национальном могуществе и достоинстве братских народов СССР, темы патриотизма.

Перечисляя исторические произведения советских писателей, докладчик останавливается на романе С. Голубова «Багратион». В этом романе актуальна тема, хороши батальные картины, но наряду с этим недостаточно глубоко трактуется образ Багратиона, чрезмерна декоративность. Многие авторы злоупотребляют стилизацией, вводят архаичные слова и выражения. Даже такое произведение, как удостоенный Сталинской премии роман С. Бородинна «Дмитрий Донской», страдает этим недостатком.

В заключение К. Осипов отмечает, что в наше время, когда читателю нужно показать действительность, способную обогатить его жизненный опыт, очень большое значение приобретают художественные произведения, написанные в небеллетристической форме (биографии, очерки и т. д.). Уступая роману в сюжетности, этот вид литературы превосходит его в достоверности. Несмотря на огромный интерес самых широких кругов к такого рода произведениям, они зачастую испытывают все трудности промежуточного жанра, не находя заслуженной оценки ни у писателей, ни у историков.

Скоро Великая отечественная война советского народа станет достоянием истории, а вместе с тем и материалом для художественной исторической литературы. Это обязывает писателей, работающих над историческим романом, тщательно обсудить все проблемы содержания и формы, чтобы во всеоружии приступить к своей ответственной задаче.

Секретарь Президиума ЦСП по организационно-творческим вопросам тов. П. Г. Скосырев в докладе «Исторические романы писателей братских народов» показал, что историческая тематика в литературе братских народов в дни Великой отечественной войны играет существенную роль. За время войны вышел ряд исторических романов писателей братских народов: «Навои» Алибека, «Муканна» Хамида Алимджана, «Решающие шати» Берды Кербабаева и др. Это объясняется тем, что историческая тема всего ближе к фольклору, народному эпосу. Едва народ осознает себя как народ, — и у него уже есть былины, историческая песня. А фольклор, эпос лежат в основе исторического жанра литературы.

Одним из условий складывания нации является устойчивость психического склада, а устойчивость психического склада народа невозможна без памяти о прошлом. Нация воспитывается на примерах жизни своих героев. В этом смысле воспитательное значение исторической литературы огромно. То, что в дни войны историческая тема у писателей наших народов занимает такое значительное место, вполне закономерно. Гитлер угрожает существованию всех советских народов. Самоутверждение каждой советской нации, выразившееся в том, что каждый народ обратился к своему прошлому, является естественным актом самозащиты нации против гитлеровской агрессии.

Положительной чертой советского исторического романа является не только его

близость к фольклору, но и широта его темы, затрагивающей прошлое не одного народа, но многих советских народов. И это понятно, потому что понимание братских народов присуще авторам наших исторических романов — советским писателям. Это одна из характернейших признаков советской исторической литературы.

Ответственный секретарь иностранной комиссии ЦСП и заведующий иностранным отделом Гослитиздата тов. Б. Л. Сучков, выступивший в прениях, отметил, как отличительную черту советской литературы вообще и исторического романа в частности, историзм, т. е. правильное воззрение на исторический процесс, умение не только научно точно исследовать социальные особенности той или иной эпохи, расстановку классовых сил, определяющую духовный и политический облик эпохи, но и умение видеть, как в родовых муках исторического процесса рождается новое общество, то общество, которое мы создаем. Именно этой способности живого восприятия исторической эпохи лишена современная зарубежная историческая литература.

Зарубежный социальный исторический роман имеет ряд направлений. Такие писатели, как Эмиль Людвиг, Моруа, пытаются вынужденный упадок буржуазной культуры приравнять к великим традициям прошлого. Это ясная апологетическая линия. Вторым направлением является откровенная империалистическая апологетика насилия. Немецкие фашистские писатели делают насилие движущей силой истории (Неймелбург — роман о Фридрихе Барбароссе). Другое направление связано с декадентской философией истории. Для этих писателей центром исторических событий является человек, который двигает историю своей волей. Они говорят, что человек неизменен, мир неизменен, — следовательно, между прошлым и настоящим можно поставить знак равенства и написать роман из жизни прошлого, одев героев в современные одежды. И, наконец, направление, связанное с буржуазно-демократическими иллюзиями (Генрих Манн, Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Стефан Цвейг). Здесь мы встречаем гуманистическое представление об истории, как о столкновении исторического разума и исторического неразумия.

На этих примерах, говорит далее тов. Сучков, видно, насколько наш советский исторический роман стоит выше зарубежного, именно потому, что в советском историческом романе есть чувство живого восприятия истории. Положительной чертой наших исторических романов, вышедших за последнее время, является правильное представление о судьбах нашей родины, правильное представление об историческом процессе. С этой точки зрения, по мнению тов. Сучкова, большое значение имеет роман В. Шишкова «Емельян Пугачёв», где широко охвачены события эпохи, где народ — это живые люди, которые созидали своим потом, костями могущественное Русское государство.

Дефектом нашей исторической литературы является то, что она несколько ограничена в своей тематике. Надо расширить тематику и художественно показать взаимоотношения с нашими соседями, европейскую роль нашего государства, нашу дипломатию, которая на протяжении веков была самой искусной, умной и ловкой. Нам нужно показать, что наш народ умел защищать своё национальное достоинство, своё государство, показать наших мастеров войны, наших великих полководцев и наш народ, как народ собирателей и созидателей. Мы создали самое великое, самое обширное государство, мы сумели его удержать, мы сумели нашествие немцев превратить в их отступление, — этим мы обязаны тому, что в нашей истории, в нашем характере лежат черты деятелей, черты созидателей.

В ходе прений выступил писатель тов. А. А. Фадеев. В своём выступлении тов. Фадеев главное внимание уделил вопросу о восприятии советским народом исторического прошлого нашей страны. Наш великий народ, первый в мире совершивший социалистическую революцию, сумел найти в себе силы ликвидировать технико-экономическую и культурную отсталость этого прошлого, построил социалистическое общество и вывел нашу страну на первое место в мире, создал передовую культуру и передовое искусство. Гордясь этим историческим развитием нашего народа, мы должны помнить, что характер народа, который смог совершить это великое дело, начал формироваться в его прошлом.

Величайшей заслугой наших авторов исторических романов является то, что они поняли и поставили проблему национального характера, когда она ещё не для всех была ясна. Большое значение имел роман Алексея

Толстого «Пётр I», в котором впервые была освещена историческая личность, отождествлявшая черты русского национального характера, русского преобразовательного гения.

Мы вправе гордиться авторами наших исторических романов, которые впервые подняли проблемы, сейчас утверждённые историей; мы вправе гордиться историческими романами А. Антоновской «Великий Моисави», С. Бородина «Дмитрий Донской», В. Яна «Чингиз-хан», В. Шишкова «Емельян Пугачёв», С. Голубова «Багратион», книгой К. Осипова «Суворов» как лучшими историческими произведениями в мировой литературе.

Однако, продолжает далее тов. Фадеев, эти романы имеют ряд недостатков, которые понижают их художественную ценность: в романах часто герой не показан как живой человек с единым, цельным характером. Язык большинства исторических романов мало индивидуализирован. В романе Голубова «Багратион», справедливо заслужившем высокую оценку, совсем нет картин русской природы, часто встречаются трафаретные, штампованные выражения. Наш народ, занявший первое место в истории, должен иметь лучшее искусство в мире, и он предъявляет к этому искусству большие художественные требования.

В прениях выступали также гг. В. Шашков, С. Бородин, А. Шишко, С. Голубов, А. Дживелегов, И. Нусинов и др. После заключительного слова К. Осипова конференция закрылась.

По решению Президиума Союза советских писателей, основные доклады и выступления будут изданы в отдельной брошюре.

С. Асташкевич

Работа отдела Отечественной войны Азербайджанского филиала ИМЭЛ

В апреле 1943 г. по решению Центрального комитета КП(б) Азербайджана при Азербайджанском филиале Института Маркса — Энгельса — Ленина — Института истории партии им. Ст. Шаумяна создан сектор «Азербайджан в Отечественной войне».

Перед сектором поставлена большая задача по собиранию, систематизации и выпуску в свет материалов об участии азербайджанского народа в Великой отечественной войне.

Работники сектора собирают все материалы по этому вопросу: книги, брошюры, газеты (центральные, местные, фронтовые, районные), листовки, плакаты, «боевые листки», стенные газеты. В сектор поступают множество фотодокументальных материалов, личные воспоминания, дневники, письма и рассказы героев-фронтовиков, труженников тыла, стенограммы созещаний, бесед, отдельных выступлений.

В издании института вышли сборники на

азербайджанском и русском языках: «Доблестные сыны Азербайджана» (1-й, 2-й и 3-й сборники изданы на азербайджанском языке и 1-й сборник — на русском), брошюры, рассказывающие о боевой деятельности Героев Советского Союза — Ази Асланова, Идриса Сулейманова, Кафура Мамедова, отважного политрука Кемала Касумова, прославленного лётчика Гусейна Бала Алиева и др.

Сотрудники сектора подготовили к печати работы на темы «Сыны Азербайджана в боях за Москву и Ленинград», «Сыны Азербайджана в боях за Сталинград», сборник о боевом пути славной 416-й Краснознамённой Таганрогской стрелковой дивизии, состоящей из азербайджанцев.

Коллектив историков подготовил сборник «Патриоты тыла» — о трудовой деятельности рабочих, колхозников, интеллигенции орденносной республики в период Отечественной войны; готовится история Н-ского орденносного завода в дни войны.

Сектор работает в тесном контакте с работниками фронтовых газет. Группа его сотрудников побывала на фронте, в гостях у героических бойцов и командиров 416-й Краснознамённой Таганрогской стрелковой дивизии.

Поездка на фронт дала интересный материал о боевой деятельности воинов-азербайджанцев. С фронта привезены армейские газеты, листовки, фронтовые сборники, фотодокументы. Сейчас научные работники сектора обрабатывают материал, подготавливают его к опубликованию.

Сектор провёл в Доме пропагандиста и агитатора им. С. М. Кирова при Бакинском комитете КП(б) Азербайджана цикл лекций на азербайджанском и русском языках об Азербайджане в Великой отечественной войне.

Научные работники института систематически выезжают в районы республики для собирания необходимых материалов.

В ноябре 1943 г. решением ЦК КП(б) Азербайджана сектор преобразован в отдел

Отечественной войны Азербайджанского филиала ИМЭЛ.

В 1944 г. отдел предполагает значительно расширить свою работу. Уже сейчас его сотрудники готовят к выпуску в свет 4-й и 5-й сборники «Доблестные сыны Азербайджана» на азербайджанском языке и 2-й и 3-й — на русском языке, 2-ю и 3-ю книги из цикла «Патриоты тыла». Намечается выпуск работ на темы «Азербайджан в Отечественной войне», в объёме 15 печатных листов, «История Н-ской дивизии» и сборник документов о героях-азербайджанцах. Научные работники отдела ведут работу по составлению хронологии Великой отечественной войны, подготавливают сборник документов «Азербайджан — освобождённым районам».

Кроме научных сотрудников института к работе по истории Отечественной войны постоянно привлекаются местные писатели, журналисты, работники армейских газет и учёные.

М. Казиев

Охрана архитектурно-археологических памятников в Бухаре

Бухара — один из древнейших городов Союза: она насчитывает не менее чем двухтысячелетнюю давность. Китайские источники в V в. н. э. упоминают Бухару под названием Ну-ми и в VII в. — под названием Пу-хо. Характерная особенность Бухары — она не меняла своего местоположения и план города почти не изменился за тысячу лет. Этим объясняется наличие в Бухаре множества архитектурно-археологических памятников.

Городская общественность под руководством Бухарского горкома КП(б) Узбекистана предприняла осенью 1943 г. большие работы по благоустройству города. В короткий срок (за август — сентябрь 1943 г.) Бухара приведена в более или менее благоустроенный вид. Её улицы, в особенности многочисленные переулки и тупики, очищены от мусора, нечистот и разных завалов. Снесены и разобраны некоторые жилые постройки, полуразрушенные дома, не имевшие никакого исторического значения, засыпаны ямы и канавы и т. д.

Одновременно производились и восстановительные работы: окрашены и оштукатурены отдельные здания, починены деревянные уличные сооружения — барьеры, перила, мосты и т. п.

Лекторское бюро при Бухарском горкоме КП(б) Узбекистана организовало цикл лекций по истории Бухары. Местная газета «Красная Бухара» систематически освещала ход работ и их значение. Городской радио-

центр провёл цикл лекций на тему «Достопримечательности города Бухары (архитектурно-археологические памятники)».

Не обошлось и без некоторых перегибов: едва не пострадал один из замечательных памятников Бухары, так называемый «первый купол», или «Токи Сараффон», построенный в XVI в. известным строителем старой, феодальной Бухары — Абдулла-ханом. В Бухаре сохранилось только три таких купола. Построенные на перекрёстках больших уличных магистралей, эти куполы регулировали оживлённое уличное движение (отсюда их другое наименование — «чарсу», что означает — четыре потока). Предполагалось было в целях благоустройства пробить стены этого памятника, чтобы отделить пешеходное движение от транспорта.

Местный комитет по охране памятников искусства и старины (Бухкомстарис) вовремя забил тревогу. Его поддержал Центральный комитет по охране памятников искусства и старины в Ташкенте (Узкомстарис) — и памятник остался цел и невредим. Более того, позднейшие пристройки около него (различные ларьки) снесены. Памятник получил свой первоначальный, архаический вид. Осталось только реставрировать его старинную расцветку.

Работы по благоустройству Бухары, безусловно, имеют большое культурное значение и достойны подражания.

Доцент Т. Геллах

Сурхан-Дарьинский областной музей в Термезе, Узбекской ССР

До войны музей имел историко-археологический уклон; он вёл раскопки и разведки, работу по собиранию экспонатов, проводил мероприятия по популяризации и охране многочисленных местных памятников старины, по созданию историко-культурных и природных заповедников.

Отечественная война заставила музей шире развернуть свою работу и наполнить её в большой мере новым содержанием. Накопленные музеем материалы краеведческого характера дали возможность использовать местные залежи мела для нужд школ и учреждений, организовать эксплуатацию залежей угля, сланцев, огнеупорной глины, а также охры, дающей высокосортную краску. Стойкую жёлтую краску дала кора барбариса. Как выяснилось, шелуха косточек урюка вполне пригодна для массового изготовления чёрной китайской туши. Местные дикорастущие растения (таран, джанджак, джангиль) оказались вполне применимыми в дубильном производстве кожевенной промышленности. Музей разработал проблему скрещивания дикого винограда узума с культурными сортами, что должно обеспечить выведение новых сортов богарного винограда, и т. п.

Музей подготавливает силами своего и школьного актива массовый поход за полезными ископаемыми. Участники похода обследуют, в частности, многочисленные местонахождения древних рудных разработок.

Музей взял шефство над восстанавливаемыми сейчас музеями Смоленска, передал им свои дубликаты из коллекций общесоветского характера. Директор Сурхан-Дарьинского областного музея Г. В. Парфёнов, работавший ранее в смоленских музеях, отдал в дар последним принадлежавшее ему собрание книг по истории Смоленска, среди которых есть весьма редкие и ценные экземпляры.

На протяжении ряда лет музей учёл, зарегистрировал и описал ряд памятников древности отдельных местностей Средней Азии и прежде всего сурхан- и аму-дарьинских.

Уже в дни войны музей закончил составление обширной «Истории исследования древнего Термеза», которая содержит библиографические, архивные, анкетные и другие материалы к археологической карте Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР, в частности материалы для выяснения исторической топографии древнего Термеза. Самостоятельное значение имеет также свод данных по каменному периоду Средней Азии (археологическая карта с легендой) и особенно капитальный свод данных о пещерах, каменных «бабах», надписях на скалах и отдельных камнях Средней Азии. Два последних свода данных иллюстрированы фотоснимками (в количестве свыше двух тысяч), снятыми либо непосредственно с памятников древности либо с их изображений, помещённых в различ-

ных старых и новых, русских и иностранных изданиях, рукописных отчётах и т. д.

Заслугой музея является то, что он ввёл в предварительный научный обиход зараут-сайскую наскальную живопись; эта находка представляет собой одно из примечательных, пока ещё не опубликованных археологических открытий послеоктябрьского периода. Зараут-сайская живопись была обнаружена в Ширабадском районе четою И. Ф. и Е. С. Ломаевых, местных краеведов-охотников и постоянных активистов музея; при их непосредственном участии были найдены в 1938 г. в пещере Тешик-Таш костные останки неандертальского человека, получившие широкую известность.

Наскальная живопись Зараут-Сая содержит главным образом мотивы охоты первобытного человека на диких быков. Большинство изображений должно быть отнесено к ранним стадиям эпохи бронзы, но некоторые из них могут восходить, по видимому, к концу верхнего палеолита. Изображения исполнены местной минеральной краской — охрой тёмнокоричневого цвета, смешанной, согласно данным химического анализа, с животным жиром (костным мозгом?). Краска прочно пристаёт к известковым минерализованным натёкам, и изображения хорошо сохранились. Музей снял точные копии с зараут-сайских изображений, произвёл необходимые обмеры и фотофиксацию объекта изучения, представляющего собой древнейший памятник изобразительного искусства на территории Средней Азии.

При участии художников А. Ю. Рогинской и А. С. Кирилова музей заново организует отдел истории искусства, в экспозиции которого отражаются народное узбекское искусство, этнографические материалы. Нахождение музея в Термезе налагает на него определённые обязательства по изучению богатейшего прошлого города.

По решению городских организаций при музее создан авторский коллектив, подготовляющий к изданию очерк истории города. К работе привлечён ряд специалистов. Так, проф. А. А. Семёнов (Ташкент) готовит к печати извлечение из известий древневосточных писателей о Термезе, научный работник В. Д. Жуков работает над собранием таких же известий западноевропейских путешественников по Средней Азии. Из архивных собраний Ташкента, Бухары, Самарканда извлекаются сведения по истории Термеза, относящиеся к периоду присоединения его к Русскому государству. Собираются материалы по истории советского Термеза, в том числе о Термезе времени Великой отечественной войны.

7 ноября 1943 г. музей отметил десятую годовщину своего существования. С 1933 по 1943 год музей посетило до 250 тысяч человек.

Б. Лукин

С. И. ЧЕРНОМОРДИК

В ночь на 17 ноября 1943 г. умер Соломон Исаевич Черномордик. Вся жизнь С. И. Черномордика была образцом большевистской, самоотверженной работы на пользу родине, верным сыном которой являлся он ещё с юношеских лет.

С. И. Черномордик родился 9 июля 1880 г. в Смоленске, в семье мелкого служащего. С ранних лет он узнал нужду и тяжёлый труд. Сочетая работу с учёбой, он сумел окончить гимназию и поступить в Московский университет. За участие в студенческой сходке и демонстрации в 1901 г. он был исключён из университета и выслан из Москвы. С этих пор началась его жизнь профессионального революционера. С 1902 г. С. И. Черномордик — вполне определившийся марксист и член московской организации РСДРП, горячий и неутомимый пропагандист. Последовательный искровец, он после раскола на II съезде партии примкнул к большевикам и с тех пор никогда не покидал рядов большевистской партии, неуклонно борясь на всех этапах её пути за большевистскую генеральную линию.

Прирождённый массовик-агитатор, пропагандист, организатор, он отдавал свою жизнь неустанной работе среди рабочих и крестьян. Его деятельность протекала то на Украине (Николаев, Екатеринослав), то на Волге (Симбирск, Казань), то в столичных центрах (Петербург, Москва). С августа 1905 г. С. И. Черномордик был выбран секретарём Московского комитета партии и был одним из руководителей и организаторов всероссийской политической стачки в октябре и московского вооружённого восстания в декабре 1905 года. В 1907 г. он был избран делегатом Лондонского съезда партии, в подготовке которого принимал деятельное участие. В 1912 г. С. И. Черномордик также деятельно участвовал в подготовке Пражской конференции.

В 1914 г. С. И. Черномордик закончил медицинский факультет, не прерывая партийной работы, и получил звание врача. Во время первой мировой войны он был мобилизован в качестве врача и отправлен на кавказский фронт, где после февральской революции был избран председателем солдатского совета. В январе 1918 г. С. И. Черномордик вернулся в Москву. После короткой передышки он снова на фронте и активно участвует в разгроме Колчака на восточном фронте и в разгроме Деникина на южном фронте. После изгнания Врангеля из Крыма С. И. Черномордик был организатором крымских курортов. В конце 1921 г.

он вернулся в Москву и был назначен заведующим Истпарта МК ВКП(б) и с тех пор начал углублённо работать по истории партии, истории революционного движения и истории нашей родины.

С 1938 г. С. И. Черномордик работал в Институте истории Академии наук СССР в качестве заведующего сектором истории советского периода. Он был членом Учёного совета Института и постоянным участником ряда научных мероприятий института. С начала Великой отечественной войны С. И. Черномордик несмотря на преклонные годы (ему было уже 60 лет) принял решение идти в ряды Красной Армии. С большим упорством добивался он осуществления своего патриотического стремления и, наконец, был назначен военным комиссаром эвакогоспиталя. Демобилизованный по болезни и по возрасту, он вернулся вновь в Институт истории АН СССР.

С. И. Черномордик окончил два высших учебных заведения — естественный факультет Петербургского университета и медицинский факультет Московского университета. Но уже с 1905 г. он проявляет интерес к истории и с 1921 г. посвящает себя ей полностью. Им написано, опубликовано и подготовлено к печати не менее 150 печатных листов. Последний год своей жизни С. И. Черномордик был занят переработкой своего основного труда — «Вооружённое восстание 1905 года в Москве», — который он представил в качестве докторской диссертации. Защита диссертации была назначена на конец декабря 1943 года.

Дирекция Института истории и бюро Отделения истории и философии постановили в ознаменование памяти С. И. Черномордика подготовить к печати и издать в 1944 г. представленную С. И. Черномордиком диссертацию.

Вечная память ушедшему от нас историку-большевику, прекрасному товарищу и благородному человеку!

Л. Иванов, Б. Горянов, М. Смирнов, М. Тихомиров, С. Лившиц, А. Тифлисова, А. Гуральский, А. Гуревич, Н. Дружинин, Е. Кушева, Е. Цунк, Л. Брилон, Е. Петропавловская, Г. Толмачёв, Е. Юрченко, Е. Ципулина, Ф. Нотович, Л. Перелешина, А. Мишулин, М. Зайцева, Н. Аполлова, Н. Франич, Б. Греков, Вл. Бонч-Бруевич, А. Удальцов, А. Сидоров, А. Цейтлиц, В. Пицета, А. Панкратова, Б. Волин, Я. Крастынь.

CONTENTS:

On the Reorganization of the People's Commissariat of Defence and the People's Commissariat of Foreign Affairs from All-Union into Union-Republican People's Commissariats. Speech Delivered by V. M. Molotov to the Supreme Soviet of the U. S. S. R. on February 1, 1944.—Laws Enacted by the Supreme Soviet of the U. S. S. R. (10th Session of the Supreme Soviet).—Under the Banner of Lenin and Stalin the Soviet People Are Marching to Victory. Speech Delivered by A. S. Shcherbakov on January 21, 1944, at the Memorial meeting Dedicated to the 20th anniversary of Lenin's Death.—On the National Anthem of the Soviet Union. ARTICLES: Soutotsky S. From the History of the Publication and Circulation of Lenin's Works in Tsarist Times. Likhner B. The Collective Farm in the Great Patriotic War. Shekun O. The Expulsion of the German Invaders from Byelorussia in 1918. Petrovsky N., prof. Unification of the Ukraine with Russia in 1654. Tarlé E. (Active member of the Academy of Sciences of the U. S. S. R.). The First General Storming of Sevastopol and the Russian Victory of June 18, 1855. Notovich F., prof. The Defeat and Capitulation of Germany in 1918. Mishulin A., prof. Moscow University—S. A. Zhebelev and the Study of Ancient History in Russia. ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS: Einhorn W. V. I. Lenin and the Rumyantsev Library. Zvavich I., prof. Moscow University—Treachery of Prussia in her Relationships with Russia in 1812. Petrushevsky I. From the History of Shirvan (end of XV century). Lebedev N. Byzantium and the Mongols in the XIII century. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

De la transformation des Commissariats du peuple fédéraux de la Défense et des Affaires étrangères en commissariats fédéraux-républicains. Rapport de de V. M. Molotov au Soviet suprême de l'U. R. S. S. le 1er février 1944.—Lois adoptées par le Soviet suprême de l'U. R. S. S. (X^e session).—Sous le drapeau de Lénine et de Staline le peuple soviétique marche à la victoire. Rapport présenté le 21 janvier 1944 à la séance commémorative solennelle consacrée au XXe anniversaire de la mort de Lénine.—Du Hymne d'Etat de l'Union soviétique. ARTICLES: Soutotski S. Histoire de l'édition et de la diffusion des oeuvres de Lénine en Russie tsariste. Likhner B. Les kolchoz et la Grande guerre pour le salut de la Patrie. Chékoune O. L'expulsion des envahisseurs allemands de Biélorussie en 1918. Petrovski N., prof.—L'adhésion de l'Ukraine à la Russie en 1654. Tarlé E. (membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'URSS). Le premier assaut général de Sébastopol et la victoire russe du 18 juin 1855. Notovitch F., prof.—La défaite et la capitulation de l'Allemagne en 1918. Michouline A., professeur à l'Université de Moscou.—S. A. Gébélev et la science russe de l'histoire ancienne. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Eingorne V. V. Lénine et la bibliothèque Roumiantsev. Zvavitch I., professeur à l'Université de Moscou—La perfidie de la Prusse à l'égard de la Russie en 1812. Pétrouchevski I. De l'histoire de Shirvan (fin du XVe siècle). Lebedev N. La Byzance et les Mongols au XIIIe siècle. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES ET REVUES CRITIQUES. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

INHALT:

Ueber die Umbildung der Unions-Volkskommissariate für Landesverteidigung und für Auswärtige Angelegenheiten in Unions und Republik-Volkskommissariate. Bericht des Genossen W. M. Molotow im Obersten Sowjet der UdSSR am 1. Februar 1944.—Die vom Obersten Sowjet der UdSSR angenommenen Gesetze (X. Session des Obersten Sowjets der UdSSR der ersten Einberufungsperiode)—Unter dem Banner Lenin—Stalins schreitet das Sowjetvolk zum Siege. Referat des Genossen A. S. Schtscherbakow auf der feierlichen Trauerkundgebung zum 20. Jahrestag des Todes W. I. Lenins am 21. Januar 1944—Ueber die Staatshymne der Sowjetunion. ARTIKEL: Sutozki S. Zur Geschichte der Herausgabe und Verbreitung der Werke W. I. Lenins im zaristischen Russland.—Likhner B. Die Kollektivwirtschaft im Grossen Vaterländischen Krieg. Shekun O. Die Vertreibung der deutschen Okkupanten aus Bjelorusland im Jahre 1918. Petrovski N., Prof. Der Anschluss der Ukraine an Russland im Jahre 1645. Tarlé E. (Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR). Der erste allgemeine Sturmangriff auf Sebastopol und der russische Sieg am 18. Juni 1855. Notowitsch F., Prof. Die militärische Niederlage und die Kapitulation Deutschlands im Jahre 1918. Mishulin A., Prof. an der Moskauer Universität S. A. Shebeljew und die russische Geschichtsforschung der Antike. MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN: Einhorn W. W. I. Lenin und die Rumjantzev-bibliothek. Zvawitsch I., Prof. an der Moskauer Universität—Preussens Treubruch gegenüber Russland im Jahre 1812. Petruschewski I. Aus der Geschichte Schirwans (Ende des 15. Jahrhunderts). Lebedew N. Byzanz und die Mongolen im 13. Jahrhundert. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.